

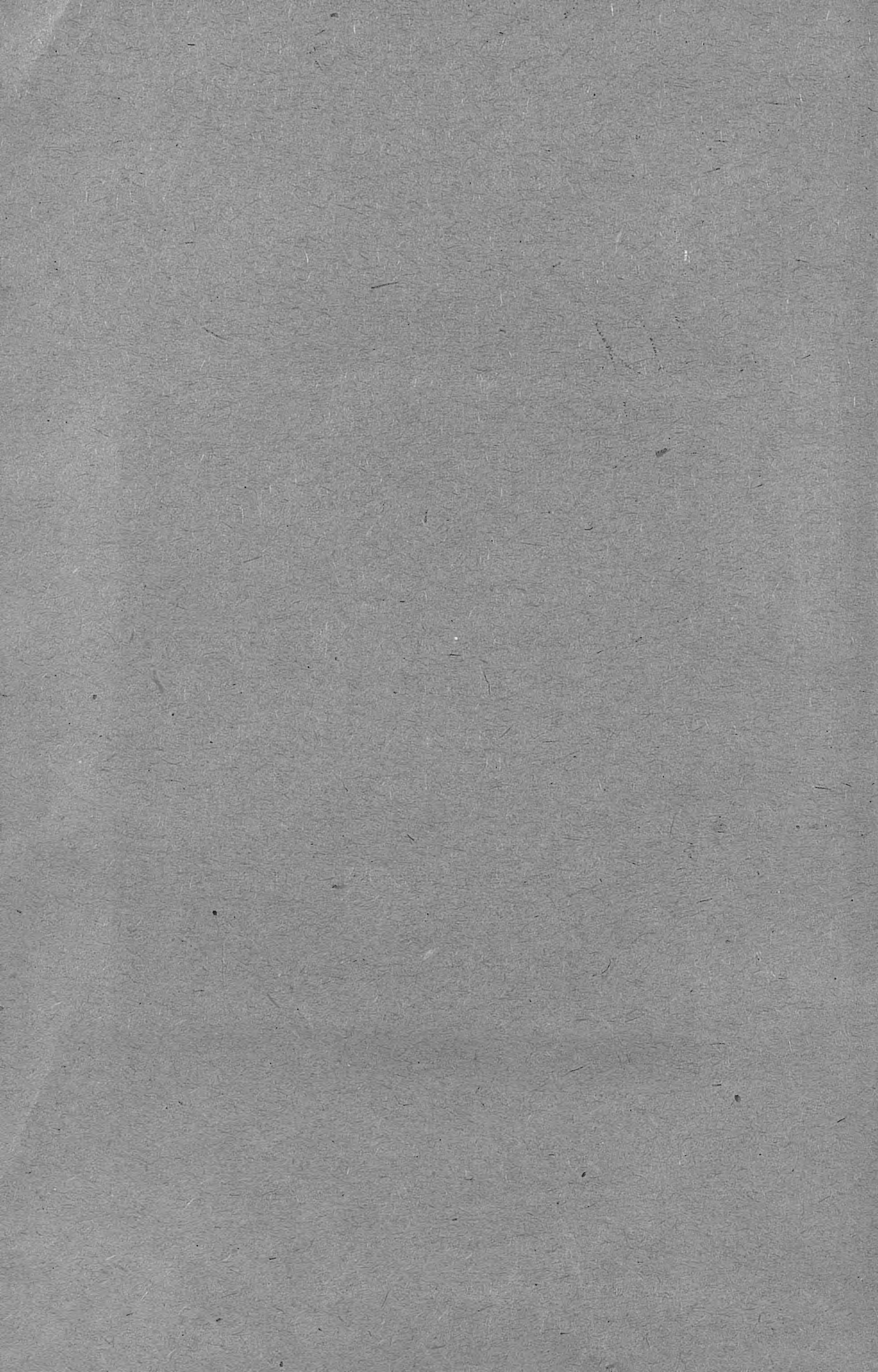

ИЗ ЭПОХИ БОРЬБЫ С ЦАРИЗМОМ

Сборник № 5

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ИЗДАНИЕ
Киевского Отделения Всесоюзного Общества
политических каторжан и ссыльно-поселенцев
КИЕВ — 1926

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ИЗ ЭПОХИ БОРЬБЫ С ЦАРИЗМОМ

СБОРНИК № 5

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Л. БЕРМАНА

ИЗДАНИЕ
Киевского Отделения Всесоюзного Общества
политических каторжан и ссыльно-поселенцев
КИЕВ — 1926

Киевск. Окрлит № 15143—Зак. № 1593—3000 экз.
Типография Киевского Политехнического Института.

Содержание:

Декабристы

Мировоззрение, организация, выступление.

I

Эпоха декабристов.

„Вы, и еще больше декабристы,—говорил Чернышевский Герцену,—были дилетанты революционных идей; для вас участие в деле было роскошь, поэзия. Сами же вы говорите, что вы все жертвовали общественным положением, имели средства; для вас, стало быть, переворот не был вопросом жизни, хлеба и человеческаго существования, вопросом жизни.“

— Я полагаю—зло ответил Герцен,—что для казненных да.

По крайней мере не были роковыми, неизбежными вопросами. Вам нравилось быть революционерами. Для нас же борьба не выбор, это наше общественное положение. Между нами и вами та разница, как между человеком, упавшим в воду, и купающимся: обоим надо плыть, но одному по необходимости, другому из удовольствия“.

Этот спор о сущности и ценности декабристского движения, как и других дворянских интеллигентских революционных выступлений, ведется и по настоящее время.

В связи со столетним юбилеем восстания на Сенатской площади и в Василькове, он принял характер злобы дня. Но не только с исторической точки зрения данный вопрос важен. Он имеет огромное значение и как проблема оценки роли интеллиценции в деле русской революции и особенно важен теперь, когда провозглашен лозунг смычки между пролетариатом и интеллигенцией. Декабристское движение интересно прежде всего, как первое организованное революционное выступление. До него были стихийные народные бунты, „бессмысленные и дикие“, по выражению представителя интеллигенции того времени А. С. Пушкина, и чисто литературные, очень осмысленные, но для восстаний недостаточно активные, „дикие“, насквозь интеллигентские выступления, многие из которых могут быть охарактеризованы, как „бунт на коленях“.

Движение декабристов интересно далее тем, что оно отражало чрезвычайно сложные и разнообразные течения общественно-политической мысли, которые характерны для начала XIX в.

Прошлое столетие—время как хозяйственного, так и идейного торжества буржуазии. В первые десятилетия прошлого века происходило бурное развитие промышленного капитализма на западе и зарождение его у нас. С 1806 по 1820 г., несмотря на крайне опустошительную войну в 1812 г., промышленность России выросла вдвое. Крепостной труд становился уже невыгодным. Натуральное хозяйство заменялось товарным. Дворянство превращалось в буржуазию. Еще в архиве кн.. Воронцова мы читаем: „Всякая держава, в коей не находится третьего чина, есть несовершенна, сколь бы она ни сильна была; сие весьма ясно видеть можно. Рабский страх бывает там вместо ободрения; строгость, которую благородные производят, будучи ничем ненасытимы, не есть действительна, потому что нет иных побудительных причин. Что остается требовать от народа, лишенного надежды и который не может иметь любочестия. Но о той стране, где находится третий чин, сказат сего не можно, нет там такого места, которого не мог бы получить человек третьего чина, есть ли он только заслужил оное. Третий чин есть училище-великих людей“.

Наиболее популярный в то время „Дух журналов“ помещал переводы английской конституции, а также сочинения Бентама, Симонди и других выдающихся идеологов либерализма. Насколько в то время интересовались экономическими и политическими теориями, можно судить, хотя бы потому, что даже такой прожигатель жизни, как Пушкинский Евгений Онегин, говорил о преимуществах хозяйственной свободы над тою мелочною опекой производства, какую проповедовали меркантилисты. Он рассуждал о нашем народном хозяйстве:

„И отчего, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет“.

Говорил „о Байроне и Бенжамене, о Карбонарах“.

Правда, в большинстве случаев политический радикализм дворянства конца XVIII и начала XIX в. носил, так сказать, чисто салонный характер. Он предназначался для придания остроты гостинным разговорам. Подобно тому, как во Франции перед Великой Революцией, так и у нас было много так называемых салонных политиков.

Карл Маркс еще двадцать лет спустя заметил это, сказав: „Русская аристократия воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она всегда стремится к самым крайним теориям запада. Это чистое гастрономство, которым занималась в XVIII веке часть французской аристократии“.

Но с другой стороны, эти постоянные разговоры имели большее положительное влияние. Они пробуждали мысль. Не у всех увлечение идеей идет только до глубины сердца—у мно-

гих оно доходит и до глубины кармана и до глубины воли, когда за идею отдают все то, что имеют. Так было и у нас. В недрах масонских лож и литературных обществ, носивших на половину характер салонной игры, родились политические организации декабристов. Для некоторых лиц, как напр. для Алексея Ник. Муравьева, масонские ложи служили прикрытием для политических целей. Муравьев утверждал, будто „общество только и может существоват посредством лож.“ Для других и кружки были литературно-философскими об‘единениями, или как выразился Пушкин в послании к товарищу по О-ву „Зеленая лампа“:

„С тобою пить мы будем снова.
Открытым сердцем говоря
На счет холопа записного,
На счет небесного царя
И иногда на счет земного.“

Идеи Великой Французской Революции,—декларация неот‘емлемых прав человека и гражданина, учение о естественных, прирожденных свободах получили в их лице горячих апологетов. Но начало XIX века было временем, когда на Западе, в противоположность освободительной философии XVIII в., обнаруживали все больше и больше развитие мистические и националистические идеи. Все эти различные их течения получили своеобразное сочетание в воззрениях декабристов.

Серьезное влияние оказали на некоторых декабристов и зарождавшиеся тогда на западе социалистические принципы. После каждой крупной войны, как реакция против тех бедствий, которые переносит население, происходят серьезные внутриполитические сдвиги.

Вспомним, что после войны 1914—1918 г. произошла теперешняя революция, после войны с Японией—революция 1905 г., после Крымской компании—освобождение крестьян. Так и было тогда после окончания войны с Наполеоном. 4 июля 1814 г. во Франции ввели новую либеральную конституцию. Подобная же конституция была введена в Норвегии, в 1809 г. в Финляндии и в 1815 г. в Польше. Все это не могло не вызвать и у нас стремлений к коренным преобразованиям. Последующие события только усилили данное стремление. „Происшествия“, т. е. революции, в Неаполе 1820—21 г., Гишпании 1820 г. и Португалии 1820 г., имели тогда большое влияние на меня“, писал в своих показаниях Пестель. Они дали толчек выявиться тому оппозиционному настроению, которое давно назревало в русском обществе.

Стремление к ограничению самодержавия и к освобождению крестьян было у передовых русских людей уже со времени Петра I. Так наиболее образованный среди верховников, стремившихся еще в 1726 г. ограничить власть самодержавия в

пользу знатных дворян, князь Д. М. Голицын написал проект конституции. Он был знаком с трудами выдающихся политических мыслителей нового времени—Макиавелли, Гуго Гроция, Локка, Пуфендорфа, Томазия и др. Как сообщал французский поверенный в делах своему правительству, по плану Голицына, кроме Верховного Совета и Сената, (к чему стремились верховники), предполагалось образовать парламент из двух палат.— Первая должна была состоять из представителей дворянства, а вторая—из представителей городов.

При Екатерине II, в 1768 г. профессор Московского университета Семен Ефимович Десницкий, слушавший лекции известного основателя классической школы политической экономии, либерала Адама Смита, предлагал создать выборный сенат, напоминающий до некоторой степени парламент.

Много содействовал распространению просветительных идей в России знаменитый философ предреволюционной Франции— Дидро.

О государственном преобразовании мечтал и русский посланник в Швеции гр. Н. И. Панин, представивший Екатерине проект учреждения императорского Совета. Подобных же взглядов держался и знаменитый автор „Недоросля“ Д. И. Фон-Визин — дядя декабриста М. А. Фон-Визина. В воззрениях Панина и Фон-Визина было много чисто дворянских элементов. Они стремились ограничить самодержавие прежде всего для своего сословия, но все же они знакомили русское общество с конституционными порядками. Также сторонником ограничения власти монарха был кн. М. М. Щербатов—автор „Путешествие в землю Офирскую“, в котором высмеивались русские порядки. Щербатову особенно нравится английская конституция, т. к. „Нигде толь не цветет народная вольность под тенью монархической власти, как в Англии: там вышнюю власть, ограниченную законами, имеет король, Верхняя камора парламента вельможную власть представляет, а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляет власть народную. И все сии три власти, в беспристанных прениях между собою по раздельным их приватным пользам, связаны неприоборимыми узами и равными стопами к благу общему шествуют“.

К концу царствования Екатерины II, по мере того как она правела, русское общество левело. Влияние Монтескье и Вольтера сменяется влиянием Руссо, Мабли и Райноля. Переведенная литература очень разростается, достигая при Александре огромных размеров [1]).

---

[1]] В 1806 г. был напечатан по распоряжению государя перевод сочинения Де-Лольма об английской конституции, в 1811 г. перевод трудов знаменитого английского философа, либерала Бентама. В 1814 г. был переиздан в третий раз Монтескье. Насколько широкое распространение

Не менее сильно и непосредственное влияние французских революционеров. Так Ж. Ромм, один из виднейших деятелей французской революции, был воспитателем гр. П. А. Строганова, а секретарь женевского революционного комитета Сеже был учителем гр. П. П. Толстого, истый вольтерьянец Брюкнер был учителем кн. Куракина.

Под влиянием таких воспитателей два князя Голицины с ружьями в руках принимали участие во взятии знаменитой французской политической тюрьмы Бастилии, а гр. Строганов посещал французское национальное собрание. Н. Муравьев встречался в Париже с знаменитым идеологом третьего сословия Сийесом.

Ярким выразителем революционных идей был известный автор „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищев, воспитанник б. члена Руанского парламента. По его мнению, „самодержавие есть найпротивнейшее человеческому естеству состояние“. В противоположность большинству сторонников ограничения абсолютизма, он стремился делать это не в пользу дворян, а в интересах широких трудовых слоев русского народа. Радищев усиленно проповедывал необходимость даровать свободу слова и доказывал, „что один несмысленный урядник благочиния может величайшим в просвещению сделать вред“.

Горячим проповедником правового строя и врагом крепостничества в то время был поручик Кречетов, ведший пропаганду среди солдат, за что его заключили в Шлиссельбургскую крепость.

Знаменитый составитель полного собрания законов М. М. Сперанский в 1809 г., по предложению Александра I, составил

получили либеральные идеи, можно судить хотя бы по тому, что в уездном городе Воронежской губ. в половине 10-х г.г. у многих жителей были сочинения названных писателей. В обществе этого маленького городка оживленно обсуждались конституционные вопросы. [См. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, СПБ. 1909 г.]. Тем более это было в Петербурге—декабристы очень много читали, не говоря уже о П. И. Пестеле, Никите Муравьеве и Н. И. Тургеневе, которые были одними из самых образованных людей своего времени не только в России, но и за границей. Начитанность, ширину кругозора декабристов можно увидеть, если ознакомиться с тем, что читали рядовые члены революционного общества, скажем, мичман Беляев 2-й, или Крюков. Эти молодые в 1825 г. люди были знакомы с греческими и римскими историками, а также, Монтескье, Вольтером, Руссо, Гельвецием, Кондильяком, Гольбахом, Макиавелли, Ваттелем, Адамом Смитом, Ж. Б. Сейем, Бентамом и Дэтю-де-Траси. Один из декабристов как-то сострил, что улицы в Петербурге опустели, так как все читают политические и исторические трактаты.

Тогда же впервые профессура начала усиленно проповедывать либеральные идеи. Проф. Куницын, автор „Право естественное,“ и проф. Герман и Арсеньев были удалены из университета за проповедь конституционного строя.

проект русской конституции с Государственной Думой в качестве парламента. Адмирал Мордвинов также составил проект коституции, но, согласно с ней, избирательные права давались только лицам, обладавшим большим имуществом.

Декабристы намечали Мордвинова, Сперанского и ген. Ермолова в члены Временного Правительства. В эпоху войны с Наполеоном сам император выдавал себя за ярого либерала. Отечественную компанию он об'явил „последней борьбой независимости против порабощения, либеральных идей—против системы тираний". Подобно тому, как войну против Германии в 1914 г. многие всерьез считали последней борьбой против империализма, так борьбу против Наполеона многие в 1812 г. считали всерьез последней борьбой против деспотизма.

Декабрист Якушкин писал: „Война в 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важнейший период в его политическом существовании. Как сказал один солдат: „Ну, слава Богу, вся Россия в поход пошла".

И, действительно, стремление к улучшению жизни охватило все слои общества. Не только образованное дворянство, познакомившееся во время походов русской армии заграницу с западно-европейским конституционным строем, но и купечество и крестьянство резко выражали свое недовольство существовавшим в то время в России порядком. Так, в 1821 г. Александру I был сделан донос об опасном настроении купцов гостинного двора. А о волнениях среди крестьян мы можем получить представление хотя бы по „Войне и Миру" Л. Н. Толстого.

Как совершенно правильно указывал Ал. Бестужев-Марлинский Николаю I в письме из заключения из Петропавловской крепости, „Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начала свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: „свобода, освобождение". Само рассеивало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона". Войска, от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас".

II.

Идеология декабристов.

Декабристы полагали, что наш народ после победы над Наполеоном, после того как его везде приветствовали в качестве освободителя Европы от наполеоновского ига, не сможет

примириться со своим рабским состоянием. Дворянские, буржуазные и крестьянские стремления начала XIX века и получили свое яркое выражение в движении декабристов. Это движение, как по своему классовому составу, так и по своей идеологии чрезвычайно многоцветно. Декабристское выступление это—истоки революционных движений XIX в. в России. А у истоков недалеки друг от друга течения, расходящиеся затем в различные стороны.

К выяснению основных направлений общественной мысли декабристов мы теперь и перейдем. В начале они были довольно умеренные. В них отражаются чисто сословно-дворянские стремления к созданию чего-то весьма подобного тому, к чему стремились в XVIII в. т. н. верховники. Наиболее яркими представителями этого направления были граф Дмитриев - Мамонов, потомок организаторов дворцовых переворотов Орлов М. (друг и впоследствии родственник декабриста князя Волконского, тот самый Орлов который с русской стороны подписал договор об условиях сдачи Парижа армии Александра I, и князь Меньшиков. Они еще в 1815 г., сейчас же после окончания войны, образовали орден „Русских Рыцарей", стремившийся к ограничению самодержавия „Палатой вельмож" и „Палатой мещан". Вся фактическая власть при этом должна была сосредоточиться в „Палате вельмож". В противоположность тем дворянам, которые полагали

Und der Kaiser absolut
Wenn er uns'ren Willen thut

(Пусть будет абсолютный монарх, если он творит нашу волю), они стремились формально подчинить „Царя" дворянству.

Между тем внутри России, освободившей мир от деспота Наполеона, водворялась все большая и большая реакция. Все душил сапог Аракчеева. Страна волновалась. Кн. Трубецкой в своих показаниях Верховной Следственной Комиссии писал: „Состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот... Сие мнение особенно основал я: 1) на частых возмущениях крестьян против помещиков,—и на продолжительности оных, равно как и умножение таковых возмущений, 2) на всеобщих жалобах на лихоимство чиновников в губерниях и, наконец, 3) полагал, что образование военных поселений будет также со временем причиною переворота".

Дворянство мечтало ограничить в свою пользу самодержавие, купечество требовало правовых гарантий, крестьянство—отмены крепостничества.

Элементы воззрений эпохи дворцовых переворотов XVIII в. были не только у Орловых и Мамоновых, но и у некоторых, хотя и очень немногих подлинных деятелей декабристского движения, на которое эти лица смотрели, как на дворцовое

„действо“, в роде того, какие имели место при воцарении Анны Ивановны, Екатерины II и Александра I. „Как исторический человек, участвовавший в перевороте, я мог надеяться попасть в правительственную аристократию. Я считаю себя, конечно, не хуже Орловых времен Екатерины“—писал, напр. декабрист Батеньков.

Борьба за престол Николая I со сторонниками Константина очень напоминала подобную же борьбу в XVIII в. „Завтра я или император, или без дыхания“—писал Николай I накануне приведения гвардейских полков к присяге. Вопрос о том, кого хотят эти полки иметь императором, обсуждался 12 декабря 1825 г. не менее серьезно, чем это делалось при замещении престола в предшествующем столетии. Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович (довольно сочувственно относившийся к декабристам) сильно сомневался в том, согласятся ли гвардейцы признать Николая I императором. Но все же нельзя преувеличивать элемент „дворцового действа“ в декабре 1825 г. Во всяком случае, организаторы выступления на Сенатской площади и в Василькове были одушевлены совершенно иными настроениями, их вдохновляло стремление не заменить одного кандидата на престол другим, или создать дворянскую олигархию, а ввести коренные реформы в интересах страны или, как выразился Никита Муравьев, „поставить Россию на уровень гражданского быта, введенного в Европе в тех государствах, где начало было не власть деспотов, но права человека и народов“. Эти стремления не у всех участников были одинаковы. В политических идеалах декабристов получили отражение все современные им течения западно-европейской общественной мысли от аристократического конституционализма Монтескье и до социалистических принципов Конвента. Представителем первого течения был известный автор проекта русской конституции Никита Муравьев. По поводу него идет спор, считать ли его выразителем интересов передового дворянства, или нарождающейся буржуазии. Нам думается, что обе точки зрения правильны, т. к. идеалы буржуазного конституционализма вытекали из дворянских идеалов ограничения самодержавия и восстановления прежних вольностей. Так Монтескье—несомненный идеолог аристократии—в то же время явился одним из отцов буржуазного конституционализма XIX в. Это в полной мере относится и к Никите Муравьеву, во многих отношениях похожему на только что названного знаменитого французского мыслителя. Никита Муравьев стремился обосновать принципы преобразований не отвлеченно логически, не из построений рационалистической философии, а прежде всего исторически.

В кахетизисе его (который не надо смешивать с катехизисом Сергея Муравьева-Апостола) имеется вопрос: „Какое было

на Руси управление без деспотизма"? И дается ответ: „Всегда были народные вече".

„Отцы наши говорили: поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не по самовластью, своевольству и прихотям. Но государи мало по малу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому".

В поэтической форме эту мысль выразил В. Раевский.

„Пора друзья, пора восстать
Из мрака в век прошедший славы,
Народов древних вспомнить нравы
И те священны времена, когда гремело наше Вече".

Вслед за Монтескье Н. Муравьев полагал, что только в том случае может быть обеспечена свобода и уничтожен произвол, если власти законодательная, исполнительная и судебная не будут сосредоточены в руках одного какого-нибудь учреждения или лица. В самом деле, полагал Муравьев, если тот самый орган, который издает законы, будет следить за их осуществлением, тогда он будет иметь возможность изменить закон, в случае нежелания проводить его в жизнь, и сможет не карать за его нарушение.

Н. Муравьев призывал самым внимательным образом считаться с местными географическими и историческими особенностями, выводил дух законов из местных особенностей. Поэтому он является противником централизации законодательства и предлагает превратить Россию в федеративную конституционную монархию, состоящую из 15-ти держав. По мнению Муравьева, столь обширная страна, как наша родина, страна, населенная чрезвычайно разнообразными народностями, находящимися на различных ступенях культуры, не может управляться из одного центра по одному шаблону.

Далее, подобно Монтескье, Муравьев является горячим сторонником начала разделения властей, ярко проведенного в популярной тогда конституции С. А. С. Штатов [1]). Проект Муравьева содержит в себе 13 глав: 1) о народе русском и правлении, 2) о гражданах, 3) о состоянии, личных правах и обязанностях русских, 4) о России, 5) о внутреннем устройстве—волостном и уездном, или поветовом, 6) о народном Вече, 7) о палате представителей, о числе и выборе представителей,

[1]] Насколько конституция С. А. С. Штатов была в то время популярна, можно судить хотя бы по тому, что даже сам русский император Александр I в письме к президенту С. А. С. Штатов Джефферсону писал: „Я всегда питал высокое уважение к вашей нации, которая сумела самым благородным образом воспользоваться своей независимостью, создав для себя конституцию свободную, мудрую, которая обеспечит счастье всем и каждому"

8) О Думе Верховной, 9) о власти и преимуществах Народнаго Вече и составлении законов, 10) о Верховной Исполнительной власти. 11) о внутренних властях и правительствах держав. 12) о правительствующей власти держав, 13) об испонительной власти держав.

Конституция начинается статьей, заимствованной из испанской конституции и гласящей, что „русский народ свободный и незивисимый не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства".

Взгляд на монарха у Муравьева не патриархально-аристократический, а буржуазно-бюрократический. Для него монарх не первый дворянин; а „верховный чиновник"; без согласия народных представителей „Народного Вече" ни он, ни его министры не вправе издать ни одного закона. Принцип народного суверинитета выражен Муравьевым очень ярко в том понимании его, как он осуществляется в Зап. Европе. Суд совершенно независим от монарха и от парламента и должен следить за тем, чтобы основные права человека и гражданина и вытекающие из них свободы—совести, слова, собраний, печати, неприкосновенности личности и собственности и пр.—никем не нарушались.

Но отнюдь не за всеми признает Никита Муравьев политические права. Последние не прирождены человеку, как думали в XVIII в., а являются результатом исторического процесса и предполагают известную высоту культурного развития. Так кочующие инородцы, не разбирающиеся в сложных государственно-правовых вопросах, не могуть быть, по его мнению, наделены политическими правами. Лишает он этих прав также женщин, неплательщиков налогов, прислугу и вообще лиц, находящихся в личной зависимости, в том числе всех придворных, а через 20 лет после введения конституции и всех неграмотных.

Однако не только культурный, но и имущественный ценз стремится ввести Н. Муравьева. Для того, чтобы иметь право голоса, необходимо обладать недвижимостью, оцененной не менее чем в 5,000 руб., или движимостью ценою от 10.000 руб. Для занятия же высших постов необходимо иметь недвижимость от 60.000 руб.

В этом различии высоты ценза недвижимости и движимости проявились несомненно дворянские интересы: для представителей землевладения имущественный ценз вдвое ниже, чем для городской буржуазии. Крестьяне имеют один голос на каждые 500 человек и выбирают своих представителей не непосредственно, а через особых выборщиков [1]).

---

[1]] Однако не надо забывать, что в то время и на западе был очень высокий ценз. Так напр, в Англии в палату депутатов от графства [деревень] мог быть избран только человек, имеющий 6.000 руб. годового

Дворянские интересы сказались далее у Н. Муравьева в том, что он хотел освободить крестьян без земли, и только после продолжительных споров с другими декабристами соглашался передать им кроме усадьбы по 2 десятины на душу, то есть то, что в 1861 г. было осуществлено в виде т. н. дарственного, нищенского надела.[1])

Одними из серьезнейших мотивов борьбы Муравьева против принципов самодержавия явились воспоминания аристократии со времен Ивана Грозного о тех опасностях, которые грозят ей со стороны неограниченного властелина. В своем катехизисе Н. Муравьев задает вопрос: „Могут ли быть постоянные законы при деспотизме?“ и отвечает: „Деспотизм, или самовластие их не терпит, потому что деспот властен делать все, что захочет. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дела мало—оттого пословица—„Близь самодержца—близь смерти“.

Таковы в основных чертах воззрения занимавшего наиболее правую позицию среди идеологов декабризма Н. Муравьева. Если у него, как мы видим, буржуазные течения мысли переплетались с дворянскими, то у кн. Трубецкого и у бар. Штейнгеля либерально-буржуазные взгляды получили более чистое выражение. В своих показаниях Верховной Следственной Комиссии кн. Трубецкой сам отмечает, что он находился под сильным влиянием известного идеолога либерализма начала XIX в. Бенжамена Констана. В манифесте Трубецкого перед восстанием выставляются требования политических свобод и ограничения самодержавия палатами народных представителей. Констан, как и знаменитый комментатор Монтескье Детю-де-Траси оказали вообще огромное влияние на декабристов.

Но не только идеологически декабристы были связаны с либеральной буржуазией. Известно, что бар. Штейнгель заигрывал с сибирскими купцами, а Рылеев был секретарем Российско-американской торговой компании. Накануне восстания 14 декабря 1825 г. у директора этой компании был ужин, на котором купец Сережников провозгласил многозначительный тост: „Выпьем—не знаем, будем ли завтра живы“.

Многих удивит, почему это князья и бароны явились выразителями буржуазной идеологии? Многие склонны с недоумением воскликнуть, как это сделал Николай I после подавления

дохода, а в проекте Н. Муравьева 2.000 руб. недвижимого имущества. В силу этого нужно, как указывает В. И. Семевский, признать, что Муравьев значительно понижал ценз по сравнению с образцом, которым он пользовался.

[1]] При рассмотрении этого не надо забывать, что в Польше в то время крестьяне освобождены без земли.

восстания: „Гвардии полковник, князь Трубецкой, как вы можете быть с этой публикой?“

И однако совсем не случайно, что дворянство формировало у нас буржуазные идеи. Оно, во-первых, само постепенно превращалось в буржуазию, хотя делало это довольно медленно [1]). А, во-вторых, почти всегда оформляют идеологию нового, вступающего на историческую арену класса выходцы из старею- щего класса. Идеологию пролетариата выразили выходцы из буржуазной среды, а идеологию этой последней выходцы из дворянства.

Но ряд русских идеологов буржуазии среди декабристов находился под сильным влиянием современной им западно-европейской буржуазии, т. е. буржуазии, уже напуганной революціонными выступлениями масс. Вслед за Монтескье, либеральные мыслители начала XIX в. очень охотно говорили, что народ либо недостаточно, либо чрезмерно деятелен, что он или миллионами ног ползет, как насекомое, или миллионами рук все опрокидывает и ломает [2]). Но особенно большое влияние на идеологов буржуазного либерализма среди декабристов оказал знаменитый политический мыслитель тогдашней Франции Бенжамен Констан. Он утверждал, что деспотизм может одинаково столковаться и с дворянством и с простонародьем, что гибелен для него только средний класс, т. е. буржуазия. „Когда власть попадает в руки несобственников, то происходит одно из трех— учил он—или анархия, или выдвигается тиран с неограниченной никакими юридическими положениями властью, или наступает диктатура партии. Только средний класс может обеспечить правовой строй [3]). Если мы вдумаемся в эти положения, то поймем, почему, напр., кн. Трубецкой боялся во время восстания втягивать в него широкие круги простонародья.

---

[1]) Впоследствии Белинский отметил этот процесс и сказал, что только когда он завершится, Россия быстро пойдет по пути прогресса.

[2]) Этого недостатка не было только у левого крыла декабристов. Так. Н. Крюков утверждал, что „с народом все можно, без народа ничего нельзя“. Завалишин стремился опереться на вольнолюбивые, по его мнению, стремления казаков, не забывших еще свои прежние вольности, и в этом отношении похож на Плеханова молодых лет, пытавшегося поднять казачество.

[3]) На влияние Б. Констана указывают многие члены Северного Общества. „Свободомыслием первоначально заразился я во время похода во Францию в 1814—1815 г.г.—пишет, напр., Рылеев,—потом оно постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Б. Констан, и др“...... „Свободный образ мыслей я заимствовал со времени вступления в службу сообществом с людьми образованными, делавшими кампанию 1812 г., чтением разного рода политических книг, размышлением и нахождением в обществе, имеющем политическую цель“.— Пишет так же, как и Рылеев, Верховной Следственной Комиссии князь Оболенский. „Утверждалось-же оное свободомыслием и укоренялось духом

Первоначально настроение громадной массы декабристов было умеренное, и хотя не явилось настолько проникнутым цензовыми стремлениями, как и у Н. Муравьева, но в общем тяготело к воззрениям этого последнего. Подобно тому, как впоследствии народники начали с мирной просветительной деятельности и затем, в силу гонения со стороны правительства, пришли к сознанию необходимости революционной борьбы против царизма, и декабристы начали с просвещенства и кончили теорией цареубийства. Устав „Союза Благоденствия“, построенного по типу немецкого националистического и консервативного Tugendbund'а начинается следующими словами: „Убедясь, что добродетель и нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной и что при всех об оном заботах правительства едва-ли достигнет оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не будут, Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространить между соотечественниками истинные правила нравственности и просвещения, способствовать к возведению России на степень величия и благоденствия, к коим она самим Творцом предназначена“.

В этих словах также проявились мессионистские и националистические течения (вспомним, что в начале XIX века знаменитый немецкий философ Фихте произносил свои известные речи германской нации). Но эти стремления у декабристов переплетались с западничеством. Кн. Барятинский и громадная масса его единомышленников в 1820 г. стремились к введению в России „правления вроде английского“, „сперва с царем“, а потом, когда Александр I все более и более правел, „и без царя“.

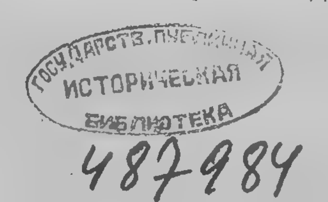
Вначале декабристы верили в либеральные намерения Александра I. Но постепенно эта вера сменилась сомнением, которое Пушкин выразил в известных своих стихах:

„Увижу-ль я, друзья, народ неугнетенный,
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной,
Взойдет-ли, наконец, прекрасная заря?“

Это сомнение сменилось уверенностью, что „по манию царя“ заря не может взойти. На Александра I возлагали надежды до 1820 года. Особенно большие упования вызвала речь Александра при открытии польского сейма в 1818 году, речь, в

времени и наблюдением происшествий, ознаменовавших последние годы почти все страны мира [исключая Африки] революциями разного рода. Какие же в особенности книги действовали на мой образ мыслей, я по истине сказать не могу, ибо чтение мое довольно разнообразно. Вообще способствовало тому чтение публицистов, Б. Констана и проч.“

А кн. Волконский в Париже, в салоне М-м Сталь, лично встречался с Б. Констаном и вел с ним политические беседы.

которой царь, между прочим, провозгласил: „Образование, существовавшее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то устройство, которое я вам даровал, руководствуясь правилами либеральных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние, надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечительству моему вверенные. Таким образом вы мне подали средства явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовлял и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости".

Но это было пустое обещание. Декабристы скоро увидели, что подобные слова произносятся только в интересах внешней политики императора с целью успокоить недовольных русских радикалов. Близкий с декабристами Пушкин выразил это изменение настроения, это разочарование в Александре I следующей эпиграммой, посвященной царю:

„Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра....
Но скоро силой вещей
Мы очутилися в Париже,
А русский царь—главой царей
И чем жирнее, тем тяжеле",

тяжеле, конечно, на реформы.

На знаменитом заседании Коренной Думы, т. е. членов—учредителей Союза Благоденствия в 1820 году, один только полковник Глинка высказался за монархическую форму правления. Даже Никита Муравьев был сторонником республики.

Но затем члены Северного Общества опять становятся защитниками идей конституционной монархии. Вообще декабристы за малым исключением все время перерабатывали свои политические убеждения. Об этом ярко пишет в неопубликованной X-й песне Евгения Онегина Пушкин, явно симпатизировавший Южанам и несколько скептически относившийся к Северянам.

„Витийством резким знамениты,—писал он о Северянах—
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты—(Муравьева)
У осторожного Ильи—(кн. Долгорукова).
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Им дерзко Лунин предлагал

Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...
Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И слово „рабство“ ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

На юге же, в Тульчине, по словам поэта, были более революционно настроенные люди. Кончая характеристику Северян, Пушкин говорит:

„Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранняя весна
Блестит над Каменкой тенистой,
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины,
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела другим порядком шли:
Там Пестель всех воодушевлял,
И рать большую набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя
И полон дерзости и сил,
Поднять восстанье торопил“.

И, действительно, члены Южного Общества были настроены гораздо более активно, чем Северяне. Среди Южан наиболее выдающимися деятелями являлись: организатор восстания в Василькове Сергей Муравьев—Апостол и знаменитий автор „Русской Правды“, проекта конституции, необыкновенно образованный П. И. Пестель. Мы должны остановиться более или менее подробно на характеристике их обоих, так как они являются выразителями двух основных типов русской интеллигенции. С. Муравьев-Апостол—романтик, человек порыва. П. И. Пестель—рассудочный стратег, ученый политик.

20-е годы прошлого столетия были временем резкой борьбы между рационализмом и материализмом с одной стороны, и мистикой и романтикой—с другой. В виде реакции рационалистической философии XVIII века тогда и на Западе, и у нас среди интеллигенции начало сильно развиваться религиозное настроение. На Западе оно было связано с разочарованием в рассудочных идеалах Великой Французской Революции и носило

консервативный характер. Ввиду этого декабристы в большинстве своем старались освободиться от романтических и религиозных настроений, хотя эти настроения все же у них были довольно сильны. Как показывает проф. И. И. Замотин в своей диссертации о романтизме в русской литературе и проф. П. Н. Сакулин в своих работах о кн. В. Одоевском, некоторые из декабристов впадали в крайнюю религиозность, когда увидели неосуществиность своих политических идеалов: При этом они, наприм., братья Гуляевы и упомянутый кн. Одоевский, каялись в своем общественном радикализме, как в чем-то с религиозной точки зрения греховном.

Таким образом можно сказать, что в сознании ряда интеллигентов 20-х годов прошлого века сталкивались два несовместимые, по мнению их, порыва—к политическому реформизму с одной стороны и к мистическому общению с богом с другой.

Тульчин. Дом, где жил П. И Пестель.

И вот, в противоположность этой двойственности миронастроения, у Сергея Муравьева—Апостола данные два порыва слиты друг с другом. По его мнению, истинная религия ведет к радикализму и демократизму, требует уравнения всех людей в политическом отношении. Он стремится дать религиозное обоснование своим общественным идеалам и пишет свой знаменитый катехизис. В противоположность Н. Муравьеву, который составлял катехизис с чисто агитационной целью, С. Муравьев выражает в нем свои самые заветные идеи. В то же время С.

Муравьев—Апостол большой романтик. Он увлекался романом Де—Сальванди—„Дон-Алонзо“, в котором в крайне романтическом стиле воспевалось героическое освобождение испанского народа от ига деспота. Мрачные клятвы, поэтическая обстановка, мистические служения сопровождали подготовку борьбы против тиранов. Сергей Муравьев-Апостол в своем выступлении в Василькове во многих отношениях следовало тому, что описывалось в „Дон-Алонзо“. Он, как и громадное большинство декабристов, считал достаточным провозгласить принципы свободы и братства, чтобы завоевать успех. Эти принципы казались ему настолько очевидными, что всякий, кто услышит о них, немедленно должен будет с ними согласиться и пойдет бороться за них. Но наряду с романтиками—идеалистами среди декабристов были и материалисты. Философия Гольбаха и Ламетри через Радищева [1]) и других русских публицистов в то время полу-

Тульчин. Дом, где собирались декабристы.

чили довольно большое распространение среди тогдашнего образованного общества. Наиболее видным представителем политического реализма и позитивизма среди активных декабристов

[1]] Вопрос о том, был ли сам Радищев материалистом, является спорным. Проф. Е. А. Бобров в очерках по истории русской философии доказывает, что Радищев в ряде отношений находился под влиянием Лейбница—одного из основоположников идеалистического мировоззрения в XVIII в.

был Горбачевский, доказывавший 17 сентября 1825 г. Сергею Муравьеву-Апостолу в Лещинском лагере, что только тогда выступление будет иметь успех, когда в нем станут реально заинтересованы широкие народные массы. Не на религиозно-этических, а на позитивно-материальных началах нужно привлекать к себе солдат и простонародье, говорил Горбачевский. Наоборот, Сергей Муравьев—Апостол утверждал, что только такое движение ценно, которое вызывается чисто идейными, этическими порывами. Религиозно настроенный, он обосновал свои революционные взгляды на священном писании, подобно тому, как это на Западе делали тираноборцы-монархомаки.

„Бог создал нас всех равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей"— писал он в своем катехизисе в ночь перед восстанием. У него было преувеличенное представление о религиозности русского „простонародья", представление, затем свойственное славянофилам. Катехизис Муравьева не произвел впечатление на солдат, или вернее, произвел отрицательное впечатление, и С. Муравьеву пришлось прибегать к другим, более реалистическим доводам.

В противоположность Сергею Муравьеву-Апостолу, второй из названных руководителей южного о-ва, Пестель обладал рационалистическим умом, стремящимся все привести в стройную, исходящую из единого принципа систему. Этим принципом был для него общегосударственный интерес. Пестель является одним из самых образованных и передовых людей своего времени. Он резко ополчается против всякого рода сословных привилегий. „Россияне—пишет он—были доныне несчастными жертвами зловластия прежнего правительства и безжалостной, безродной, бессовестной корысти дворянского сословия". Но Пестель не только враг сословных привилегий, он является также противником и аристократии богатств. Его идеалом является равенство. Принцип равенства для него дороже принципа свободы, и в этом отношении он полная противоположность Н. Муравьеву, для которого свобода значительно превалировала над равенством. В новейших исследованиях по истории общественной мысли, как напр., в „Идее государства" А. Мишеля, неоднократно отмечалось, что начала свободы и равенства в том понимании, которое им давалось в XIX в., являлись как бы двумя ведрами на разных концах коромысла: чем выше поднималось одно из них, тем ниже опускалось другое. Пестель идет вслед за левым крылом деятелей Великой Французской революции— за монтаньярами, во имя идей равенства порой доходит от отрицания свободы. Он против допущения после переворота в России частных общественных и частных учебных заведений. Он требует полной отмены свободы завещаний. Он рекомендует

устроить „Приказ Благочиния“, политическую полицию, которая бы вмешивалась в общегосударственных интересах во все стороны жизни граждан.

Вся страна должна управляться, по его проекту, на основании одних и тех же законов из Петербурга. Пестель—горячий республиканец-централист. Он не только против наследственной монархии, но и против выборного главы государства. Россия,

Павел Иванович Пестель.

по его проекту, должна быть республикой без президента. Правительственная власть, говорит он—сосредотачивается в „Державной Думе“, коллегии, состоящей из пяти выборных лиц. Законодательная власть осуществляется „Народным Вече“, которое передает принятые им законы на утверждение Верховного Собора. Последний не является верхней палатой в современном смысле слова, а осуществляет, как выражается Пестель, вер-

ховно-блюстительную функцию. „Собор не рассуждает о сущности предмета, но смотрит на одни формы“—говорит он [1]). Пестель—убежденный сторонник крестьянской общины, он предлагает национализацию земли. По его мнению, отчасти заимствованному у карбонариев и в частности у Буонаротти, каждый гражданин должен иметь возможность приложить свой труд к земле. Народ, оторванный от земледелия, лишен, по мнению Пестеля, затем развитому Л. Н. Толстым, Глебом Успенским и др. народниками, лишен многих наиболее ценных нравственных качеств. К такому заключению Пестель несомненно пришел не только и не столько под влиянием иностранных авторов, сколько под влиянием того крестьянского мировоззрения, с которым он был хорошо знаком с детства и вследствии которого он был сторонником обобществлении земли.

Однако Пестель считает, что для поднятия сельско-хозяйственной культуры необходимо допустить и частную собственность на землю. Поэтому он предлагает оставить половину земельного фонда в руках единоличных владельцев. В данном отношении он делает с одной стороны уступку дворянству, которому принадлежала главная масса декабристов, а с другой учитывает и мелкособственические настроения крестьян, переплетавшиеся у последних с любовью к общине.

Хозяйственный крестьянин всегда мечтал к надельной земле прикупить известное количество „в вечность“. Эти крестьянские и мелкодворянские настроения и получили оформление под влиянием очень популярной в то время теории физиократов. „Человек может только на земле жить и только от земли пропитание иметь“—выражает Пестель идеи последних. Следовательно, земля есть собственность всего рода человеческого, и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом быть исключен“—делает он отсюда уже отнюдь не физиократический, а, как доказывает Русанов, народнический вывод. По существу своему физиократы были представители интересов землевладельческой аристократии и нарождающейся буржуазии, боровшихся против строгого подчинения всей промышленности и торговли государству и развития их в ущерб земледелию. В противоположность меркантилизму, полагавшему, что все богатство страны заключается в количестве золота, которым она обладает, и потому стремившемуся

---

[1]] Мысль о Верховном соборе, имеющем „блюстительную власть“, Пестель заимствовал у популярного в то время французского политического мыслителя либерала Дэтю - де - Траси, который называет это учреждение corps conservateur. Оно должно: 1] производить поверку выборов членов законодательного собрания, 2] принимать участие в выборе исполнительной власти и 3] участвовать в назначении верховных судей и 4] следить за конституционностью законодательной деятельности.

развивать во что бы то ни стало промышленность и увеличивать вывоз за границу товаров и задерживать ввоз иностранных продуктов, в противоположность им, физиократы видели источник народного богатства в земледелии. Глава этой школы Кене в качестве мотто к своей экономической таблице поставил изречение Сократа: „Когда процветает земледелие, вместе с ним процветает все искусство, но если по какой-нибудь причине земледелие оставляют, то вместе с ним погибают все другие занятия, как на суше, так и на море“. Но земледелие должно, по учению физиократов, развиваться на чисто буржуазных началах. Личный почин и свобода хозяйственной деятельности— основное требование физиократов. Отчасти усвоил их и Пестель. Как идеолог крестьянства, Пестель был горячим националистом [1]).

Итак, нужно признать, что в идеологии Пестеля переплетаются между собою воззрения монтаньяров Великой Французской Революции с народническими течениями. Пестель,—этот, по выражению Герцена, социалист до социалистов, одновременно проповедует и мелко-собственнические и социалистические идеалы и все же, несмотря на всю многогранность его воззрений, они весьма разработаны и строго продуманы, а что самое главное, вполне согласованы с интересами тех общественных слоев, на которые он стремился опереться.

В вопросах тактики Пестель был, как и в своей конституции, централистом. Он утверждал, что в партии все должно быть строго подчинено единому руководящему центру. Правила, которые служили основанием предложений Пестеля, состояли главным образом в том, что все члены безпрекословно и слепо должны повиноваться одному избранному директору. Как показывал Рылеев на следствии, Пестель считал необходимым то, что Ленин назвал дирижерской палочкой. Но ее-то и не хватало у декабристов во время восстания, так как в то время Пестель уже был арестован, а кн. Трубецкой, избранный руководить выступлением на Сенатской площади, мало подходил к этой роли и уклонился от нее.

Как мы видели выше, Пестеля часто называли социалистом. Несомненно, в его мировоззрении есть социалистические элементы, как они имелись и у радикалов XVIII в. Но все же это только элементы. Если с одной стороны Пестель говорит, что каждый россиянин должен быть „совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочек земли найти может, который ему пропитание доставит“, если, как под-

---

[1]) Он стремился подчинить все народы, входящие в состав России, единой центральной власти. Исключение им делалось только для поляков, которые должны были образовать самостоятельное государство, и евреев, для которых он предлагал завоевать Малую Азию, куда их всех выселить.

черкивает Русанов в „Минувших Годах“ [1]), Пестель первый выразил идею права на труд и на землю, которое впоследствии было развито русскими социалистами, то, с другой стороны, он является и горячим сторонником принципа частной собственности. По словам Пестеля, „право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее в самых твердых положительных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин ~~был~~ в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ни малейшей части его имущества“. Если с одной стороны Пестель, как он гордо заявил Следственному Комитету, считал, „что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными, то с другой стороны он сохранял часть наследственных земель за их владельцами.

В виду этого Пестель является скорее предшественником того направления общественной мысли, которое в отличие от социализма наз. солидаризмом. Ему очень близок лозунг, защищаемый в настоящее время Дюги, а у нас проф. И. А. Покровским: лозунг общественной солидарности.

Он является сторонником личной инициативы, конкуренции, а, следовательно, имущественного неравенства, но, в то же время, он признает необходимым обеспечить за каждым право на труд и на то, что называется прожиточным минимум‘ом.

„Пользующийся общественными вспоможениями—говорит он—получает оные не в виде милости, но в виде права, ибо первая обязанность человека состоит в сохранении своего бытия, и потому имеет каждый на все то право, что для сего нужно и необходимо и без чего бы он сей цели не мог бы достигнуть“.

Самая конституция Пестеля, самая его „Русская Правда“ носит подзаголовок „principe de la solidarité“.

Вслед за А. Смитом, он является противником вмешательства государства в хозяйственную жизнь. По его мнению, те только изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые, следовательно, собственным своим избытком себя поддержать могут“. Стало быть, по мнению Пестеля, каждый должен жить и работать, руководствуясь собственной инициативой, но, в случае если он впадет в нужду, общество должно будет обеспечить за ним возможность найти работу и дать ему прожиточный минимум.

Кроме руководимого Пестелем Южного общества, на Ук-

---

[1]] Н. С. Русанов Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена. 1908 г. № 11.

раине среди офицерства было создано Общество Соединенных Славян. С идеологией и организацией последнего знакомит нас один из его учредителей, уже упоминавшийся выше Горбачевский.

По политическим своим воззрениям члены этого общества отличались, как от членов Северного Общества, так и от группы, руководимой Пестелем не менее сильно, чем эти две организации отличались друг от друга. Общество Соединенных Славян состояло из рядового, не аристократического офицерства и, естественно, было наиболее демократическое среди декабристов. В основу его идеологии, как она была выражена в 1824 году в Уставе, написанном Борисовым 2-м, клались федеративные республиканские идеи. Главной целью Соединенных Славян являлось освобождение и соединение в одно союзное государство всех славянских народностей. Вообще славянофильские чувства в то время получили довольно большое распространение. Так декабрист Каховский писал: „Сербы—верные наши союзники—стонут под игом безчеловечия турецкого; черногорцы, не дающие никому войск своих, столь усердно нам служившие во время кампании флота нашего в Средиземном море под начальством ген. Сенявина, забыты, покинуты на произвол судьбы“.

В 1818 г. в Киеве была открыта масонская ложа Соединенных Славян, в которой деятельное участие принимал известный украинофил того времени Лукашевич. Почетными членами ее состояли декабристы кн. С. Г. Волконский и кн. С. Трубецкой. Славянофильские тенденции можно видеть и у членов Северного Общества. Их не трудно даже усмотреть в заглавии первого проекта конституции Н. Муравьева, называвшего будущую Россию Славяно-русской империей.

Но особенно сильно симпатии к славянам были развиты среди членов Общества Соединенных славян. Они находились под влиянием национал-демократических идей, которые в то время развивались на Западе в противовес космополитическим теориям рационалистов XVIII в.

Общество Соединенных Славян было, как отмечает это акад. Д. И. Багалей, предшественником Кирилло-Мефодьевского Братства, созданного проф. Костомаровым и поэтом Шевченко в 40-х годах. С другой стороны, они являются предшественниками нашего народничества. Члены Общества Соединенных Славян стремились определить границы каждой славянской земли по национальному принципу, ввести в славянских странах правовой строй и создать федеративную общеславянскую власть. Эта последняя, однако, не должна вмешиваться во внутренние дела каждой из федеративных держав. Все должны были стараться: 1) способствовать развитию в славянских странах промышленности, чтобы сделать последние независимыми от нем-

цев, 2) изучать местные обычаи и 3) содействовать развитию просвещения. Каждый должен был по мере возможности устранять отжившие законы, сословные привилегии, религиозные „предрассудки“ и „помогать бедным“. Освободить крестьян надо в первую очередь. Для выкупа крестьян и для открытия народных школ каждый член Общества должен был вносить ежемесячно определенную сумму. Тактика Общества Соединенных Славян вытекала из духа этих правил. В противоположность заговорщическим, основанным на недоверии к народным массам приемам Союза Благоденствия, Общество Соединенных Славян считало, что до тех пор, пока народ не осознает своих прав и своих интересов, никакие восстания не могут иметь успеха. Революция только тогда удается, когда в ней принимают участие широкие круги народа, а не маленькие кучки заговорщиков—говорили они. Поэтому необходимо начать с подготовки народа к новому общественному строю; и только после того как массы будут распропагандированы, имеет смысл устраивать переворот. Народ не может стать свободным, если раньше не станет просвещенным, деятельным, промышленным и моральным. Хотя военные революции—говорил Борисов 2-й—скорее осуществляются, но достижения их непрочны. Они являются не колыбелью свободы, а ее могилой, хотя и совершаются во имя свободы.

Общество Соединенных Славян вело просветительную и агитационную работу среди солдат. Хождение в войска „Славян“ было прототипом хождения в народ землевольцев. И это обстоятельство, что южане стремились распропогандировать солдат, составляли „катехизис“, несомненно об‘ясняется влиянием руководителей славян Горбачевского и Борисова 2-го.

Но вообще говоря, между Соединенными Славянами и остальными декабристскими организациями была огромная разница. От северян они отличались своим демократизмом, а от южан федерализмом.

Среди членов Общества Соединенных Славян были распространены и подлинно социалистические воззрения. Так, упомянутый выше Борисов 2-й, очень увлекавшийся античной философией и литературой, одно время считавший себя последователем знаменитого древне-греческого математика и философа Пифагора и поэтому основавший Общество Друзей Природы, затем проникся взглядами Платона. Вслед за только что названным знаменитым древне-греческим философом и политиком он мечтал о создании коммунистического государства.

Во взглядах целого ряда декабристов, как принадлежащих к Обществу Соединенных Славян, так даже и членов других обществ, мы находим следы социалистических влияний. Последние вытекали не только из чтения книг, но из личного зна-

комства с основоположниками возникавшего тогда на Западе утопического социализма. Так, напр., декабрист Лунин познакомился в Париже со знаменитым социалистом-утопистом Сен-Симоном, который думал воспользоваться им для распространения своих идей в России. Поэтому нельзя согласиться с Русановым, доказывающим, будто западно-европейские социалисты не оказали никакого влияния на декабристов. Чтобы опровергнуть это, достаточно хотя вспомнить, что декабрист кн. Ф. П. Шаховской даже после ареста, когда его отправляли в крепость, захватил с собою сочинение знаменитого английского кооператора—социалиста Роберта Оуэна „О воспитании в Нью-Ланарке". Влияние Оуэна должно было быть вообще довольно значительно, так как он во время Венского конгресса вел переговоры с императором Александром I-м относительно устройства в России фабрик на социалистических началах. А 27 декабря 1816 г. векикий князь Николай Павлович (впоследствии император Николай I-й) посетил Нью-Ланарк и предлагал Оуэну с рабочими переселиться в Россию. При всем своем утопизме Оуэн все же понял невозможность устраивать в самодержавной крепостнической России социалистические фабрики и отказался ехать к царю.

Но слухи о его воззрениях не могли не распространиться среди русского интеллигентного общества того времени.

Декабрист Кривцов воспитывался даже вместе с сыном Оуэна в Гофвильскои училище в Англии. Декабрист Николай Тургенев был хорошо знаком с произведениями Мабли.

Но социалистические идеи можно было почерпнуть и не только у социалистов, как таковых. Идеологи Великой Французской Революции, а среди них особенно Руссо, высказывали ряд социалистических идей. В то время взаимоотношения между либералистическими и социалистическими идеями было не такое, как теперь. Само взаимоотношение классов было тогда иное. Тогда буржуазия и пролетариат еще не диференцировались в полной мере, и в идеологии третьего сословия были наряду с чисто буржуазными также и аристократические и пролетарские элементы. „Философия XVIII века—справедливо говорит Плеханов—это не буржуазная (в нашем смысле) идеология, а идеология третьего сословия, то-есть еще не разделившихся буржуазных и пролетарских элементов общества". В особенности распространены в XVIII в. были идеи передела земель. Руссо считал, что тот человек, который первый об'явил „эта земля моя", был величайший преступник перед обществом. Аббат де-Курнан в 1821 г. в сочинении „О собственности или дело бедных, защищаемое перед трибуналом разума, справедливости и истины" доказывал необходимость передела земли, а английский писатель Ч. Голль в сочинении „Действие цивилизации на

народ в европейских государствах“, предлагал социализацию земли и периодические переделы ее.

Под влиянием их и под влиянием взглядов русского крестьянства ряд декабристов стремился к социализации земли.

Особенно это стремление заметно, как мы уже знаем, в проектах Пестеля.

Из революционеров XIX в. в социалистическом направлении влияли на декабристов карбонарии. Буонаротти учил, что частная собственность, в особенности на землю, есть посягательство на права рода человеческого. Резко восставал против имущественного неравенства и бывший учитель Александра I-го Лагарп, который в Швейцарии руководил впоследствии карбонариями.

Под влиянием „Общественного договора“ Ж. Ж. Руссо, Н. Н. Муравьев с А. Муравьевым, М. Муравьевым-Апостолом и двумя Перовскими в 1811 г. собирались переехать куда-нибудь на дикий остров (предполагали Чоку, т. е. Сахалин) и там построить жизнь на новых началах.

Хотя все эти влияния социалистических идей не делали декабристов социалистами, но все же они настолько ясно сказались, что должны быть отмечены, на ряду с противоположными—дворянскими тенденциями. При этом в массе более радикально и более демократически были настроены южане, а более дворянски северяне.

III

Организации и восстание декабристов.

Теперь, после того как мы изучили (поскольку позволяло время и место) программу декабристов, нам необходимо, хотя бы в самых общих чертах, рассмотреть ход событий, приведший к декабрьскому восстанию, т. е. познакомиться с устройством политических кружков, с тем, каким образом они готовились к революционным выступлениям и как их осуществляли.

Политические кружки начали образовываться тотчас же после окончания войны против Наполеона. Они возникали в различных частях России и первоначально не были строго оформлены. Большинство их долгое время не знали о существовании друг друга.

„Орден Русских Рыцарей“, ложи „Трех Добродетелей“, „Соединенных Друзей“ и Пламенеющей Звезды“ были построены по масонскому образцу. Члены делились на три ступени, согласно тому, насколько они могли быть посвящены в дела организации. Внешний ритуал играл значительную роль: каждый

новичек приносил торжественную клятву остаться верным великой цели и сохранить тайну существования лож. С этого времени он считался „братом“. Постепенно ему открывались основные задачи общества, и он становился „мужем“.

Управлялось общество „боярами“—учредителями и идейными руководителями его.

О декабристах-масонах подробно пишет В. И. Семевский. Его капитальное исследование „Политические и общественные идеи декабристов“ и его статьи о декабристах - масонах до сих пор являются непревзойденными работами по данному вопросу.

Как указывает В. И. Семевский, сложный мистический ритуал масонских лож постепенно становился все более и более стеснительным для декабристов, и они старались от него освободиться. Союз „Спасения“ 1816 г. и Военное Общество 1818 г. по своему устройству уже больше походили на политические партии, чем упомянутый выше „Орден Русских Рыцарей“ или „Союз Пламенеющий Звезды“. Управлялись они „Думами“. Но далеко не все члены были посвящены в намерения руководителей. Стремились соблюдать строгую конспирацию, хотя Александр I и знал о существовании тайных обществ, что видно, напр., из его разговора с декабристом кн. Волконским, записанного последним в его воспоминаниях. Однако царь не преследовал эти общества в виду того, что он играл в либерализм и не придавал офицерским организациям большого значения.

„Союз Благоденствия“, который является первой крупной политической организацией, имел устав,—так наз. „Зеленую Книгу“. К этому уставу примкнули и северная—Петербургская и южная—Тульчинская группы. От времени до времени происходили с‘езды, на которых обсуждались наиболее важные вопросы. Однако основное руководство деятельностью общества находилось в руках нескольких наиболее деятельных членов его. На юге, напр., всем ведали не столько различные Управы, разбросанные по разным городам Украины, сколько Директория во главе с Пестелем. Все вступившие в союз платили взносы, а на юге среди членов „Общества Соединенных Славян“ производились даже, как мы видели, и особые отчисления на выкуп крепостных крестьян и на устройство народных училищ. Но эти взносы были не вполне определенными и носили скорее характер пожертвования. К Обществу примкнули лица далеко не одинаковых политических убеждений. Для того, чтобы освободиться от ненадежного элемента, устроили то, что теперь называется чисткою: на с‘езде 1821 г. постановлено было общество закрыть. Н. И. Тургенев написал новый устав, который был принят вновь образовавшейся Петербургской группой. Декабристу Бурцеву было поручено дать этот устав южанам, но он этого не сделал, и Тульчинская группа осталась при старом

уставе. Таким образом Южане откололись от Северян. Но, конечно, передача Бурцевым устава была только внешней причиной разделения общества. В действительности же между Южанами и Северянами далеко не было единомыслия, они были не одинаково политически настроены, и потому должны были отделиться друг от друга. В то время как на севере, в Петербурге, находились представители крупных аристократических родов, на юге членами общества являлись рядовые, нетитулованные офицеры. Многие из последних были отправлены на юг из столицы, как ненадежный элемент после бунта Семеновского полка, происшедшего вследствии недовольства солдат своим начальником Шварцем. Северяне находились под влиянием умеренного конституционализма Никиты Муравьева, а Южане—под влиянием республиканских и социалистических идей Пестеля и Борисова 2-го. Насколько декабристы были далеко не одинаково настроены, можно судить хотя бы по тому, что, напр., Якушкин вызвался убить Александра I-го, когда услышал, что последний решил отделить от России и присоединить к Польше ряд местностей, а члены Южного Общества в это же время заключали с польскими революционными кружками соглашение об одновременном восстании, при чем полякам обещали отделение от России гораздо больше территорий, чем это собирался сделать Александр I.

Когда мы знакомимся с этими явлениями, то естественно возникает вопрос, каким образом могли вместе бороться и умирать люди, представляющие столь различные течения русской общественной мысли. Ведь у декабристов мы находим все те идеологические направления, которые затем в XIX в. и в начале XX столетий резко боролись друг с другом. Несомненно, между Северным Обществом более умеренным, и Южным более радикальным далеко не было полного единства. В своих показаниях Верховной Следственной Комиссии кн. Трубецкой сообщает, что он к счастью своему увидел, что одними своими силами Пестель обойтись не может, и что ему необходимо содействие Петербургского Общества. „Сам он садился в Директорию—с ужасом восклицает князь.—Я ему представлял, что людям, никакого имени не имеющим и неизвестным, невозможно сесть в Верховное Правление, что Русский народ не может управляем быть иначе, как государем наследственным, представлял ему различные неудобства в его конституции, которую он вообще расказывал“.

Трубецкой очень боялся революционной диктатуры „самовольного деспотизма Директоров, которым (Пестель) отдает всю высочайшую власть в руки на неопределенное время“. И эта фраза не была выражением мнения одного только кн. Трубец-

кого. Никита Муравьев тоже считал Пестеля „человеком опасным“, в виду его стремления к диктатуре[1]).

И, однако, почему Северяне и Южане все же шли вместе, несмотря на большое различие их общественно-политических воззрений?

Происходило это потому, что у них, во-первых, был общий враг—самодержавное правительство, а, во-вторых, потому, что Северяне были убеждены в невозможности осуществить крайние стремления Южан и вследствии этого не особенно боялись последних. Но главное об‘яснение только что поставленного вопроса мы получаем, если от анализа об‘ективного смысла мировоззрений декабристов обратимся к тем суб‘ективным переживаниям, которые одухотворяли большинство из них, и к тому внутреннему пониманию своих идеалов, какое было у восставших.

Несомненно, декабристы без различия направлений считали, что они должны пожертвовать всем своим имуществом, всем положением и жизнью во имя прогрессивного развития России. Это были люди порыва, люди революционной романтики. Они сами мало верили в успех своего дела и тем не менее шли на смертный бой против самодержавия. И в этом суб‘ективном отношении к своей идеологии, в этом глубоко внутреннем убеждении в святости и обязательности протеста против режима насилия и произвола заключается об‘ективная ценность и об‘ективная историческая роль декабристов, как и большинства других после них возникших интеллигентских политических движений. В противоположность громадной массе окружавших их карьеристов, они думали не о своих, а об общественных интересах. И это было общей чертой почти всех их, несмотря на различие их миросозерцания и политических программ. Декабристы—это первое массовое зарождение интеллигенции, понимаемой в смысле собрания личностей, живущих

---

[1]) Вообще декабристы были против идеи диктатуры. Принципы представительного строя и разделения властей были в их глазах принципами естественного права. „Рылеев сказал мне один раз—пишет Каховский—что Думе будет нужно на некоторое время удержать правление за собою, потому что еще народ несовершенно приготовлен к получению свободы. Потом при кн. Одоевском он рассказывал о конституции, о власти Законодательной, Исполнительной и Установительной и сказал—За наши труды мы хоть в праве будем дать закон. Я ему сказал: Опять, Рылеев, за свое! Как мы можем дать закон. Закон есть воля народа... Говоря со мной о собрании от областей депутатов, он говорил, что Временное Правление должно будет сделать оценку, кто может выбирать и кто может выбираться. Я сказал ему, что Временное Правление сего не может делать: это значит вводить Конституцию, а ее лишь должно предложить“.

Вообще проблема диктатуры и представительного правления вызывала горячее обсуждение среди декабристов, причем громадное большинство из них было против диктатуры.

интенсивной духовной жизнью, и руководящейся сознательно выработанными идеалами. И в этом их историческая ценность, которую отнюдь нельзя искать в непосредственных результатах их движения. Декабристы разбудили Герцена, как он сам это говорит, а Герцен своим „Колоколом“ пробудил последующее поколение. „Мы—указывает Ленин—видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции: сначала дворяне и помещики—декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало: декабристы пробудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию“.

Об‘ективно безнадежное выступление декабристов получило большое историческое значение в силу напряженности их внутреннего суб‘ективного порыва к преобразованию нашего общественного строя. В истории вообще часто гораздо большую роль имеет суб‘ективное понимание значения своих идей, чем об‘ективный смысл этих последних.

С об‘ективной же точки зрения движение декабристов нужно было признать, вопреки мнению проф. М. Н. Покровского, заранее обреченным на неудачу. Восстание декабристов не было, как следует, подготовлено и для многих его участников, если даже не для большинства их, явилось неожиданным. Великий кн. Константин Павлович, которого декабристы выдвигали на престол, не находился с ними ни в каких отношениях и был крайне не популярен. Только что упомянутый проф. М. Н. Покровский характеризует его даже, как уголовный тип [1]). Правда, декабристы выдвиилули Константина не в качестве серьезного кандидата на престол, а как повод для неподчинения Николаю. Но повод этот в виду не популярности Константина нельзя было признать удачным. По показанию декабриста бар. Штейнгеля, имелось в виду захватить Сенат и Синод, издать от имени их манифест о том, что оба великие князя отказываются от престола, и что потому народу самому приходится выбирать себе правителя. Затем должно было быть назначено Временное Правительство, важнейшей задачей котораго было бы созыв Учредительного собрания. И только это последнее решило бы вопрос о том, должна ли Россия стать конституционной монархией, или республикой.

Но события сложились далеко не так, как хотели декабристы. Вот краткий обзор этих событий. 19 ноября 1825 г. император Александр I умер в Таганроге от полученной им в Крыму лихо-

---

[1]] Как видно из письма кн. Адама Чарторийского к императору Александру 1-му в 1815 г., цесаревич Константин издевался над конституцией, приказал ввести в армии наказание палками и грубо оскорблял офицеров, часто доводя их до самоубийства. Хорошей чертой его было только отрицательное отношение к военным поселениям Аракчеева.

радки. Николай находился в Петербурге, а Константин жил в Варшаве. Николай об'явил Константина императором, но последний отказался от престола, т. к. еще раньше, при жизни Александра, его принудили к этому, в виду его недопустимого поведения. Формальным предлогом к отречению являлась его женитьба на польской графине. Пока фельд'егеря скакали из Таганрога в Петербург, а оттуда в Варшаву и обратно, декабристы могли выработать план восстания. Но этого в сущности сделано не было. Решили воспользоваться днем вторичной присяги Николаю и убедить солдат, что она не законна, т. к. ранее уже была дана присяга Константину. Среди солдат стали распространять слухи о сокращении срока службы и об уничтожении военных поселений. 14-го декабря с утра началась церемония присяги, сопровождавшаяся в некоторых полках протестами офицеров и их арестами. После полудня Николай получил донесение, что лейб-гвардии Московский полк охвачен волнением и идет на Сенатскую площадь. Солдат подняли братья Бестужевы. Офицер Шепин-Ростовский овладел знаменем, приказал зарядить ружья и повел полк к Сенату. С барабанным боем и винтовками на перевес полк пошел по насторожившимся улицам столицы. У памятника Петру I войско построилось в карэ. Морозный воздух оглашался криками „Ура, Константин!“ и ружейными выстрелами. Скоро пестрая толпа столичного населения собралась около солдат и начала выражать сочувствие восставшим. К декабристам подскакал генерал-губернатор Петербурга Милорадович и начал уговаривать солдат разойтись. Но Каховский выстрелом из пистолета свалил его с лошади. Пальба привлекла прежде всего матросов гвардейского экипажа, которые во главе с Николаем Бестужевым присоединились к восставшим. Вслед за ними вышли лейб-гренадеры, руководимые поручиками Сутгофом и Пановым. Они ворвались в Зимний дворец, куда их пропустил по ошибке комендант. Был момент, что вся царская семья находилась в руках восставших. Но скоро подошли верные Николаю саперы, и Панов, не желая рисковать, двинулся дальше на Сенатскую площадь. Навстречу им попался верхом сам Николай и скомандовал. „Стой!“ Восставшие, вместо того чтобы убить его, начали кричать, что они за Константина.—„Когда так, то вот ваша дорога“—ответил им Николай, показывая на здание Сената, к которому гренадеры и направились. На площадь собирались толпы народа, явно симпатизировавшие восставшим. Николай чувствовал себя неуверенно. Офицеры конной артиллерии отказались присягнуть ему. В Измайловском полку вспыхнуло брожение. Финляндцы не захотели двигаться дальше Исаакиевского моста. Но и восставшие находились в нерешительности. Кн. Трубецкой, который должен был командовать, уклонился от этого. Руководителя

не было. Солдаты стояли на морозе до сумерок, пока Николай не собрал артиллерию и не начал стрелять в восставших картечью. После ряда залпов карэ на Сенатской площади дрогнуло. Солдаты бросились бежать. К ночи восстание было подавлено.

Гораздо более организованным оказалось восстание 29 декабря на Киевщине, но и оно было быстро ликвидировано войсками Николая...

Петр Григорьевич Каховский.

Для разбора дела декабристов был назначен Верховный Уголовный Суд, который привлек к ответственности 121 человека. Приговор был написан тем самым Сперанским, которого декабристы прочили в революционное правительство. Пятеро— Рылеев, Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Каховский и Бестужев-Рюмин были приговорены к четвертованию. Следующие 31 человек к отсечению головы, а остальные к каторжным ра-

ботам и ссылке на поселение. Николай проявил „милосердие“— заменил четвертование повешением, а отсечение головы пожизненной каторгой. 13-го июля 1825 г. совершилась расправа над декабристами.

Поднимая восстание, декабристы сознавали, что идут на гибель. Это показывает, что они суб‘ективно не преследовали никаких личных интересов и действовали исключительно в силу того, что не могли мириться с тем общественным гнетом и с тою пустою жизнью, которая их окружает. Об этом говорили они сами.

„Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю“,

писал Рылеев перед восстанием. А по свидетельству автора любопытных воспоминаний Вигеля, еще с 1820 г. офицеры любили петь песню с припевом.

„Ах лучше смерть, чем жить рабами.
Вот клятва каждого из нас“.

Реакционный режим толкал людей на жесты отчаяния. „Жить тяжело—писал Н. И. Тургенев—всякий день слышишь что—нибудь неприятное. Тут невежды со всех сторон ставят преграды просвещению, там усиливают шпионство... Станем крепко—по крайней мере без страха, если уже без надежды“.

А Лунин после подавления восстания и ареста отказался бежать, не желая покидать товарищей. В. Раевский на предложение со стороны Николая I-го полного помилования в случае выдачи остальных виновников ответил, что нельзя давать шпагу за предательство, и пошел в Сибирь, где

„Судьбу свою сурову терпением мраморным сносил,
Нигде себе не изменил“.

Доказательством того, что декабристы, поднимая восстание, мало расчитывали на успех и смотрели на него, как на чистое самопожертвование, могут служить слова кн. Одоевского, который, как показал на следствии Каховский, перед восстанием все время твердил:

„Умрем... Ах, как славно умрем“. Конечно, далеко не все декабристы были так стойки, как Раевский или Лунин. Всякий порыв при всей своей напряженности есть нечто преходящее, и этим обстоятельством можно об‘яснить тот упадок сил, кото-

рый был и у них и во всем русском обществе после неудавшегося восстания. Но как бы то ни было, декабристов одухотворяло то, что они считали правдой, а не личные интересы. Говорят, будто за идеями всегда спрятаны аппетиты. По отношению к громадной массе декабристов так сказать нельзя, и они в праве этим гордиться, как в праве гордиться этим вся подлинная русская интеллигенция.

В известном своем ответном послании Пушкину кн. Одоевский хорошо выразил данную мысль:

„Цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный путь не пропадет,
Из искры разгорится пламя“...

И теперь, когда оно возгорелось, необходимо достойным образом оценить тот моральный толчек и ту жертвенность, которую декабристы, а вслед за ними и другие русские интеллигенты-революционеры проявили в деле борьбы за прогрессивное развитие нашей родины. В этой борьбе у декабристов порой недоставало выдержки, стойкости, последовательности и того реализма, который может быть лишь тогда, когда вожди чувствуют за собою поддержку со стороны широких кругов населения. Но декабристов одушевляла идея прогресса, которой долго недоставало массам. Екатерина II-я говорила, что „без крайности народ редко доходит до крайности“. Интеллигенция же выступает, когда она лично далеко еще не находится в крайности, и способствует пробуждению народных масс.

Но теории декабристов имеют, конечно, не только значение воодушевляющих принципов: в них было выставлено много начал, которыми затем руководствовались в деле государственного строительства—начиная от освобождения крестьян, продолжая ограничением самодержавия законодательными собраниями и кончая федеративным устройством государства и национализацией земли.

И этого никогда не надо забывать.

Времена политических переворотов, восстаний являются как бы школьными часами истории, в которые она читает народам лекции о государстве и праве. Декабристское движение было первым таким серьезным уроком, и за него мы должны быть очень признательны организаторам восстания на Сенатской площади и в Василькове.

А. М. Ладыженский.

Восстание Черниговского полка в 1825—26 г.г.

„Что не ветер шумит во сыром бору—
„Муравьев идет на кровавый пир.
„С ним черниговцы идут грудью стать,
„Сложить голову за Россию—мать“...

„Песня“,

декабриста А. А. Бестужева-Марлинского (1827 г.).

Обычно, когда вспоминают о восстании декабристов, то связывают его с определенной датой—14 декабря—и с определенным местом—Сенатской площадью в Петербурге.

Вследствие этого остается как бы в тени другое выступления декабристов—восстание Черниговского пехотного полка на Киевщине, которое новейшие историки, напр., М. Н. Покровский, называют единственным настоящим вооруженным востанием, при том восстанием, окруженным ореолом трагического величия, когда люди шли прямо на гибель, точно решив пожертвовать собою, чтобы указать путь последующим поколениям.

Это выступление незаслуженно мало обращало на себя внимание историков, и только в последнее время оно получает освещение в особых работах.

Настоящая статья и имеет своей целью ознакомить с ходом восстания Черниговского полка, поднятого Сергеем Муравьевым-Апостолом [1]).

---

[1]) При составлении настоящей статьи автор, помимо соответствующих мест своей работы о декабристах на Киевщине К., 1926 г., пользовался следующей литературой: В. С. Иконников—„Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826—27 г.г.“, СПБ, 1905 г.; М. В. Довнар-Запольский—„Декабрьская революция 1825 г.“ в „Гол. Минув.“, 1917 г, кн. 7—8; П. Е. Щеголев — „Катехизис С. И. Муравьева-Апостола“ в „Мин. Годы“, 1908, кн. XI и в „Историч. Этюдах“, СПБ., 1913 г.; С. Берсенев—„Сергей Иванович Муравьев-Апостол“, М., 1920 г.

Много данных заимствовано из мемуарной литературы, особенно из любопытных „Записок“ декабриста И. И. Горбачевского—„Рус. Арх.“, 1882 г., кн. I и отд. издание М., 1916 и 1926. Из других мемуаров назову: „Воспоминания и письма“ М. И. Муравьева-Апостола и воспоминания Иосифа Руликовского, напечатанные в киевском журнале „Nasza Przyszlosc“ за 1908 г.

Ряд данных заимствован из официальных материалов, собранных Базилевским-Богучарским в т. I. „Госуд преступления в России“, СПБ. 1906 г. и из официальной переписки, изданой М. Ф. Шугу-

Тайные общества—Южное и Соединенных Славян, действовавшие в 20-х годах XIX в. на юге России, во время лагерного сбора осенью 1825 г. в Лещине, вблизи Житомира намечали свое выступление против правительства Александра I на лето 1826 г.

„Будущего 1826 года в августе месяце император будет смотреть 3-й корпус, и в это время решится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами; мы поднимем знамя свободы и пойдем на Москву, провозглашая конституцию". Таков был план заговорщиков в образном изложении одного из руководителей Васильковской управы Общества, Михаила Бестужева-Рюмина. Его же пламенная речь на последнем об'единенном собрании членов обоих Обществ, 13 сентября 1825 г., вызвала общий энтузиазм. С криками: „Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!" все приносили клятву бороться за свободу и крепко обнимали друг друга. „Это собрание походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной", вспоминал его участник-Гор-бачевский, автор ценных записок о восстании декабристов на юге.

В то время, как в тайных обществах и на юге, и на севере государства шла подготовка к перевороту, составлялись его планы и проекты преобразований страны на новых началах, когда южане намечали даже время своего выступления, произошли события, резко изменившие их предположения.

Летом 1825 года Александр I перед своим последним от'ездом на юг, получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка Иван Шервуда, англичанина родом, первоначальные сведения о заговоре в юго-западных областях государства. Эти сведения затем подтвердились, как новыми данными, полученными от Шервуда, так и донесениями начальника южных военных поселений ген. Витта, добытыми им от своего агента—Херсонского помещика А. Бошняка, вошедшего в доверие к декабристам, и даже принятого ими в общество. Наконец, уже в ноябре 1825 г., Майборода, капитан Вятского полка, которым командовал Пестель, растратив казенные деньги и стремясь избегнуть ответственности, сделал донос на Пестеля. Впрочем

ровым („Рус. Арх.", 1871 и 1902 г.г.) и Ю. Г. Оксманом („Декабристы. Труды Пушкинского Дома", М. 1925 г.).

Некоторые подробности заимствованы из „Дела о возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка...", находящегося в Киевском Историческом Архиве. Архив Киевского Губернатора, по секрет. части № 8—27, 1825—26 г.г.

Дело это издается Укрцентрархивом под редакцией В. В. Мияковского, Л. П. Добровольского и моей.

донос Майбороды был получен в Таганроге, где жил тогда Александр, уже после его смерти.

Сообщения о заговоре побудили Александра I отдать приказ об аресте Пестеля и некоторых других руководителей заговора. Для этого из Таганрога был послан в Тульчин ген. Чернышев.

Известие о смерти Александра I (19 ноября) и сообщение о раскрытии заговора были получены в Тульчинской управе почти одновременно. Возникла мысль о необходимости немедленного восстания. Ее обсуждал Пестель в Умани с Сергеем Волконским и В. Давыдовым, о ней беседовал в Линцах, б. Липовецкого уезда, где стоял Вятский полк, с Крюковым и Заикиным, членами тайного общества. Одновременно Пестель писал и Сергею Муравьеву-Апостолу в Васильков, стремясь согласовать выступление отдельных групп Общества.

Между тем начались аресты, и первыми были арестованы Пестель, его ближайший сотрудник по управлению Обществом— А. П. Юшневский, кн. Барятинский и Крюков. Дальнейшие аресты членов Тульчинской и Каменской управ не дали им возможности начать выступление.

Несколько иначе сложились обстоятельства в районе деятельности Васильковской управы. Они и привели к восстанию Черниговского полка.

Васильков, сто лет назад небольшой уездный городок, на речке Стугне, в 30—35 верстах от Киева, являлся местом главной квартиры Черниговского пехотного полка. В нем находился полковой штаб во главе с командиром полка Густавом Гебелем, а в соседних селах и деревнях (в Мотовиловке, Плисецком, Ковалевке, Трилесах, Германовке и др.) были расположены роты этого полка.

В офицерском составе Черниговского полка было несколько членов Тайного Общества. В Василькове служил и руководитель управы тайного Общества—подполковник Черниговского полка Сергей Муравьев-Апостол, переведенный на юг после бунта в Семеновском полку (в 1820 г.). Сюда же часто наезжал из м. Ржищева, стоянки Полтавского полка, пор. М. Бестужев-Рюмин, сослуживец Муравьева по Семеновскому полку.

Присяга Константину I прошла в Черниговском полку среди ропота. Этому посодействовал командир полка Гебель, который, пользуясь сбором полка для присяги, подверг наказанию кнутом двух солдат, приговоренных к этому наказанию, не выждав обычной при воцарении амнистии. Офицеры громко осуждали поступок Гебеля, а когда экзекуция началась, С. Муравьев, взволнованный ею, упал в обморок. Офицеры и солдаты, вопреки воинской дисциплине, бросились к Муравьеву, стараясь помочь

ему. Это сблизило солдат и офицеров и особенно привязало солдат к Муравьеву.

Вслед за присягой Константину подготовка к восстанию среди членов Васильковской управы продолжалась, хотя далее местных совещаний, поездок по соседним полкам и обсуждения планов в кругу единномышленников дело не подвигалось. Не было и об'единяющих указаний от вождей Общества.

Тем временем назревали события, поставившие Васильков в их центре.

Сергей Иванович Муравьев-Апостол.

22 декабря (3 января) Сергей Муравьев с прибывшим к нему братом Матвеем, отставным полковником, выехал на несколько дней в Житомир, об'ясняя свою поездку желанием исхлопотать у командира 3-го корпуса ген. Рота отпуск для Бестужева - Рюмина в Петербург. Бестужев, как бывший офицер

Семеновского полка, не имел права проситься в отпуск, и Муравьев хотел лично похлопотать за него перед ген. Ротом. Возможно, что у Сергея Муравьева были и иные цели при поездке в Житомир, в частности, быть может, он хотел посовещаться с жившими там членами тайных обществ.

Во время отсутствия Муравьевых, в Василькове было получено известие о воцарении Николая. 25 декабря, утром, полк присягал новому императору. Присяга происходила при полном невнимании и недовольстве присягавших. Некоторые офицеры „тихим голосом, но довольно внятно, как показывали на следствии солдаты, охуляли возобновляющуюся присягу и говорили, что должно оставаться верными государю Константину Павловичу, что впрочем можно целовать крест и евангелие, лишь в душе остаться ему преданным и тому подобное“.

Вечером, в доме полкового командира Гебеля был устроен бал, на котором присутствовали офицеры, многие горожане и соседние помещики. Во время бала из Могилева на Днепре, штаба I-й армии, к Гебелю прибыли два жандармских офицера. После беседы с Гебелем наедине, они отправились на квартиру отсутствовавшего Муравьева. Там ночевали Бестужев-Рюмин и Башмаков, участник суворовского похода в Италию, разжалованный за проступки из полковников в рядовые. Они были удивлены появлением Гебеля и жандармов, которые прошли в кабинет Муравьева, взяли его бумаги и помчались затем по направлению к Житомиру.

После их от‘езда на квартиру Муравьева пришли несколько офицеров, членов Обществ. Они просили Бестужева мчаться вслед за Гебелем, обогнать его и предупредить Муравьевых о грозящей им опасности. Бестужев тотчас достал лошадей и помчался по Житомирской дороге. Вскоре он был уже впереди Гебеля и жандармов.

Офицеры Черниговского полка—члены Общества, обсудив положение, решили начать восстание тотчас же после возвращения Муравьева. В случае его ареста они полагали действовать самостоятельно и итти на Киев.

Между тем братья Муравьевы прибыли в Житомир. Под‘езжая к городу, Муравьевы от сенатского курьера, развозившего присяжные листы, узнали о воцарении Николая и о неудачном выступлении северян 14 (26) декабря. Ген. Рот сообщил им и некоторые подробности события. С. Муравьев, осведомившись об этом, беседовал с гр. Мошинским, видным деятелем польского тайного общества, убеждая его выступить совместно с Южным Обществом, но получил уклончивый ответ. Затем Муравьевы поспешили выехать из Житомира.

Они посетили ряд местностей, где были расположены полки и где служили их единомышленники. Иных они не застали,

другие на предложение немедленно начать восстание ответили отказом.

Во время остановки бр. Муравьевых в м. Любаре, их догнал, наконец, Бестужев и предупредил о погоне. Они тотчас решили начать восстание в Любаре и потребовали от своего единомышленника, командира расположенного здесь Ахтырского гусарского полка Артамона Муравьева, поднять полк. Тот решительно отказался сделать это, а также отказался послать записки С. Муравьева членам Общества Соединенных Славян, ожидавшим от него сообщения о начале выступления.

На усталых лошадях Муравьевы и Бестужев двинулись по направлению к Василькову.

Под вечер 28 декабря (9 января) они прибыли в с. Трилесы, в 45 в. от Василькова, и остановились в квартире поручика А. Д. Кузьмина, командира стоявшей здесь пятой роты Черниговского полка. Кузьмин в это время находился в Василькове. Бестужев отправился далее, об‘езжая стоянки полков в тщетных попытках поднять восстание.

Тотчас после от‘езда Муравьевых из Любара, туда прибыл Гебель и жандармский офицер. Артамон Муравьев своей беседой немного задержал их и этим оказал беглецам некоторую услугу.

Между тем офицеры—члены Южного Общества тщетно ожидали в Василькове возвращения Муравьева, тяготясь неизвестностью.

Поздно вечером 28 декабря (9 января) Кузьмин получил из Трилес от С. Муравьева записку, в которой тот приглашал Кузьмина, барона Соловьева, Щепилу и Сухинова—офицеров Черниговского полка, прибыть в Трилесы. Офицеры тотчас выехали из Василькова.

А в это время Гебель с жандармом прибыл в Трилесы, поставил часовых у дома, где спали утомленные ездой Муравьевы, разбудил их и об‘явил повеление об аресте. На следующий день Гебель собирался с арестованными ехать дальше.

Однако поутру 29 декабря (10 января) в Трилесы прибыли вызванные Муравьевым офицеры. Убедившись в благоприятном настроении солдат, они решили освободить братьев. Гебель встретил офицеров резким выговором и замечаниями. Они бросились на него и стали избивать ружейными прикладами. Сильно избитый Гебель, вскоре оставленный офицерами, выбрался на улицу, был доставлен в дом управляющего экономией и оттуда отвезен в Васильков. Сопровождавший его жандарм спасся бегством.

Солдаты пятой роты, узнав об освобождении своего батальонного командира—С. Муравьева, приветствовали его криком „ура!“ Муравьев приказал им готовиться к походу.

Так освобождение Муравьевых явилось и началом восстания.

Вслед за своим освобождением С. Муравьев послал Соловьева и Щепилу поднять их роты, стоявшие за Васильковом, а сам с ротой Кузьмина выступил к дер. Ковалевке. Здесь к нему присоединилась рота пор. Петина. Из Ковалевки он отправил нескольких посланцев к единомышленникам, в частности к „Соединенным Славянам“, в 8 артил. бригаду и 8 пех. дивизии, расположенные в районе Житомира. Однако, установить с ними связь и получить поддержку не удалось.

Вскоре о событии в Трилесах стало известно в Василькове, и старший после Гебеля и С. Муравьева, офицер Черниговского полка, майор Трухин, приказал удвоить караулы и собрать в город все роты полка. Он же распорядился арестовать Соловьева и Щепилу, когда те проезжали через город и передал командование ротой Соловьева подпоручику Быстрицкому, приказав ему немедленно привести роту из Германовки в Васильков.

Утром 30 декабря С. Муравьев выступил из Ковалевки и в шестом часу пополудни подошел к Василькову, сделав 35-ти верстный переход. Его передовой отряд, под начальством Сухинова, без бою занял город. Трухин, избитый и изруганный солдатами, сорвавшими с него эполеты, был посажен на гауптвахту. А Соловьев и Щепила, освободились из-под ареста и во главе стороживших их солдат присоединились к восставшим. Несколько ранее к ним примкнул и Бестужев, вернувшийся из поездки по стоянкам ближайших полков в тщетных попытках убедить их командиров начать восстание. Посетил Васильков и подпор. Вадковский. Его вызвали из Белой Церкви, и он тотчас поспешил обратно, обещая поднять 17-ый Егерский полк.

Тем временем Муравьев принял меры к размещению солдат по квартирам и к снабжению восставших с‘естными припасами и водкой. Несмотря на распоряжение не чинить утеснений жителям, у некоторых из них „были побиты окошки и домашняя посуда с причинением самим им побоев“, как доносил в Киев, васильковский городничий И. Девильерс.

На квартире Гебеля, к этому времени привезенного из Трилес, было взято полковое знамя и денежный ящик. Муравьев приказал взять также полковой архив и печать у ад‘ютанта полка Павлова, но его не нашли. Он укрылся в квартире городничего, в перинах его супруги, как с иронией отмечает Горбачевский.

К ночи Васильков был окружен усиленными караулами, особенно у застав. Здесь были задержаны направлявшиеся в город два жандарма и фельд-егерь.

Ночь с 30 на 31 декабря восставшие провели в приготовлениях к походу.

С. Муравьев и Бестужев, уединившись, заканчивали составление своего „Катехизиса“, воззвания к народу и писали письма

к единомышленникам. Когда „Катехизис“ был готов, Муравьев призвал из полковой канцелярии рядового Хоперского и унтер-офицера Дмитриевского и „заставил их писать Катехизис, диктуя попеременно с Бестужевым“. Затем приказал сделать еще

Михаил Павлович Бестужев-Рюмин.

несколько списков его. К утру было изготовлено 11 экземпляров „Катехизиса“, переданных Муравьеву.

Так был размножен его „Катехизис“, по верному замечанию П. Е. Щеголева „единственно цельное и яркое произве-

дение всего декабристского движения, предназначенное для народных масс".

Вопрос о способах воздействия на солдат и на население не раз обсуждался декабристами. Правда, некоторые из них не придавали ему большого значения, но многие подходили к нему вдумчиво, обсуждали различные средства агитации и даже высказывали мысль об устройстве тайной типографии в имении одного из членов Общества. Была даже приобретена за границей небольшая типография, но она пролежала без дела в петербургском доме С. Трубецкого, „диктатора" 14 декабря.

Среди других над вопросом о пропаганде задумывался вождь „Северян" Никита Муравьев. Он даже приступил к составлению агитационного „Катехизиса", где в ряде вопросов и ответов, с многочисленными ссылками на библию и на исторические примеры, развивал свои революционные взгляды. Катехизис Никиты Муравьева не был им закончен, так как работа над окончанием проекта конституции отвлекла его от этого.

Подобную форму агитации наметил и Сергей Муравьев. Он доказывал, что „лучший способ действовать на русских солдат религиею" и что „чтение библии может внушить им ненависть к правительству". По этому вопросу Муравьев не раз спорил с Горбачевским и с некоторыми другими членами Тайных Обществ, убежденными материалистами.

Помимо наброска катехизиса Никиты Муравьева, мысль о подобном способе агитации дал Сергею Муравьеву катехизис, сочиненный испанскими монахами в 1809 г. во время борьбы испанцев с Наполеоновской Францией за свою независимость. Отрывки из этого катехизиса не раз печатались в русских журналах, а эффектно описанная французским писателем де-Сальванди сцена чтения народом подобного катехизиса окончательно побудила Муравьева и Бестужева использовать опыт Испании при восстании на Киевщине.

Странным и малопонятным кажется теперь этот Катехизис, как средство агитации. Однако авторы не сомневались в его воздействии на солдат и на гражданское население.

„Цари похитили у народа свободу и вообще поступают вопреки воле божьей". Эта мысль развивалась на страницах Катехизиса, подтверждаемая рядом цитат из библии. Катехизис заканчивался следующим ответом на вопрос „что же подобает делать христолюбивому российскому воинству?" „Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, побораюшему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России. А

кто отстанет, тот, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь".

Составленное одновременно с „Катехизисом" воззвание вкратце повторяло его мысли и более напоминало церковное обращение, чем революционную прокламацию.

„Все бедствия русского народа проистекли от самовластного правления. Оно рушилось. Смертью тирана бог ознаменовал волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна... Братья! Раскаемся в долгом раболепии нашем и поклянемся: да будет един царь на небеси и на земли Иисус Христос"...

Этим „Катехизисом" и воззванием, полным отвлеченных мыслей и религиозных призывов, Муравьев и решил воодушевить своих солдат и привлечь в свои ряды новых соратников.

Утром 31-го декабря Сергей Муравьев-Апостол вызвал к себе полкового священника Даниила Кейзера, недавно назначенного в Черниговский полк. Муравьев просил его отслужить на площади перед полком молебен „покороче" и прочитать „Катехизис". Кейзер сначала осторожно отказывался от участия в восстании, ссылаясь на тяжелые последствия для семьи, затем, после того как Муравьев успокоил его и дал 200 руб. ассигнациями на приобретение повозки, согласился исполнить распоряжение.

Между тем на Соборной площади Василькова, у подножья холма с древними валами и Феодосьевским собором, среди маленьких домиков и лавок, окружавших ее, собрались, согласно приказу Сергея Муравьева, все его силы: пять рот Черниговского полка. Среди офицеров, бывших на площади, находились два брата С. Муравьева: Матвей, разделивший с ним арест в Трилесах, и юный, только-что произведенный в прапорщики, Ипполит. Он заехал в Васильков по пути из Петербурга в Тульчин, к месту службы, прибыл к началу сбора на площади и, несмотря на уговоры Сергея Ивановича ехать далее, решил разделить судьбу восставших.

Полк построился в каре, имея в середине офицеров, вооруженных пистолетами и кинжалами. С. Муравьев приветствовал солдат, рассказал им о целях восстания и призывал жертвовать собою за свободу. Затем Даниил Кейзер начал служить краткий молебен, после которого, сильно волнуясь, приступил к чтению „Катехизиса". Кейзер читал тихо, и потому Бестужев, стоя рядом, громко повторял за ним слова воззвания.

После молебна полк выступил в боевом порядке из Василькова. Передовым отрядом командовал Войнилович, арриергардом—Сухинов. Оба они принимали строгие меры к недопущению беспорядков и пьянства. Войнилович ставил караулы у каждой корчмы с приказом никого не впускать туда, и некото-

рые отдельные попытки солдат к бесчинству и „шалостям“ немедленно прекращались решительными мероприятиями.

Во время похода Ипполит Муравьев рассказывал офицерам, что он был послан 13 декабря „северянами“ на юг с извещением об их намерении начать восстание в столице и с просьбой поддержать их. Он говорил далее, что в пути узнал о неудаче 14 декабря, но, прибывши в Васильков во время сбора восставших на площади, вновь преисполнился надежд. Вместе с тем Ипполит заявил о своем намерении, в случае новой неудачи, погибнуть на месте разгрома. „Свобода или смерть!“ воскликнул при этом пылкий Кузьмин, обнялся с Ипполитом и поменялся с ним пистолетами. Оба они сдержали свое слово.

Сергей Муравьев, несмотря на многократные обсуждения планов восстания, при сложившихся обстоятельствах, затруднялся принять определенное решение. Общее положение дел было неясно, в частности неизвестно было, удалось ли поднять восстание в окрестностях Житомира и в Киеве, куда из Василькова был послан прап. А. Е. Мозалевский с несколькими солдатами. Муравьеву приходилось наугад выбирать направление.

Из трех возможных—на Киев, на Житомир и на Белую Церковь,—С. Муравьев избрал Житомирское направление и под вечер 31 декабря прибыл в с. Мотовиловку, верстах в 12-ти от Василькова, владение польского помещика Руликовского, автора ценных мемуаров об этих событиях.

Здесь к восставшим присоединилась рота Соловьева, которую привел из Германовки А. А. Быстрицкий, а также много солдат из расположенной возле Мотовиловки роты. Однако другая, стоявшая здесь рота почти в полном составе отказалась присоединиться к отряду Муравьева. В Мотовиловке остались на ночевку, при чем Муравьев со своим штабом расположился в доме местного ксендза. Здесь встретили Новый год. Днем Муравьев об‘езжал караулы и беседовал с крестьянами, которые тепло его приветствовали и называли своим избавителем. Была организована разведка в разных направлениях, но особых результатов она не дала. Сведений от единомышленников попрежнему не было, однако было несомненно, что верные Николаю I войска начали свое сосредоточенье против восставших.

Действительно, высшие военные власти Киевщины, получив 31 декабря известие о событиях в Василькове, немедленно приняли меры к ликвидации восстания. Перед властями стояла сложная задача использовать против восставших только те войсковые части, на которые можно было положиться и не дать частям, где особенно проявлялось недовольство, соединиться с отрядом С. Муравьева. Хотя военные власти и не располагали точными данными о настроениях, да и самое настроение, „дух“,

солдат и офицеров, при создавшихся обстоятельствах учесть было трудно, свои задачи высшее командование выполнило удачно. Некоторые полки, на которые расчитывали заговорщики, были отодвинуты от Василькова, в иных частях произведена смена командного состава, и самое место восстания с трех сторон окружено надежными, главным образом, кавалерийскими частями.

Одновременно и гражданские власти принимали меры к усиленному надзору за районом событий, за настроениями населения и за тем, чтобы „Катехизис“ Муравьева не получил распространения.

На следующий день, 2 (14) января, утром восставшие выступили из Мотовиловки, но не на Житомир, а на Белую-Церковь, надеясь на присоединение к ним стоявшего там 17-го Егерского полка и не зная, что посланный туда Вадковский арестован, и самый полк передвинут к Сквире.

Через деревню Марьяновку, часа в 4 пополудни, Муравьев подошел к Пологам, в 12 в. от Б.-Церкви. Здесь восставшие остановились на ночлег. Разведка их в направлении к Б.-Церкви установила отсутствие там 17-го Егерского полка. Ночью к расположению черниговцев под‘езжали разведчики—гусары. Это было первое соприкосновение восставших с правительственными войсками.

Осведомившись об уходе из Б.-Церкви егерей, С. Муравьев решил итти по направлению к Житомиру, для совместных действий с „Соединенными Славянами“. Он был уверен, что его письма, посланные из Василькова, в 8 арт. бригаду и 8 пех. дивизию, в район Житомира, там получены, и восстание поднято. Однако он ошибся. Письма доставлены не были, некоторые посланцы арестованы, и спокойствие там не было нарушено.

Итак, в 4 часа утра, 3 (15) января, черниговцы выступили из Пологов на Устиновку. В Устиновке имели привал, при чем управляющий экономией снабдил провиантом восставших и угощал офицеров обедом. После обеда Муравьев в доме управляющего уничтожил свои бумаги и сжег их так много, что „небезопасно было от пожара“, как доносил впоследствии васильковский исправник.

Из Устиновки через Ковалевку отряд двинулся на Трилесы.

Эта нерешительность вождя, это скитание с одной дороги на другую понизили настроение восставших. Несколько офицеров и довольно много солдат покинули отряд. Некоторые даже поспешили к начальству с повинной. Оставшиеся в отряде проявляли нетерпение. „Что нам медлить, зачем еще дневка, лучше бы без отдыха итти до Житомира“, сохранил Горбачевский в своих записках заявление унтер-офицера Кучкова

ротному командиру Соловьеву, сделанное еще в Мотовиловке. Кучков был неодинок: так думали и другие активные солдаты отряда, таково было мнение и многих офицеров.

Ко времени выступления из Ковалевки отряд Сергея Муравьева состоял из 970 солдат Черниговского полка при пяти офицерах: бароне Соловьеве, Щепиле, Кузьмине, Сухинове и Быстрицком. Кроме того, с отрядом находились М. Бестужев-Рюмин и братья С. Муравьева: Матвей и Ипполит.

Направляясь на Трилесы, отряд шел не по дороге через расположенные здесь деревни, а прямо по полю. Во время похода распространился слух, будто полковой обоз был обстрелян из пушек, при чем убит крестьянин с лошадью. Никто не слышал выстрела, но слух о неожиданном обстреле произвел волнение в рядах. Офицеры успокаивали солдат, а Муравьев приказал построиться в боевой порядок.

Вскоре, на Устиновских высотах, в 22 в. от Белой-Церкви, черниговцы встретили отряд правительственных войск. То были три эскадрона гусар при двух орудиях, под начальством ген. Гейсмара.

„Полк шел вперед, рассказывает декабрист Горбачевский. Муравьев приказал осмотреть ружья и приготовиться к бою. Приказание сие ободрило солдат, но сей порыв оживленного мужества был остановлен действительными пушечными выстрелами. Первый картечный выстрел ранил и убил несколько человек. С. Муравьев хотел вызвать стрелков: новый выстрел ранил его в голову: поручик Щепила и несколько рядовых пали на землю мертвыми. С. Муравьев стоял как бы оглушенный: кровь текла по его лицу. Он собрал все свои силы и хотел сделать нужные распоряжения, но солдаты, видя его окровавленным, поколебались: первый взвод бросил ружья и рассыпался по полю; второй следовал его примеру; прочие, остановясь сами собою, кажется, готовились дорого продать свою жизнь. Несколько метких картечных выстрелов переменили сие намерение. Действие их было убийственно... Мужество солдат колебалось: Сухинов, Кузьмин и Соловьев употребляли все усилия к возбуждению в них прежних надежд и бодрости... но все было тщетно... Они, бросив ружья, побежали в разные стороны. Один эскадрон гусар преследовал рассыпавшихся по полю беглецов; другой окружил офицеров, оставшихся на месте, занимаемом прежде колонною, между ранеными и убитыми“.

Кроме убитого поручика Щепило и шести солдат, восставшие потеряли Ипполита Муравьева, который застрелился. Много солдат Черниговского полка было ранено. Были убитые и раненые и среди крестьян, следовавших с обозом.

Восставшие были арестованы. Кроме офицеров, как указывают оффициальные данные, было арестовано 50 унтер-офице-

ров, 53 музыканта, 777 рядовых, 10 нестроевых и 5 денщиков, всего 895 человек.

Многие солдаты бежали и были арестованы позднее. Бежал, при содействии солдат и окрестных крестьян, и Сухинов. Он долго блуждал по Киевщине и Херсонщине и, наконец, был задержан в Кишиневе.

Вечером 3 (15) января всех арестованных офицеров, во главе с С. Муравьевым, раненным в голову, привезли в с. Трилесы и поместили в корчме под охраною Белорусских гусар. „Костоправ“ гусарского полка Данилов сделал здесь перевязки раненым.

Ночью, простившись с товарищами рукопожатием, по которому „Соединенные Славяне“ узнавали друг друга, застрелился Кузьмин, мужественно скрывавший полученные им в бою раны.

На следующий день, по приказу васильковского исправника, голые тела Щепила, Ипполита Муравьева и Кузьмина, а также убитых солдат были брошены в братскую могилу в кургане, на окраине села, у дороги из Трилес на Паволочь.

В тот же день арестованных офицеров отправили сначала в Белую Церковь, а затем, 11 (23) января, в Могилев на Днепре. Сергея Муравьева, Бестужева-Рюмина и некоторых других отвезли затем в Петербург.

Солдаты оставались в Белой Церкви и, закованные в кандалы, ожидали своей участи.

Так закончилось восстание Черниговского полка, отголосок 14 декабря на Киевщине.

Сказанное позволяет выяснить причины неудачи восстания. Уже современники отметили главное: медлительность вождя, недостаток у него решительности. Его колебания в выборе направления дали время военным властям принять меры против восставших. Между тем быстрые действия отряда Муравьева позволили бы ему занять Киев, Житомир, Белую Церковь или Паволочь и увлечь за собою стоявшие там полки, в которых было немало членов тайных обществ или лиц, им сочувствующих. Указывают и последнюю стратегическую ошибку С. Муравьева—переход из Ковалевки на Трилесы по открытому полю, удобному для кавалерийских атак. Между тем дорога через села давала прикрытие для пехоты, которая и составляла весь отряд. Наконец, Горбачевский отмечает и отсутствие личной отваги у вождя движения.

Впрочем, отмечая ошибки вождя, современники указывают, что выжидательное состояние Муравьева исходило, возможно, из уверенности в поддержке соседних полков, где были члены Общества, и даже на то, что посланные против него части станут союзниками восставших.

Надо к этому прибавить, что не мало способствовало не-

удаче восстания отсутствие агитации среди солдат, колебания членов тайного общества, отказы некоторых из них поддержать своим выступлением восставших. Наряду с солдатами, ясно сознававшими значение и цели восстания, многие солдаты не знали отчетливо, за что они борются, так как едва ли им были понятны туманные слова „Катехизиса". К тому же давно задуманное восстание началось случайно, когда из рядов заговорщиков было вырвано много видных деятелей, и организационная связь между членами обществ, и ранее не очень прочная, почти совсем прервалась.

Между тем в южных армиях мысль о восстании была популярна. Только пассивность и колебания руководителей Южного Общества не дали ему развернуться шире и успешней.

Так или иначе, восстание Черниговского полка, вместе с выступлением „северян" на Сенатской площади, имеет значение, как первое военно-революционное выступление, вышедшее из рамок дворцового переворота на широкое поприще с определенной социально-политической программой.

Вслед за подавлением восстания на севере и на юге государства, началось следствие, а за ним и суд над членами тайных обществ. Главная Следственная Комиссия работала в Петербурге. Офицеров Черниговского полка судили в Могилеве на Днепре, главной квартире I-й армии, а солдат в Белой Церкви. Согласно приговору суда пять человек были повешены. Среди них трое—Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин, принадлежали к Южному Обществу.

Другие участники восстания были приговорены к каторжным работам и к ссылке в Сибирь на поселение на разные сроки. Полковой священник Даниил Кейзер, этот „невольный декабрист", был лишен сана и сослан в рабочие арестантские роты Бобруйской крепости, но к работе оказался неспособным, а потому переведен в Смоленск, в „богоугодное заведение". По окончании срока наказания, Кейзер жил в сильной нужде, в деревне Смоленской губ.. Только в 1858 году он получил амнистию, однако без возвращении сана, и ежегодное пособие в размере 57 руб. 14 2/7 коп. сер.

22 июля в Остроге на Волыни, в присутствии вновь сформированного Черниговского полка под командой Гебеля, состоялось чтение приговора над привезенными из Могилева Соловьевым, Сухиновым, Мозалевским и Быстрицким. При этом над ними были переломлены шпаги, и все они публично закованы в кандалы. Затем первые трое были доставлены в Васильков и здесь, на площади, где происходило чтение „Катехизиса" С. Муравьева, они вторично выслушали приговор и были обведены палачем вокруг сооруженной для этого огромной виселицы. На виселице была прибита доска с именами Щепилы, Ипполита

Муравьева и Кузьмина, погибших 3 (15) января. Гарнизон Василькова, горожане и многочисленные помещики были свидетелями исполнения приговора. Затем осужденных отправили в Васильковскую тюрьму, а оттуда в Сибирь.

Из солдат Черниговского полка, участников мятежа, наиболее активные были прогнаны сквозь строй. Все остальные отправлены на Кавказ. Их отправляли в ссылку с большими предосторожностями, под усиленным конвоем. Первый эшелон выступил из Белой Церкви 6 (18) апреля. Остальные пять партий следовали одна за другой с промежутками в три дня. В каждом эшелоне было по 130 человек. Путь их лежал на Переяслав, Золотоношу, Кременчуг, Павлоград, Бахмут, Ставрополь. Весь переход—1232$^3/_4$ вер. они совершили в 75 дней.

В. Базилевич.

Восстание декабристов и Киев.

Настоящая статья ставит своей задачей собрать воедино разбросанные данные об отзвуках в Киеве восстания декабристов, как выступления их 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, так и более близкого географически восстания Черниговского полка на Киевщине (29 декабря 1825 г.—3 января 1826 г.).

Немногочисленные литературные указания по данному вопросу несколько дополнены на основании архивного материала.

Киев сто лет назад был городом далеким от нынешнего состояния, но городом значительным, широко и просторно раскинувшимся на горах над Днепром.

Пятнадцать верст в длину, от двух до шести в ширину тянулся он, весь в садах и огородах. Печерск, Старый город, Подол и Плоское составляли собственно город, а затем шли предместия: Зверинец, Куреневка, Кудрявец, Кожемяки, Глубочица, Лукьяновка, Юрковица, Приорка и Сырец.

Киев почти весь состоял из деревянных „обывательских“ домиков, над которыми местами возвышались каменные казенные „учреждения“, церкви и монастыри. В 1817 году на 4.000 деревянных домов было только 49 каменных. Население определялось в 40.000 чел.; почти половину его (18.000) составляли „военные команды“. В Киеве было 60 заводских предприятий (из них 27—кожевенных), 600 лавок, около 100 шинков и трактиров [1]).

Перенесенная в 1797 г. из Дубно контрактовая ярмарка, знаменитые „контракты“, не мало содействовали экономическому росту города. Они же, наряду с купцами, промышленниками, шляхтой и окрестными крестьянами, привлекали в Киев членов различных тайных обществ, существовавших в крае—русских и польских. С 1822 г. и до разгрома в 1825 г. члены тайных обществ собирались в Киев, чтобы среди ярмарочной суеты, незаметно для правительственного надзора, об‘единиться и обсудить вопросы текущей политической жизни.

Недаром в дни контрактовой ярмарки усиливала свое внимание местная полиция, обращая пристальное внимание „на образ мыслей, дух и характер“ приезжавших на контракты.

---

[1]) Берлинский, М. „Краткое описание Киева“, Спб. 1820 г. стр. 126—127 и др.

Члены Южного Общества постоянно пользовались контрактовой ярмаркой (тогда происходившей в январе) для своих с‘ездов и даже осенью 1825 г., намечая на одном из лагерных сборов план восстания, предполагали окончательно утвердить его на контрактах 1826 года.

Помимо ярмарки, члены тайных обществ бывали в Киеве и в иное время года, а некоторые из них и служили здесь. В частности, в расположенном здесь штабе 4 пехотного корпуса с марта 1825 года служил дежурным офицером будущий неудачный „диктатор“ 14 декабря, кн. Сергей Трубецкой. Осенью 1825 г. он, однако, уехал из Киева на север, стараясь об‘единить работу Южного и Северного Обществ.

Не мало членов тайных обществ было в окрестностях Киева, а в 35 в. от него, в тогдашнем уездном городе Василькове, стоянке Черниговского пехотного полка, находилась одна из управ Южного Общества, руководимая подполковником этого полка С. И. Муравьевым-Апостолом и подпоручиком Полтавского полка, расположенного в Ржищеве на Днепре, М. П. Бестужевым-Рюминым. Оба они были переведены сюда из гвардии в связи с бунтом Семеновского полка в 1820 году [1]).

Летом и осенью 1825 г., сначала от унтер-офицера 3-го Украинского полка Ивана Шервуда, затем и от других лиц Александр I получил сообщения о заговоре на юге государства. Однако он принял меры к подавлению заговора только перед своей смертью в Таганроге (19 ноября), так что сообщения о ней и первые аресты заговорщиков на Подолии произошли почти одновременно.

4 декабря киевский гарнизон, а за ним, 6 декабря, гражданские чиновники и все остальное население принесли присягу „государю императору Константину Павловичу“. От имени его совершались все распоряжения властей, его же поминали в киевских храмах, как и во всем государстве.

Через несколько дней, 14 декабря, в связи с отказом от престола Константина, в Петербурге происходила новая присяга—Николаю Павловичу. Этот день ознаменовался памятным выступлением членов Северного Общества, к вечеру подавленным верными Николаю войсками.

Допросы декабристов дали новые сведения о заговоре на юге. Показания К. Ф. Рылеева, данные им вечером 14 декабря, прямо говорили о возможности там восстания. „Я долгом совести и честного гражданина почитаю об‘явить, что около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных. Надо взять меры, дабы там не вспыхнуло вос-

---

[1]) См. мою работу о декабристах на Киевщине, где указана и предшествующая литература.

стание". Эти сведения Рылеева через несколько дней подтверждал на допросе и Сергей Трубецкой [1]).

Южные армии—1-ая, ген. Остен-Сакена с главной квартирой в Могилеве Белорусском, и 2-ая, ген. Витгенштейна со штабом в Тульчине на Подолии,—еще при жизни Александра I находились под особым тайным надзором правительства.

В частности за настроением войск 1-й армии следил через своих агентов генерал Гогель, лицо близкое цесаревичу Константину.

После восстания 14-го декабря на юг было послано разными высшими органами несколько новых наблюдателей. Среди них был гвардии капитан Сотников, „доверенное лицо" Остен-Сакена. Он был, 22-го декабря, послан из Могилева в Киев, входивший в пределы расположения 1-й армии.

В инструкции, данной Сотникову, между прочим, говорилось: „Все сомнения на щет существования Тайного Общества и цели оного, оправдались ныне совершенно. Союз обнаружился явно в С.-Петербурге и часть заговорщиков созналась в преступной цели и действиях своих... Остается теперь открыть дальнейшие отрасли и весь круг союза сего". Поэтому, говорилось далее, главнокомандующий 1 армией „изволил признать необходимым иметь в Киеве непосредственно от себя доверенную особу, сколько для осторожного и неприметного преследования преступников, так и вообще для наблюдения за духом и поступками тамошних чиновников, частных лиц, и в особенности людей в сем отношении подозрительных". Сотникову предписывалось ехать в Киев, явиться там под видом „производства дополнительных исследований относительно карточной игры, которую вел там некогда капитан Федоров" и „стараться зделать обширное знакомство и войти во все различные круги тамошних сословий". Инструкция предлагала особенно внимательно следить за близкими С. Трубецкому лицами, а также за подозреваемыми в принадлежности к тайному обществу. Среди них был и семнадцатилетний юнкер Г. Я. Скарятин, племянник высшего в городе военного начальника—командира 4 пехотного корпуса кн. Ал. Гр. Щербатова, недавно перед тем принятый в союз прапорщиком Ф. Ф. Вадковским. Инструкция предлагала Сотникову широко использовать для открытия „особых связей и сборищ" предстоящие контракты и давала ему большие полномочия относительно просмотра переписки и ареста подозрительных лиц. Должно отметить, что возложенное на него поручение Сотников выполнял с огромным

---

[1]) „Восстание декабристов. Материалы", издание Центрархива Р.С.Ф.С.Р., Лгр.—Москва, 1925 г. т. I, с. 152 и друг.

рвением, заслужив недовольство высших губернских властей вмешательством в круг их обязанностей [1]).

23 декабря и в последующие дни гарнизон и население Киева принесли присягу Николаю I. Присяга прошла совершенно спокойно. „Служили мы Александру, но раз Константин отрекся от престола, будем служить Николаю“, слышал на улице разговор солдат служащий Руликовского, тогдашнего владельца с. Мотовиловки (вблизи Киева) и автора любопытных воспоминаний. В свою очередь ген. Щербатов доносил 23 декабря по начальству, что он в Киеве „не заметил никакого духа, противного благоустройству и покорности властям“.

Неожиданная присяга Николаю и известия о сопровождавшем ее восстании в столице вызвали в Киеве не мало толков, тем более, что здесь в 1820-х г.г. не было еще местной газеты, а столичные и польские издания получались с большим опозданием и в немногих экземплярах.

В связи с событиями на Сенатской площади был произведен в Киеве осмотр квартиры „диктатора“ Сергея Трубецкого. Его производил лично кн. Щербатов в сопровождении офицера. Бумаги, обнаруженные при этом, были связаны дворецким Трубецкого-Шпейхстом и положены в сани Щербатова, который и увез их с собою. Впрочем осмотр был довольно поверхностный, и дворецкий после от‘езда Щербатова подобрал ряд писем и других бумаг и передал их брату Сергея—Александру Трубецкому. Осведомившись об этом, капитан Сотников учинил следствие и потребовал возвращения бумаг от А. Трубецкого. Бумаги были возвращены, но вполне возможно, что перед тем Александр Трубецкой уничтожил некоторые из них [2]). Есть сведения, что и кн. Щербатов, расположенный к подчиненному ему Сергею Трубецкому, уничтожил некоторые компрометирующие Трубецкого документы из числа взятых при осмотре.

Спокойствие в Киеве было, однако, кажущимся: в самом городе и, главным образом, в разных местах Киевщины шла подготовка к восстанию, правда, не выходившая из стадии тайного обсуждения планов его. В связи с этим, повидимому, находился и от‘езд 26 декабря из Киева в Васильков, к Сергею Муравьеву-Апостолу, члена Общества Соединенных Славян, поручика артиллерии Я. М. Андреевича 2-го, временно работавшего тогда в киевском арсенале. Не застав Муравьева в Василькове, Андреевич, в течении нескольких дней ездил по разным окрестным полкам и, наконец, не достигнув успеха, вернулся в Киев.

Киеву и его крепости заговорщики придавали большое значение: во многих проектах заговора говорилось о необходи-

---

[1]) Архив Штаба I-й армии, дело 1826 г., № 9, ч. I.

[2]) „Востание декабристов“ т. I, стр. 77—84.

мости захвата Киева и создания здесь опорного пункта для дальнейших действий против верных правительству войск.

Киевские власти были озабочены создавшимися настроениями и опасались каких-либо выступлений, по примеру Петербурга. В частности, гражданский губернатор И. Г. Ковалев 30-го декабря издал по губернии распоряжение незамедлительно сообщать ему о всех „немаловажных случаях". Подобное распоряжение дано было им и киевскому полицеймейстеру полковнику Ф. С. Дурову [1]).

Едва было разослано это предписание, как 31 декабря, в 3 часа дня, губернатор получил от Васильковского городничего И. И. Девильерса следующий, на спех писанный, рапорт:

„Сего декабря 30 числа во вверенном мне городе Василькове произошло следующее: командир квартирующего здесь Черниговского пехотного полка г. подполковник и кавалер Гебель прибыл с отлучки (в которой находился несколько дней) в болезни; и сего числа в 6 часов того же полка баталионный командир г. подполковник Муравьев-Апостол с несколькими ротами вооруженными, прибывши в город Васильков, остановя роты против главной гоубвахты, а после пошедши в квартиру командира полка г. подполковника Гебеля, взяв с квартиры его знамя и полковой ящик с сумою; при несении знамь (sic!) и провождении ящика до гаубвахты, военнослужители кричали ура, а по прибытии на место, занимаемое ротами, находящихся на гаубвахте под арестом офицеров и военных арестантов распустил, о каковом происшествии за долг возымел вашему превосходительству донести".

То началось памятное восстание Черниговского полка [2]).

Тотчас киевская администрация—военная и гражданская—приняли меры в связи с восстанием. Кн. Щербатов, „не теряя ни одной минуты", как он доносил своему начальству, задержал под Киевом, в Броварах, сменившийся с караула батальон Муромского полка, привел в боевую готовность Витебский полк и, при содействии расположенного в Киеве Курского пехотного полка, принял меры к поддержанию „спокойствия" в городе.

Гражданский губернатор направил к месту событий „бла-

---

[1]) Киевский Центральный Исторический Архив.—Архив Киевского Губернатора. „Дело о возмущении некоторых рот, квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка"..., 1825—1826 г., по секретной части № 8 - 27.

[2]) По истории восстания см статьи акад. В. С. Иконникова „Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826—27 г.", „Сборник в честь В. И. Ламанского", т. II и отд. Спб. 1905 и проф. М. В. Довнар - Запольского „Декабрьская революция 1825 г." в „Гол. Мин.", 1917 г., 7—8 и отд. В настоящее время печатаются новые работы по данному вопросу Л. Н. Добровольского и Ю. Г. Оксмана.

гонадежных чиновников“ для наблюдения за настроением жителей, а поветовый (уездный) исправник „в преграду и прекращение проезда неблагомыслящих“ в Киев учредили „строгие караулы“ из жителей, стремясь помешать восставшим установить связь с Киевом[1]).

Эта последняя мера не замедлила себя оправдать.

Выступая 31 декабря из Василькова на Белую Церковь, С. Муравьев отправил в Киев прапорщика А. Е. Мозалевского с унтер-офицером Иваном Харитоновым и рядовыми Павлом Прокофьевым, Александром Федоровым и Акимом Софроновым. Муравьев снабдил Мозалевского несколькими рукописными экземплярами своего революционного „Катехизиса“ для распространения и дал ему некоторые иные поручения. Прапорщик был в „партикулярном платьи“, солдаты — спороли погоны с шинелей.

Проселочными дорогами посланцы Муравьева отправились в Киев и только под самым городом выехали на большую Васильковскую дорогу, прибыв вечером к месту назначения.

Все в городе было спокойно.

Мозалевский прежде всего начал искать майора Курского полка Крупенникова, к которому имел письмо от Муравьева. В полковой канцелярии и от встреченного на улице полкового писаря Кошелева, приглашенного Мозалевским в трактир, он осведомился, что в киевском гарнизоне нет майора Крупенникова, а имеется только поручик. Это известие, а вероятно, и иные сообщенные писарем сведения побудили Мозалевского немедленно ехать из Киева на Брусилов, как приказал ему С. Муравьев. Перед от‘ездом Мозалевский поручил рядовому Софронову разбросать те немногие, всего три, экземпляры „Катехизиса“, что были у него.

Тем временем в казармах стали бить тревогу, улицы наполнились войсками и встревоженными горожанами, и Мозалевский поспешил из Киева. Вот как рассказывал на следствии унтер-офицер Харитонов о своей поездке с Мозалевским: „Полк, собравшись, зарядя ружья, вышел к Житомиру, а его, Харитонова, с Мозалевским и тремя солдатами послали в Киев; приехавши же, Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал рядового Павла Прокофьева в канцелярию Курского пехотного полка отыскивать майора того полка Крепенникова (sic!), однако оного не нашел; после, от‘ехавши от канцелярии, повстречали писаря Курского полка, коего Мозалевский взял с собою и были в трактире около четверти часа; причем Мозалевский спрашивал того писаря о майоре Крупникове (sic!) и что в Киеве слышно, а когда писарь отвечал, что майора Кру-

---

1] К. Ц. И. Архив. „Дело о возмущении“..., 1825—26 г.г., № 8—27.

пенникова в полку нет, а есть порутник Крупенников, тогда, более не расспрашивая, послал рядового Софронова и велел данные ему три бумаги бросить под ворота близь большой дороги, от'ехавши от трактира версты две, и после отправились в Брусилов, дабы догнать полк"[1]).

Однако в 12 в. от Киева, в с. Петропавловской Борщаговке, Мозалевский и его спутники были задержаны войтом и крестьянами, несшими караул, согласно приказу исправника, и доставлены в Киев. „Сего числа пополудни в 2-м часу звешнего повета селения Петропавловской Борщаговки войт Иван Пазиченко доставил... при рапорте заехавших в тамошний казенный питейный дом и требовавших двух троеконных подвод, называвшегося князем, Черниговского пехотного полка прапорщиком, Александра Мозалевского, унтер-офицера Ивана Харитонова, и рядовых Павла Прокофьева, Алексея Федорова и Акима Софронова"...., доносил 1 января 1826 г. губернатору киевский исправник Яниковский.

Из приложенного к его донесению рапорта войта (старосты) выясняются и некоторые подробности ареста посланцов С. Муравьева. Когда войт и крестьяне предложили им пред'явить свои бумаги, то они „об'явили, что никаких бумаг у них нету", а затем „начали бежать из трактира в сени и садиться на тройку лошадей". Когда их задержали, Мозалевский предлагал казенному крестьянину Ионе Демиденко тридцать рублей ассигнациями, чтобы выпустили из трактира, но тот денег не принял и рассказал об этом предложении войту. У задержанных не было оружия, кроме сабли. При обыске было взято тридцать руб. ассигнациями, 3 руб. 40 коп. сер. и 1 рубль медью. Кроме того вместе с арестованными были доставлены и санки, запряженные тройкой лошадей—„две в хомутах, а третья на шлейке", как сообщал войт, перечисляя подробно и приметы лошадей[2]).

В Киеве Мозалевский был немедленно допрошен князем Щербатовым и отправлен затем в Могилев Белорусский, в штаб 1-й армии.

Вслед за арестом Мозалевского и его спутников, киевская администрация приняла меры к отысканию разбросанных по городу экземпляров „Катехизиса" С. Муравьева. Первый экземпляр попал в руки властей без всяких с их стороны усилий. Его доставил 1 января главный надзиратель заведений киевского приказа Общественного Призрения Воронков при рапорте, в котором сообщал: „сего числа пополудни в два часа суконной Киевского приказа общественного призрения фабрики из числа рабочих мастеровых людей Федор Кублицкий и Илья

---

[1]] Архив Штаб 1-й армии, дело 1826 г. № 10.
[2]] Там же.

Иванов, отпущены были в город по своей надобности для покупки харчей, за возвращением в фабрику на дороге против дома купца Павла Романовского подняли свернутую бумагу, называемую православный Катехизис, и за прибытием на фабрику об'явили оную смотрителю поручику Стенжицкому, а он сейчас доставил ко мне".

Два другие экземпляра были найдены не сразу. Их судьба сильно интересовала штаб 1-й армии, и в архиве киевского губернатора сохранилось отношение начальника штаба армии ген. Толя, который приказывал губернатору „об'явить полицмейстеру Дурову: что как из упомянутых мятежных катехизисов по сие время найден только один экземпляр, то за отыскание остальных двух экземпляров, ответствует он непосредственно, под опасением лишения всего, что ему может быть драгоценно".

Отношение Толя было, однако, получено в Киеве, когда и два остальные „Катехизиса" были обнаружены. Второй экземпляр нашел 2-го января пристав в доме мещанина Семена Горбиковского. Сын Горбиковского, проходя по Кирилловской улице, поднял какую-то рукопись и, по возвращении домой, „показал поднятую им бумагу своему отцу, неумеющему читать, но развернув прежде оную, увидя в начале что написано: „во имя отца, сына, и святого духа", не читая далее, ибо чрезвычайно была измочена дождем, отдал оную отцу, который, просушив ее близ топившейся печи, положил за образа, полагая, что то должна быть молитва, которая там и лежала, доколе пристав, узнав, что была поднята какая-то бумага, взял оную оттуда".

Третий лист, также очень измоченный и измятый, нашел, 3 января вечером, по его словам, лично полицмейстер в одном из переулков Кирилловской улицы [1].

Словом, прокламация Муравьева быстро попала в руки киевских властей и не получила распространения.

Из донесения властей видно, что „Катехизис" был распространен в одном месте Киева—по Кирилловской улице, на Подоле, и что экземпляры его попали первоначально в руки рабочих и мещан. Видно далее и отношение нашедших к своеобразному воззванию Муравьева, более похожему на церковное обращение, чем на революционное воззвание. Надежды Муравьева и его друзей, что их „Катехизис" воспламенит читателей к борьбе за свободу, не оправдались в Киеве, как и в других местах Киевщины.

Полученные экземпляры „Катехизиса" полиция передала местным военным властям „для уничтожения".

Тем временем, после нескольких дней, когда киевлянам был

[1] К. Ц. Ист. Архив. „Дело о возмущении"., 1825—26 г.г. № 8—27.

неясен исход восстания в Василькове и его окрестностях, губернатор Ковалев получил 4-го января от одного из посланных им „благонадежных чиновников“—Долинского, рапорт, в котором тот поздравлял губернатора и сообщал, что „победа над возмутителями свершилась“.

Действительно, 3 января, на Устиновских высотах, в районе с. Трилесы восставшие под предводительством Сергея Муравьева-Апостола роты Черниговского полка были разбиты отрядом ген. Гейсмара и взяты в плен.

Созданное восстанием черниговцев тревожное настроение в Киеве однако не улеглось и с подавлением восстания.

В городе и в губернии было произведено не мало арестов среди помещиков и офицерства. Многих из них содержали в киевской крепости, некоторых везли далее—в Петербург и Варшаву по требованиям следственных комиссий.

Среди этих последних были глава Каменской управы Южного общества В. Л. Давыдов, Александр и Иосиф Поджио, кап. Маевский, Александр и Николай Раевские, гр. Густав Олизар, Чарковские, Анзельм Ивашкевич, Ст. Иотейко, Гродецкий, Цишевский, Оссолинский, Карпинский, Голеевский, Плессель (по дороге отравился), Любовицкий, К. и С. Проскуры и француз Фурнье, воспитатель Раевских.

В Михайловский монастырь был доставлен в конце января священник Черниговского полка Даниил Кейзер и до суда содержался там под строгим присмотром.

Не мало членов тайных обществ были провезены через Киев с юга. „Генералов, штаб и обер-офицеров из войск 1-й и 2-й армий схватывают и везут через Киев в С.-Петербург по пяти и шести человек ежедневно; но фамилии их при провозе скрыты и в подорожных значутся только те, которые их везут“, доносил ген. Гогелю один из его тайных агентов—подполковник Бакуревич [1]).

Находившиеся в Киеве члены тайных обществ, по возвращении к ним из поездки по соседним полкам Я. М. Андреевича, намеревались поднять здесь восстание и тем помочь Муравьеву. Среди приготовлений к этому они узнали о разгроме восставших черниговцев. Тогда было решено устроить побег Сергея Муравьева и Михаила Бестужева-Рюмина из заключения. Для этого начали собирать деньги и закладывать вещи. Нашли и людей, которые соглашались за 2.000 руб. освободить арестованных. Однако, сбор денег подвигался медленно и еще не был закончен, как Андреевич был арестован, и его предприятие не осуществилось [2]).

---

[1]] „Русский Архив“, 1871 г. стр. 281—282.

[2]] „Записки Неизвестного“ [Горбачевского] в „Рус. Арх.“, 1882 г, кн. I—II, с. 522.

Все эти дни между киевскими властями и высшим командованием шла оживленная переписка. Штаб 1-й армии то и дело давал свои указания не только военным, но и гражданским властям Киева. В частности, штаб тревожило то, что губернский маршал (предводитель дворянства) и многие помещики Киевщины не успели еще присягнуть Николаю. Отписываясь по этому поводу, губернатор сообщал, что присяга уже выполнена, и, как бы успокаивая штаб, подчеркивал, что киевский губернский маршал Шимановский „при весьма ограниченных способностях своих не способен, кажется, ни к каким предприятиям“, а в поведении б. маршала Густава Олизара, находившегося уже и ранее под подозрением, „никаких вредных предначертаний и ничего предосудительного не замечено“. Впрочем, на всякий случай, губернатор пригласил в Киев „под благовидными предлогами“ многих видных помещиков, а иные и сами спешили в город, чтобы быть на глазах начальства и тем избежать возможных неприятностей [1]).

Действительно, по словам оффициального рапорта, „в городе Киеве полиция действует весьма сильно, берут каждого под стражу за одно неуместное слово, распечатывают на почте все письма“. Результатом этих мероприятий была „видная тишина, опаска в разговорах и во всяких сходбищах“, отмечаемая тем же донесением. Контрактовый дом, в связи с ярмаркой, привлекал усиленный наряд пехоты, жандармов и полицейских. Корпусный командир кн. Щербатов и губернатор Ковалев по несколько раз в день бывали на контрактах. При создавшихся обстоятельствах ярмарка прошла малооживленно, при небольшом с‘езде. Сделки совершались наспех и по заключении их помещики и купцы тотчас уезжали из города.

Город был полон слухов, к которым чутко прислушивались местные власти, заботливо собирая их для правительства и, помимо своей воли, для будущего историка [2]).

Говорили от том, что число участников заговора превышает пятнадцать тысяч человек, что Муравьев роздал 200.000 р. солдатам и офицерам, для привлечения их на свою сторону и т. п. Слышались и „необыкновенные похвалы“ уму, способностями и обращению Муравьева.

Личности Константина и Николая служили частыми темами бесед. „Между помещиков в разговорах не устала речь, что они более бы желали иметь на троне цесаревича Константина, чем государя императора“. Одновременно шли слухи об осложнениях, какие будто бы вызвала в Москве присяга Николаю, и о

---

[1]] К. Ц. Ист Архив.—Архив Киев. Ген.-Губернатора. „Дело, заключающее первоначальныя сведения о лицах, состоящих под надзором и в замечании правительства“, 1827 г., № 7.

[2]] Там же. См. также „Рус. Архив.“, 1871 г., с. 279—284 и др.

том, что войска, находившиеся в Польше под начальством Константина Павловича, имеют приказ быть готовыми к походу на Петербург.

В середине января 1826 г., как раз в то время, как в Киеве производил расследование по делу о тайных обществах ген.-ад. Н. И. Демидов, в городе появились слухи о смерти Николая I. В связи с ними было произведено дознание. Его начали с майора гусарского принца Оранского полка Челищева. Он сослался, как на источник слуха, на однополчанина корнета гр. Ржевусского. Тот—на свою двоюродную сестру гр. Потоцкую. Эта последняя на допросе „отозвалась, что она сказала о том графу Ржевусскому наедине будто в шутку, хотевши его только испугать“. Дальнейшее расследование показало, что указанный слух был широко распространен среди прибывших на ярмарку лиц.

На ряду со слухами, передаваемыми тайком, по городу ходили и „громкие слухи“, как определяет их правительственный наблюдатель. Среди них он отмечает слух, что постоянно живший в Киеве ген. Раевский, отец жены декабриста С. Волконского, выехал в Москву, где получил от Николая I письмо с сообщением о невинности арестованных после 14 декабря его сыновей—Александра и Николая. Далее, говорили о назначении Раевского главнокомандующим I армией, что не оправдалось впоследствии, и многое иное.

Все эти и им подобные слухи достаточно характерны для той военно-помещичьей среды, в которой они возникали.

Остались, к сожалению, почти в стороне от наблюдений настроения других общественных групп Киева. Только единичные и случайные данные позволяют сказать, что и здесь средоточием внимания была неожиданная замена на троне Константина Николаем и связанная с этим новая присяга. Много, конечно, было разговоров в связи с ней среди войск киевского гарнизона, при чем по дошедшим до нас отрывочным сведениям можно наметить различные настроения солдат. Здесь и недоумение („у нас теперь два государя, двум присягали“, говорил, например, солдат Низовского пехотного полка), и покорно-безразличное отношение к смене царей („служили мы Александру, но раз Константин отрекся от престола, будем служить Николаю“) и, наконец, даже явно сочувственное Константину („наш государь не Николай Павлович, а Константин Павлович“). Это последнее настроение претворилось местами на Киевщине среди крестьянского населения в своеобразную „константиновскую легенду“, где цесаревич Константин, якобы насильно отстраненый от трона, неожиданно преображается народной молвой в защитника крестьянских прав от помещиков.

Социально-политические идеи, выдвинутые декабристами, в частности Сергеем Муравьевым, не дошли до широких народ-

ных кругов или не были ими, как совершенно отвлеченные, ясно поняты и осознаны. Это видно хотя бы на отношении киевских фабричных рабочих и мещан к революционному „катехизису“ С. Муравьева. Отсюда или безразличие народных низов к восстанию или даже, местами, враждебное отношение к черниговцам („рабуси“, т. е. грабители-черниговцы, отзывались в одной деревне) [1]).

Дальнейшие события, связанные с декабристами,—суд и исполнение приговора происходили вне Киева—в Петербурге, Могилеве, Белой Церкви и, для членов польских обществ, в Варшаве.

Вслед за казнью в Петербурге (13 июля 1826 г.) пяти декабристов, в Киеве был, как и в других городах, при торжественной обстановке отслужен молебен „на испровержение крамолы, угрожавшия междуусобием и бедствиями государству всероссийскому“, с провозглашением многолетий Николаю, царской семье и верным войскам, а также поминовения гр. М. А. Милорадовича и других, погибших в дни восстания, сторонников Николая.

Осенью 1826 года несколько офицеров-участников восстания Черниговского полка, по пути в сибирскую ссылку, пробыли почти две недели в Киеве (23 августа—5 сентября). То были Соловьев, Сухинов, Быстрицкий и, посланец Муравьева в Киев, Александр Мозалевский. Все они были закованы в кандалы и сильно бедствовали, не имея денежных средств.

Несколько киевлян через полицмейстера Дурова передали им некоторую сумму, прося принять ее „не как подаяние, но как пособие из человеколюбия и участия соотечественников“. Однако ссыльные отклонили передачу, хотя все вместе имели только два рубля серебром, да и из тех почти все они роздали встреченным здесь нескольким солдатам—участникам восстания.

5 сентября 1826 г. декабристов с партией уголовных отправили из Киева через Козелец, Нежин, Глухов, Орел и Калугу в Москву и далее в Сибирь [2])...

Таковы были отголоски в Киеве восстания декабристов. Их выступление еще долго безпокоило киевскую администрацию, еще долго мелькали в канцелярских бумагах имена декабристов, пока польское восстание 1831 г. не оттеснило их на второе место, создав новые заботы для киевских властей.

В. Базилевич.

---

[1]) Ю. Г. Оксман. „Восстание Черниговского полка. Новые материалы“ в сборнике „Декабристы. Труды Пушкинского Дома“, М. 1925 г., с. 30.

[2]) „Записки Неизвестного“ [Горбачевского] в „Рус. Арх.“, 1882 г., кн. I—II, с. 539—540.

Главные участники восстания Черниговского полка.

В возмутившемся почти полностью Черниговском полку участниками восстания проявлена была неодинаковая степень активности. Тут можно отметить серую солдатскую массу, сравнительно лишь в редких случаях выходившую из рамок обычной пассивности и механической автоматичности, и разжалованных в рядовые бывших офицеров, лиц без определенно выраженной революционной индивидуальности, и офицерский состав полка, вовлеченный в целом лишь случайно в бурный водоворот событий, наконец, сознательных участников происходившего. К последним относились лишь кружок ротных командиров, два интимно близких С. Муравьеву-Апостолу лица, правда, не из числа сослуживцев и главный руководитель происшедшего неожиданно и преждевременно для самих заговорщиков восстания.

Первая группа активных участников восстания, представлена четырьмя ротными командирами: поручиками Щепилло, Кузьминым, Сухиновым и штабс-капитаном бароном Соловьевым, бывшими членами Общества Соединенных Славян. Оказывая надлежащее воздействие на своих подчиненных солдат, они соответственным образом побудили даже и своего вождя освобождением его от первоначального ареста выступить открыто против правительства, обусловив этим попытку скорейшей реализации замыслов заговора. Слишком много у них было воли к активной деятельности, как равно и бунтарских, революционных устремлений, чтобы роль их в событиях, связанных с восстанием Черниговского полка, не была посильно оттенена и самим С. Муравьевым-Апостолом в показаниях на допросе, и выносившими мятежным черниговским офицерам обвинительный приговор судьями, и современными происшествиям мемуаристами (Горбачевским, Руликовским и др.), и позднейшими, наконец, историками (напр., М. Покровским). Энергия, доходившая до горячности, революционная импульсивность, жажда бунта во что бы то ни стало и целый ряд типичных черт их психики довольно определенно характеризуют общий духовный облик этой группы деятелей поры восстания, давая вместе с тем возможность посильно выяснить индивидуальность и каждого из них, так что еще Горбачевский и М. Муравьев-Апостол в своих мемуарах были в состоянии представить соответственные портреты, напр.,

Сухинова и Кузьмина. В вырисовывающемся далеко не блеклыми красками кружке из этих 4 персонажей следует, впрочем, особенно стремительно—пылких Щепилло, Кузьмина и Сухинова противопоставить сравнительно уравновешенному Соловьеву, отличному от сотоварищей и некоторыми чертами темперамента и большею устойчивостью, сохранностью физического и духовного здоровья и т. д.

Михаил Алексеевич Щепилло, несмотря на неизвестность его возраста, образовательного ценза, даже места расквартирования перед восстанием его шестой мушкетерской роты, довольно полно обрисовывается со стороны черт своего характера, благодаря идущим из ряда источников указаниям. Недостаточно сдержанный, нетерпеливый, чрезвычайно импульсивный, склонный к поспешности, в частности—к быстрому переходу от нормального состояния духа к горячности, запальчивости, гневу, озлоблению и дикому даже исступлению, готовый поэтому и на крайности, решительный и настойчивый до упрямства, Щепилло представлял собою личность, хотя и с ограниченным умственным кругозором, несложную, пожалуй, в своих психических переживаниях, но все же бесспорно интересную непосредственностью, цельностью общего морального облика. Исполнительный и деловитый по службе, в чине поручика командир роты, ладивший с подчиненными солдатами, находившийся в надлежащем контакте с товарищами одинакового с ним служебного положения, ревностный член тайного политического Общества Соединенных Славян, в состав коего, повидимому, ввел и Соловьева, он своею расправою в Трилесах со злополучным Гебелем фактически увлек окружающих офицеров—товарищей и солдат к открытому противоправительственному, революционному выступлению. Приняв в начавшемся вслед за этим бунте Черниговского полка, в качестве одного из непосредственных сотрудников С. Муравьева-Апостола, весьма энергическое участие вплоть до самой катастрофы, Щепилло в схватке восставших с правительственными войсками пал одним из первых среди убитых и смертью своею запечатлел недолгую жизненную карьеру. В результате официального констатирования характера его деятельности и явилось мстительное отношение к погибшему (точно так же, как к И. Муравьеву-Апостолу и Кузьмину) со стороны восторжествовавшего противника: правительство запретило сооружение какого бы то ни было памятника на месте погребения этого типичного борца революционера.

Близкий товарищ Щепилло, поручик Анастасий Дмитриевич Кузьмин сходен с ним чертами психики. Питомец Петербургского второго кадетского корпуса, офицер через некоторое время Черниговского полка, он ничем собственно не отличался первоначально от сослуживцев в отношении выучки подчи-

ненных солдат, имевшей в ту пору характер жестокой муштровки. После своего морального и политического просветления радикально изменивши обращение с подчиненными нижними чинами, товарищески даже войдя в солдатскую артель 5-й мушкетерской роты, которою командовал, будучи всего в чине поручика, Кузьмин не считал при этом нужным скрывать от фельдфебелей образа своих мыслей и конечных целей. При их содействии подготовляя солдат к намеченному революционному выступлению, он снискал себе у последних большое, граничившее чуть не с преданностью расположение, и вызвал вместе с тем подражание Соловьева и Щепилло. Он вступил вместе с Соловьевым в 1823 г. одним из первых в своем полку в состав недавно перед тем образовавшегося Общества Соединенных Славян. Завязавши деятельное с ним общение, введя между прочим туда же Сухинова и Фурмана, стараясь склонить также и Ракузу, Кузьмин внесен был даже в список 15 заговорщиков, готовых на покушение против высочайших особ. Мировоззрение Кузьмина сложилось независимо от гуманизирующего влияния С. Муравьева-Апостола, который лишь в предосеннюю пору Лещинского лагеря 1825 г. узнал о принадлежности к участникам тайного Славянского Общества также офицеров подчиненного ему батальона, и Кузьмина в том числе. Распространяя сведения о целях заговора в виде уничтожения рабства (т. е. крепостничества), раздела земли, определения прав, обеспечения свободы и собственности каждого, выражая при этом уверенность, что начало действий наступит в скорости же, Кузьмин органически не был способен понимать смысла занятий единомышленников теоретическими, признававшимися им чуть не за глупости, рассуждениями в роде конституционных или республиканских планов, разговоров о „Русской Правде“, революции и т. п., так как всему этому он предпочитал действие, актуальность, т. е. самый акт революционной борьбы самой по себе. Весьма деятельный сотрудник С. Муравьева-Апостола, который не даром перед своим первоначальным арестом раньше всего обратился именно к нему за поддержкою, Кузьмин первым из ротных командиров Черниговского полка поднял своих солдат на помощь Муравьеву и остался ему верен до смерти после разразившейся катастрофы.

И по впечатлениям от знакомства с фактическим поведением и по современным отзывам о его личности, Кузьмин выступает обладателем, в общем, юношески пылкого темперамента, порывистою, импульсивною натурою, лицом, не понимавшим хладнокровия и терпения. способным увлекаться и выходить за пределы благоразумия, но вместе с тем и подыматься до настоящего революционнаго энтузиазма. Открытая натура, щедрый по отношению к товарищам и тароватый, воплощение духовной бодрости, отваги и решительности, постоянства в стремлении к

цели, практичности при подходе к ее осуществлению, настойчивости и энергии, поднимавшейся до экзальтации, он был поглощен при этом одною лишь идеею—всемерного рвения действовать. Смелый борец во имя революции, не смогший пережить катастрофу и смертью запечатлевший свои неосуществившиеся устремления, облик при этом с яркою индивидуальностью, рельефно выраженною, Кузьмин своим поведением неминуемо должен был вызвать мстительное отношение со стороны правительства даже к своей памяти, выразившееся в распоряжениях, тождественных изданным относительно И. Муравьева-Апостола и Щепилло.

Тесно примыкавший к Щепилло и Кузьмину складом натуры, поручик Иван Иванович Сухинов (1795—1828) должен быть признан выступающим в событиях в качестве весьма красочного персонажа. Уроженец северо-восточной части Херсонщины, выходец из мелко-чиновничьей среды, получивший так называемое домашнее образование, сменивший начатую подростком службу в гражданском ведомстве на военную профессию, он постепенно переходил в своем общественно-политическом мировоззрении от патриотического первоначально под‘ема и жертв из-за него здоровьем к последующей революционной восторженности, озлоблению и оформленной в определенное настроение ненависти к правительству. Чистейший сангвиник, быстрый до поспешности в своих чувствах и поступках, нетерпеливый и с трудом сдерживавшийся, пылкий и даже пламенный, увлекавшийся до иллюзий и ослепления, Сухинов был склонен к переходам от одного настроения духа к другому. Высоко предприимчивый, настойчивый, решительный, твердый волею и безгранично энергичный, Сухинов был вместе с тем отважен, смел, готов на все, вплоть до самопожертвования. Простой в общем, привлекательный в обращении, весьма общительный, пользовавшийся заслуженным доверием товарищей по службе, он и был введен Кузьминым в состав тайного политического Общества Соединенных Славян вместе с сослуживцем кипитаном Фурманом. Исполнительный в ответственных поручениях, человек с природною сметливостью, Сухинов сделался также и одним из наиболее доверенных, преданных и ревностных сподвижников С. Муравьева-Апостола, который оказывал ему особое расположение. Активно прикосновенный к заговору еще до бунта, он был намечен для дальнейшего расширения революционной деятельности к переходу из Черниговского полка в Александрийский гусарский. Сухинов, впрочем, остался при старых сослуживцах до самого восстания, в котором принял непосредственное участие, сыграв при этом весьма активную и видную роль. Он справился в Василькове с Трухиным, помог как уговорить тамошних солдат присоединиться к восставшим, так увлечь и офицеров, вы-

полнял поручения относительно квартиры Гебеля, гауптвахты и т. д., усиленно знакомил солдат в походе с „Православным Катехизисом“ вождя восстания, внушая им о вольности („царя быть не должно“) и т. п. Занимал он также по распоряжению Муравьева ответственное положение начальника сначала авангарда входившего в Васильков отряда, а позже начальника арьергарда и командира одной из мушкетерских рот (вместо получившего иное назначение Фурмана), лица, далее, производившего усиленные разведки во время марша и вообще почти правой руки главы восставших. Постигшая восстание неудача, бесплодность намерения скрыться после катастрофы и фигурирование перед Могилевской военно-судной комиссией, которая приговорила его, как и Мозалевского, Быстрицкого и Соловьева, к весьма тяжелому наказанию, отразились на надломе его психики, отчасти чувствуемом и в показаниях во время дознания, и последние производят впечатление не то неискренности, не то оговора, извета относительно как солдат, так и сотоварищей по заговору—офицеров.

Неудача на сибирской уже каторге попытки нового дерзновенного заговора обусловила конечное отчаяние несчастного, приведшее его к самоубийству.

Барон Вениамин Николаевич Соловьев (1798—1871) является четвертым из активной революционной группы ротных командиров Черниговского полка сподвижником С. Муравьева-Апостола, из числа вынесших на дорогу открытого восстания раньше лишь тлевшее революционное брожение. Уроженец Великороссии (рязанец), представитель обеспеченной в материальном отношении семьи и, вероятно, обладатель соответственного образовательного ценза, Соловьев был в общем человеком хорошего здоровья, крепкого, повидимому, телосложения.

Сравнительная молодость, известного рода идеализм и товарищеская солидарность об‘ясняют принятую Соловьевым линию общественного поведения во время службы в Черниговском полку, где он в пору событий в чине штабс-капитана командовал одною из мушкетерских (второю) рот. Влиятельный служебным положением офицер, Соловьев был одним из ранних среди сослуживцев участником Общества Соединенных Славян, будучи вовлечен в состав его еще с 1823 г. сначала Громницким, позже и Щепилло. Оказавшись весьма активным членом конспирации, он свою энергию проявил и в надлежащем, по примеру Кузьмина и Щепилло, распропагандировании собственной роты, и в настойчивом, по примеру других „славян“, желании осведомиться о целях собиравшегося включить их в себя Южного Общества, и в согласии внести себя в список 15 наиболее решительных заговорщиков-террористов, и в готовности ехать вместе с Бестужевым-Рюминым в столицу с целью покушения.

По показанию Ракузы, Соловьев был одним из первенствовавших в заговоре главных возмутителей. В официальном „приговоре“ он поставлен первым в перечне офицеров, осужденных Могилевскою военно-судною комиссиею. Ему были при этом инкриминированы не только принадлежность к тайному обществу, стремившемуся к ниспровержению существовавшего государственного порядка, но и верное сподвижничество С. Муравьеву-Апостолу, участие в его замыслах, уговаривание в Василькове солдат и не своей роты примкнуть к восстанию и сопутствие Муравьеву до конца в дальнейших революционных выступлениях последнего.

Соловьев поэтому, наравне с Сухиновым и Мозалевским, был приговорен первоначально к смертной казни, после высочайшей конфирмации замененной, впрочем, тождественной с Быстрицким карою моральною, материальною и политическою, разжалованием из офицеров в рядовые и лишением прав дворянского сословия, ссылкою (также первоначально вечною) в Сибирь на каторжную работу, с унизительным перед этим фигурированием под виселицей в Василькове в виду собранных войск и, наконец, возмещением убытков казны.

Оставшийся невредимым от ран и контузий в схватке с правительственными войсками, переживший ужасы следствия и суда, этапов, каторжной работы и т. д., уцелевший после раскрытия сибирского заговора злосчастного Сухинова, Соловьев успел дождаться амнистии и возвращения к родным, и при крепком, повидимому, в общем здоровьи он прожил после того еще 15 лет.

Не проявляя в своем поведении красочных черт характера трех своих ближайших товарищей и оставаясь, по сравнению с ними, словно бы в тени, Соловьев все же обрисовывается довольно определенно в отношении своего облика. В отличие от страстных по временам до необузданности товарищей, он характеризуется значительной сдержанностью, уравновешенностью темперамента, хладнокровием, трезвенностью, рассудительностью, склонностью к шутливой иронии. Отмеченные черты его характера не исключали, конечно, возможности—особенно под влиянием коллективной аффектации—впадать в состояние нервозной горячности, проявлять кипучую энергию во время пребывания в Василькове Муравьева с восставшим его отрядом, в походе и в схватке, стойкость (первоначально, правда, только) на судебном допросе, а также горделивость поведения в начальную особенно пору обрушившихся на него бедствий.

Несмотря на оговоры им солдат на допросах, отмечаемые И. Завалишиным чувственные эксцессы на каторге и т. п., свидетельствующие о недостаточно высоком моральном уровне натуры Соловьева, последний все-таки заслуживает внимания

к себе не меньшего, чем его товарищи, хотя бы и потому, что является не только (как М. Муравьев-Апостол) очевидцем всех происшествий поры восстания и их активным участником, но и основным источником информаций для мемуаристов Ф. Вадковского и Горбачевского и автором самостоятельной характеристики Сухинова, которая раньше приписывалась Горбачевскому.

Править мчавшеюся к революции и увлекаемою всего 2 парами ротных командиров колесницею выпало на долю С. Муравьеву-Апостолу, с которым в интимном общении во все время бунта находились с одной стороны старший его брат Матвей, подполковник в отставке, а с другой—М. Бестужев—Рюмин, подпоручик Полтавского полка. Из них первый был близок к вождю восстания лишь в силу родственных отношений, являясь в действительности в роли как бы тормоза его порывов, тогда как второй родственностью переживаний содействовал, наоборот, поддержанию и укреплению состояния под‘ема настроения у С. Муравьева-Апостола. Оба эти лица из круга интимного общения с С. Муравьевым-Апостолом, независимо от указываемой причины, представляют значительный интерес более сложною, чем у всех решительно участников восстания, структурою психики, большею, поэтому, утонченностью чувствований и весьма значительною политическою сознательностью.

Отпрыск старинного дворянского рода, к которому принадлежали между прочим и видные государственные деятели XVIII в. и известный ученый историк второй половины XIX столетия, Михаил Павлович Бестужев-Рюмин (1803—1826) происходил из хорошо обеспеченной в материальном отношении помещичьей семьи.

Он мог поэтому, не посещая общественной школы, получить дома вполне приличное для своего круга светское образование, характеризовавшееся между прочим столь обычным в то время для людей его круга уменьем лучше выражать свои мысли по—французски, чем на родном языке. Помимо уроков обычных учителей—иностранцев, он пользовался руководством и приглашаемых к нему давать уроки профессоров Московского университета: юриста Цветаева, известного Мерзлякова и их товарищей. Служил в гвардейских полках Кавалергардском и Семеновском, доступных тогда по преимуществу лишь богатым дворянам. Вслед за расформированием прежнего состава Семеновского полка за бунт 1820 г., Бестужев-Рюмин был переведен из гвардии в Полтавский пехотный полк, стоявший на квартирах в 1825 г. в местечке Ржищеве быв. Киевской губ., будучи в пору событий всего лишь в чине подпоручика. Молодой офицер в Киевщине сближается с сослуживцем по Семеновско-

му и Полтавскому полкам С. Муравьевым-Апостолом, который, впрочем, не сразу его оценил. Подпавши всецело под влияние С. Муравьева-Апостала, Бестужев-Рюмин стал преданным другом, почти неразлучным спутником и ближайшим, неразрывным сотрудником его помыслов и политических действий. Введенный официально в состав Южного Общества на контрактовом с‘езде заговорщиков в Киеве 1823 года, он проявил замечательную энергию и незаурядные дарования в качестве конспиратора и совершавшего очень часто со специальными задачами раз‘езды пропагандиста. Он открыл существование тайных политических организаций польской и Соединенных Славян. Завязавши с ними сношения, он включил последнюю в состав Южного Общества. Независимо от посильного распространения среди молодых офицеров соответственных взглядов, возбуждения среди слившихся с „южанами“ „славян“ не только „духа преобразования“, но и действенной революционности и привлечения наиболее решительных из них к цареборческим замыслам, Бестужев-Рюмин выказывал инициативу в изыскании, вместе с Муравьевым, способов воздействия на настроение также и поднимаемых к восстанию солдат путем совместного составления „Воззвания“ и „Политического Катехизиса“. В виду признания главарями заговора революционного его рвения, выдвинутый при содействии С. Муравьева-Апостола, несмотря на молодость и скромное служебное положение, на видный пост второго директора революционной Васильковской Управы и в свою очередь посильно подкреплявший неуклонно возраставшее политическое значение своего старшего друга, Бестужев-Рюмин сделался одним из главных нервов революционнго движения на Юге. В связанных непосредственно с восстанием Черниговского полка событиях деятельность Бестужева-Рюмина выразилась в том, что он после захвата в Василькове бумаг С. Муравьева-Апостола обсуждал вместе с единомышленниками из числа офицеров Черниговского полка вопрос о немедленном же вооруженном восстании против правительства, письменно побуждал к тому же „славян“ и в других местах, предупредил своего друга и единомышленника о грозившей тому опасности, успел с‘ездить из Трилесов (места первоначального ареста Муравьева с братом), хотя и безрезультатно; с агитационными целями в Радомысльский уезд, в интересах привлечения соответственной поддержки восставшим. Помимо „Воззвания“ к солдатам, он принимал участие в спешном составлении текста вместе с С. Муравьевым „Православного Катехизиса“ и сопутствовал ему в марше восставшего полка.

В схватке с правительственными войсками Бестужев принимал личное участие, причем вместе с другими мятежниками был захвачен с оружием в руках. Фактически одна из наиболее

ярких фигур на революционном горизонте Юга, он естественно явился об‘ектом особенно многочисленных, по сравнению со всеми другими привлеченными к Верховноми Уголовному Суду, обвинений со стороны правительства.

Ему, поставленному в официальном списке четвертым в порядке провинившихся, инкриминировалось: принятие деятельнейших мер к разростанию тайного общества путем привлечения в него других, возбуждение к бунту офицеров и солдат при помощи составляемых „прокламаций“ и произносимых „возмутительных“ речей, участие в управлении Южным Обществом, присоединение к нему Славянского Общества, содействие замыслам поляков отторгнуть области от Империи, особенно же разнообразнейшие планы цареборства, в роде лишения свободы Александра I, изгнания императорской фамилии, цареубийства, истребления царской семьи, рассеяния праха или смертных останков и т. д., и, наконец, личное, непосредственное участие в бунте с оружием в руках. В результате правительственной оценки политической деятельности его последовал жестокий приговор Верховного Уголовного Суда к четвертованию, замененному, как и четырем другим, признанным важнейшими из обвиняемых, повешением (13 июля 1826 г.).

Практик-революционер, Бестужев-Рюмин в своем моральном облике вырисовывается на основании как впечатлений от знакомства с его кипучею и многообразною деятельностью, так и многих (не менее двадцати) современных о нем отзывов. Из имеющегося в нашем распоряжении материала он выступает в нашем представлении человеком со значительной подвижностью, живостью натуры, располагавшею к доверчивости и даже дружбе экспансивностью, общительностью, которая обусловила завязание им за пятилетие пребывания в Киевщине и вообще на Украине обширных, поддерживавшихся частыми раз‘ездами знакомств (помимо столичных) среди служилого и неслужилого дворянства великорусского, украинского и польского происхождения. При пылкости темперамента у него естественны были неуравновешенность настроения и несдержанность, склонность к самообольщению, бессознательному или сознательному преувеличению, восторженность, экзальтация до размеров, которые производили по временам впечатление не то странности, не то взбалмошности. У Бестужева-Рюмина, человека сложных и сильных эмоций, можно констатировать разнообразные оттенки психических переживаний: нежную любовь к матери, преданность и сердечную привязанность к С. Муравьеву-Апостолу, отзывчивую участливость к павшему духом при вести о грозящем аресте Матвею Муравьеву-Апостолу, романтическую мечтательность и вместе с тем постоянную, ярко выраженную (что, конечно, вызывало неудовольствие умеренных элементов

заговора) революционность настроения, поднимавшегося у него до настоящего пафоса во время декларирования своих мыслей, декламирования вольнодумных произведений и т. д.

При несомненной интеллигентности своей натуры, тонкости психической организации, энергичном реагировании на современную действительность, Бестужев-Рюмин все же во время восстания Черниговского полка, как чужой офицер, притом в скромном чине подпоручика, сыграл, по сравнению с местными ротными командирами, довольно бледную роль. Выказавши на судебном следствии об'ясняемую состоянием нервов, шокировавшую кое-кого из товарищей по заключению (напр., Басаргина) словоохотливость, в предсмертные часы он утратил и былую свою жизнерадостность.

Подле вождя восстания на Юге, с поры сгущения туч на политическом горизонте и вплоть до катастрофы, фигурирует в качестве неразлучного спутника старший брат Сергея, Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Происхождением от родовитого, состоятельного, занимавшего видное положение и в литературе и на государственном поприще отца, проживавшего и в России (в частности—на Украине, в полтавском наследственном имении м. Хомутце, а также и в Киевщине) и за границей, об'ясняются как условия воспитания Матвея с братом в Париже и петербургском Корпусе Путей Сообщения, так и последующая служебная деятельность в военном ведомстве. С другой стороны, влияние среды обусловило постоянное общение его с представителями разных современных течений, в том числе и принадлежавших к оппозиционным и даже революционным кружкам. В состав „Союза Спасения" Матвей Муравьев-Апостол вступил еще с 1817 г. и затем участвовал в последующих тайных политических организациях. Под конец числясь официально в Южном Обществе, он был не только знаком с общим положением дел заговора, но и осведомлен с наиболее рискованными замыслами, в роде намерений Якушкина (в 1817 г.), Лунина (в 1821 г.), брата Сергея (в Бобруйске и Белой Церкви) и Якубовича относительно Александра I, цесаревича Константина Павловича и т. д., не говоря уж о знакомстве в общих чертах с „Русской Правдой" Пестеля, составленными Сергеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым „Воззванием" к солдатам и „Катехизисом", с речью Бестужева-Рюмина к „славянам" и т. п. Несмотря на далеко не сходный с братом темперамент, фактическую неприкосновенность к революционному движению в пору службы в Полтаве, не взирая также на отстутсвие на тайных совещаниях с 1823 г. в Киеве, Каменке и в лагерях у Лещина, на первоначальный отказ вступить в Южное Общество и позднейшее также желание выйти из его состава, он под давлением более чем его сильной воли не

только остался в рядах заговорщиков, но и соглашался по временам, помимо списывания секретных бумаг, хранения портфеля с бумагами Пестеля и т. д., принимать на себя ответственные поручения, как, напр., участие в переговорах 1823—24 г.г. в Петербурге между Южною Директориею и Северным Обществом или же миссию в Киеве к кн. Трубецкому. Одно время, правда, в состоянии аффекта, М. Муравьев помышлял даже о личном покушении на цареубийство и, наконец, неотлучно сопуствовал брату Сергею со времени начавшихся для последнего осложнений.

В силу указываемых обстоятельств Матвей Муравьев-Апостол Верховым Судом причислен к государственным преступникам первого разряда, при том—третьим по степени серьезности, непосредственно вслед за князьями Трубецким и Оболенским. Он был приговорен к обезглавлению, замененному присуждением, по лишении чинов и прав дворянства, к 20 годам каторжных работ и последующему поселению в Сибири, что, впрочем, благодаря хлопотам имевших высокие связи родственников, свелось фактически к временному заключению в финляндском каземате и ссылке на поселение в Сибирь.

Скончавшийся чуть не в столетнем возрасте (1793—1886 г.), он интересен таким образом как современник, очевидец и участник ряда событий первостепенной важности: кампании 1812 г., заграничных походов 1813—14 г.г., почти десятилетия затем противоправительственного движения в России начала XIX в. и последующей революционной вспышки. Как жертва многолетней тяжкой репрессии, он заслуженно пользовался под конец жизни ореолом мученика.

Нося в жилах кровь предков разноплеменного (великорусского, украинского и сербского) происхождения и имея родителями лиц с несомненною духовною одаренностью, М. Муравьев-Апостол отображал в себе черты наследственности, повидимому, главным образом со стороны отца.

Он был типичным представителем давнишней дворянской, помещичьей России. Располагая вполне приличным для своего времени образованием, М. Муравьев после12 лет обычной для людей его круга военной службы вышел в отставку в чине подполковника в возрасте всего 30 лет. После временного пребывания в Петербурге в 1823—24 г.г. без определенных занятий. М. Муравьев на год с лишним водворился было в полтавском имении отца, владевшего там 4 тысячами душ крестьян, что обеспечивало ему возможность спокойного существования в обстановке, более соответствовашей его душевному складу, чем опостылевшая служба поры Аракчеевщины или же вызвавшая в скорости же разочарование революционная деятельность. При этом, как раньше записью в масонскую ложу или же при-

косновенностью к конспирации отдавалась в известной степени дань современным течениям, точно также и теперь идиллическая обстановка Полтавщины должна была вызвать у него благодушное настроение. Не обременяя себя какою-нибудь деятельностью на общественном поприще, он получил возможность читать и переписываться, по-светски философствовать на разные темы, мечтать об участии другого существа в радостях его жизни, выражать простодушную уверенность в возможности посильного облегчения участи закрепощенных бедных селян-пейзан одними лишь благими намерениями прекраснодушного помещика, развлекаться садоводством, дилетантским лечением и т. п. занятиями.

Настроению при подобном времяпрепровождении вполне соответствовали и черты характера М. Муравьева-Апостола, поскольку о них можно составить представление по уцелевшей части его тогдашней корреспонденции, а также по дневнику в каземате Петропавловской крепости, не говоря уж о мемуарах на склоне лет. Повсюду чувствуются у него любовь к спокойствию, осторожность, не признававшая нужным спешить и горячиться, претендовавшая зато на рассудительность, фактически же граничившая с рефлексиею. Противник активной революционности брата Сергея, к которому все же был нежно и сильно, до преданности привязан, тормоз своего рода при нем, исполнитель в действительности его поручений, М. Муравьев-Апостол был человеком без надлежащей твердости в характере и готовности к самопожертвованию ради осуществления идеала. Излишне боязливый, он своим педантизмом, излишней чопорностью, барственным высокомерием не внушал окружавшим его членам Славянского Общества расположения к себе. Революционер в сущности лишь по недоразумению, пребывавший после катастрофы в состоянии сильнейшего, вплоть до помыслов о самоубийстве, длительного упадка духа и энергии, на суде до излишества словоохотливый, полностью и чистосердечно раскаявшийся, он искренно в пору ссылки горевал, что дал увлечь себя иллюзиями расстроенного воображения. В 1873 году, т. е. давно уже по возвращении из Сибири, заявивший печатно, что „неосуществившиеся и, пожалуй, даже неосуществимые в данной эпохе надежды нисколько не оправдывают преступных замыслов“, М. Муравьев-Апостол (не в пример, напр., Горбачевскому) вполне примирился с общественною действительностью 60, 70 и 80 г.г. и чуть не испытывал старческое умиление от предоставленной ему возможности парадировать при освящении храма Христа Спасителя, хотя в одном из частных писем по поводу преобразований 60-х г.г. и выразился: „Бог услышал наши (давнишние) пламенные молитвы и осуществил наши заветные желания“.

Находившийся в центре событий Сергей Иванович Муравь-

ев-Апостол (1796—1826) в отношении своего облика выясняется, подобно брату Матвею, и по впечатлениям от знакомства с его литературным наследием и из разных сообщений о его жизни и деятельности и из отзывов о нем как современников, так и позднейших биографов.

Получивши первоначальное, незаконченное, правда, к 1808 г. образование в Париже и вышедши из офицерского класса петербургского Корпуса Путей Сообщения прапорщиком всего лишь на 16-м году жизни, С. Муравьев-Апостол участвовал в кампании 1812 г. и заграничных походах 1813—14 г.г., а в 1815 г. поступил в лейб-гвардейский Семеновский полк. Не осуществивши в силу противодействия отца намерения своего поступить в заграничный университет, он прослушал поэтому вместе с другими своими будущими политическими единомышленниками (братом Матвеем, Пестелем, Никитою Муравьевым, кн. Трубецким и др.) лишь лекции по наиболее интересовавшим его политико-экономическим вопросам у петербургского университетского профессора Германа.

Присущее преимущественно юношескому возрасту чувство недовольства собой об'ясняет при этом религиозно-мистические искания, приведшие, как и брата, к временному сближению с масонством. В реагировании на современную общественность постепенно переходя от горячего первоначально патриотизма к последующей неудовлетворенности окружающим и дальнейшей противоправительственной оппозиции, протесту, он сделался участником как первой тайной политической организации (Союза Спасения), так и позднейших ее видоизменений (Союза Благоденствия с 1817 г. и Южного Общества). Испытавший серьезный психический надлом после срыва служебной карьеры вслед за так называемою Семеновскою историею 1820 г., назначенный после этого в чине подполковника сначала в Полтавский, а потом (с 1822 г.) в Черниговский пехотный полк в должности командира второго в нем батальона, с местом жительства в г. Василькове Киевской губ., С. Муравьев-Апостол сыграл очень видную роль в современном ему революционном движении.

Вслед за распадением в 1821 г. Союза Благоденствия и образованием в 1822 г. не имевшего первоначально даже контакта с Севером Южного Общества с возглавляемою Пестелем и Юшневским Директориею, С. Муравьев-Апостол стал (вместе с Бестужевым-Рюминым) во главе Васильковской Управы, наиболее левой из трех существовавших на Юге и впоследствии наиболее также сильной. Во время с'езда представителей Директории и Управ в начале 1822 г. на киевских контрактах, при изложении Пестелем основных черт республиканской „Русской Правды", он принял в целом его программу (оспаривая, правда,

некоторые ее частности), так как, соглашаясь и раньше на республиканское правление и революционные приемы введения республики, теперь всецело был заинтересован предстоявшим переворотом, выражал готовность действовать и всячески порывался к восстанию против правительства. На контрактовом с‘езде следующего 1823 г., когда был введен и Бестужев-Рюмин и вновь обсуждался проект Пестеля, С. Муравьев выражал между прочим готовность написать для „Русской Правды“ (извлечение из которой имел при себе) статьи о финансах и народном хозяйстве, но не соглашался с предложением Пестеля относительно цареубийства, ставил на первом плане не теоретические вопросы, а подготовку к восстанию и начало революции, рвался вперед в своей усугублявшейся с течением времени революционной энергии и настаивал на необходимости начать поскорее действия. Безрезультатность замысла летом того же 1823 г. на захват царя во время ожидавшегося смотра войск в Бобруйске и огорчение от этой неудачи обусловили наконец согласие Муравьева на цареубийство, мысль о котором он перед тем в течение долгого времени (еще с 1817 г.) отвергал. Не без его влияния между прочим брат Матвей брал на себя в 1823—24 г.г. посредническую миссию в Петербурге с целью восстановления связи между Югом и замершим было в отношении революционной активности Севером, возобновил, несмотря на первоначальную неохоту, общение с Пестелем и выполнил поручение о воздействие в Киеве кн. Трубецкого на четвертый корпус. Успев вовлечь в заговор многих, притом не только офицеров, возбуждая недовольство против правительства по разным причинам, он и Бестужев-Рюмин начали на киевских контрактах 1824 г. переговоры с представителями открытого Бестужевым-Рюминым за год раньше тайного политического польского Патриотического Общества, относительно взаимной поддержки во время ожидавшейся приближением революции. В то же время он настаивал и на новом, также не осуществившемся замысле захвата и убийства Александра I в пору предполагавшегося в Белой Церкви летнего смотра войскам.

Накопление революционной энергии у С. Муравьева-Апостола стало особенно чувствоваться с поры летних лагерных сборов войск III корпуса у Лещина под Житомиром в 1825 г., когда, помимо агитационных его успехов среди солдат из числа бывших сослуживцев по Семеновскому полку, последовало соединение с Южным открытого также Бестужевым-Рюминым Общества Соединенных Славян. Случившееся в это самое время внезапное отстранение от командования полком члена заговора Повало-Швейковского чуть не повлекло было решения, отложенного, правда, до лета 1826 г., начать немедленно же восстание в Киевщине и на Волыни и покончить при помощи Артамона Му-

равьева, Якубовича и других с выехавшим в Таганрог императором.

Учет Пестелем фактической силы руководителей Васильковской Управы, действовавшей почти самостоятельно и как бы не несшей ответственности, и обусловил поэтому предложение в ноябре того же 1825 г. Муравьеву сделаться третьим членом Директории Южного Общества.

Сгущение туч на политическом горизонте со времени смерти Александра I, в связи с соответственными переживаниями, обусловило попытку С. Муравьева-Апостола популяризовать в посильно оформленном виде свои конечные, не высказывавшиеся раньше открыто даже перед собственными солдатами задачи в качестве весьма активного руководителя революционного движения. В обращенном к русскому народу, российскому воинству и служителям алтаря „Воззвании" он заявлял, что все бедствия русского народа происходили от самовластного правления, которое рушилось со смертью тирана. Воля божья в том, чтобы сбросить узы рабства, противные христианскому закону. Отныне Россия свободна, так как теперь посылаются свобода и спасение. Следует раскаяться в продолжительном раболепствии. Русское воинство без злодеяний и междоусобных распрей должно восстановить основанное на святом законе народное правление (т. е. республику). В составленном (как и „Воззвание", отчасти также в сотрудничестве с Бестужевым-Рюминым) окончательно в ночь перед выступлением из Василькова восставшего полка „Православном Катехизисе" он свои политические взгляды еще более развил. После предпосылок о сотворении богом человека для веры в него, для свободы и счастья и о тождестве почти понятий „свобода" и „счастье", им выяснялось далее, что причина несчастия русского народа и русского воинства—в похищении свободы царями, вопреки воле божьей лишь тиранящими народ. Святой закон (т. е. священное писание) повелевает раскаяться в долгом раболепствии, ополчиться против тиранства и нечестия, поклявшись служить лишь Иисусу Христу, как одному царю на небе и земле. Ничто не должно удержать от исполнения святого подвига, и все „чистые сердцем" обязаны взяться за оружие, чтобы ниспровергнуть „неправду и нечестие тиранства" и восстановить сходное с законом божьим правление, где нет царей, которые, как притеснители, прокляты богом—человеколюбцем. Избрание царей противно воле божьей, присяга царям богопротивна, и их поминают в церквах лишь вследствие их же собственного нечестивого приказания—с целью обмана народа. Христолюбивое российское воинство для освобождения страждущих семейств и родины и для исполнения христианского закона должно поэтому ополчиться против тиранства и восстановить в России веру

и свободу. На отставших призывались анафема и проклятия.

Вести о неожиданной смерти Александра I и грозивших серьезными неприятностями заговорщикам доносах вызвали, в связи с предшествовавшими планами поездки с агитационными целями в столицу, святочный выезд 1825 г. С. Муравьева-Апостола на Волынь, сопровождавшийся осложнениями, которые повлекли за собою непредвиденное и самими руководителями внезапное вооруженное восстание. Захваченный врасплох событиями, он, несмотря на лихорадочную деятельность, проявленную в привлечении при содействии непосредственных политических сподвижников на свою сторону отдельных рот солдат Черниговского полка вместе с их офицерами (иногда вопреки желанию последних), внушении им соответствующего настроения (от уговоров и подбадривания до чтения в торжественной обстановке „Катехизиса") и вообще в организационных мероприятиях, оказался бессильным использовать в своих интересах возможные кон'юнктуры. Подавление поднятого им восстания обусловило окончательную ликвидацию заговора декабристов на всей территории его былого распространения.

Выяснение петербургскою Следственною Комиссиею всего характера противоправительственного поведения С. Муравьева-Апостола дало возможность Верховному Уголовному Суду формулировать соответственным образом свои обвинения. Ему, помимо прикосновенности к политической конспирации, инкриминировались: 1) участие в управлении Южным Обществом, с принятием при этом деятельнейших мер к распространению его путем привлечения в него других, возбуждением их к осуществлению цели заговора, т. е. бунта, составлением прокламаций, участием в намерениях отторгнуть от Империи (польские) области, 2) умыслы против царя и царской семьи (захват и лишение свободы императора, цареубийство, настаивание на убийстве цесаревича, согласие на изгнание всей императорской фамилии) и 3) подстрекательство солдат с поднятием их к открытому восстанию, освобождением во время последнего колодников, подкупом священника к чтению лжекатехизиса перед войсками, личное участие в бунте и захват, наконец, в плен с оружием в руках.

Поставленный третьим вслед за Пестелем и Рылеевым в ряду признанных тягчайшими государственными преступниками, он был приговорен к смертной казни путем четвертования, которое было заменено повешением (в ночь на 13 июля 1826 года).

Знакомство с внешним формуляром С. Муравьева-Апостола позволяет таким образом составить достаточное о нем представление. Совместное со старшим братом домашнее воспитание под наблюдением главным образом матери и совместное же первоначальное обучение в Париже до 13-летнего возраста Сергея, почти одновременное пребывание братьев как в петер-

бургском Корпусе Путей Сообщения, так и в Семеновском и Полтавском полках, одновременное также их общение с масонами и участниками тайных политических организаций и т. д., все это должно было отразиться на общности, почти сходстве отправных точек зрения Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, независимо, конечно, от индивидуальности, свойств темперамента и черт поведения каждого из братьев.

Эти отличия усматриваются раньше всего уже во внешнем облике С. Муравьева, характеризуемом и дошедшими до нас его портретами и свидетельствами о нем современников.

Он был среднего роста, плечист, плотного телосложения и хорошего в общем, крепкого здоровья. Имел серьезное обычно, но могшее и разгораться лицо, с серыми, быстрыми, блестящими глазами и прямым, острым носом, с волосами на голове вьющимися, светлыми. Обладал при этом голосом не только для проявления дара выразительной речи, но и для приятного вокального выполнения, а в отношении представительной наружности, по мнению некоторых, представлял сходство с Наполеоном I.

Затем, бросаются в глаза избыток сил С. Муравьева, постоянная живость, кипучая деятельность, неутомимость, неослабная, неизбывная энергия, страстность в чувствах и действии, параллельно со значительною предприимчивостью, даром инициативы и организаторства, равно как—свежесть, непосредственность чувства; убежденность, горячее воодушевление, подымавшееся до пламенного энтузиазма, романтической экзальтации, революционного под‘ема и бунтарского дерзания. В соответственной связи с чрезвычайной активностью, чувствуется и наличие у него признаков сильной личности, человека с характером, твердою волею и самообладанием (даже перед казнью), решительного, смелого, отважного духом, настойчивого, крепкого в своих убеждениях, поразительно стойкого, с чувством собственного достоинства и не колебавшегося жертвовать собою. В надлежащей гармонии с обозначенными свойствами находилось и то, что сообщало С. Муравьеву-Апостолу особую яркость,—бесспорная даровитость его натуры и светлый ум, развитый широким образованием, постоянным расширением умственного горизонта и неустанным удовлетворением потребностей духовной пытливости. В заключительном аккорде гармоничной до изящества нравственной цельности натуры С. Муравьева-Апостола следует поставить сердечную теплоту, действенную доброту, общепризнанную гуманность, его радушие и щедрость, особенно же жалостливость к солдатам, давшую впоследствии материал для официального инкриминирования в служебных послаблениях для определенных целей, замечательный такт в обращении с другими, глубину и чистоту души, честность и благородство, идеализм и возвышенность помыслов, обаятельность, снискавшую всеобщие к

нему симпатию, уважение и даже, по временам, преданность.

Независимо от согласных между собою, почти единодушных отзывов о личности С. Муравьева-Апостола, преимущественная значимость последнего—конечно, на общественно-политическом поприще.

Беззаветно привязанный к своей стране, он обладал высоко развитым чувством гражданина, политическою сознательностью. Неудовлетворенный окружавшею печальною действительностью, рано примкнувший к противникам современного режима и сам начавший своевременно группировать около себя недовольных, он всецело был проникнут страстною ненавистью к „позору" страны, т. е. крепостничеству, и политическому рабству, являясь не просто вольнодумцем, убежденным республиканцем, а революционером, который жаждал скорейшего осуществления „народоправства", т. е. республики. Обладавший при этом даром привлекать к себе со стороны лиц разного общественного положения расположение и даже привязанность, умевший создавать желательное настроение, убеждать и воодушевлять, он пользовался авторитетом и значительною популярностью. Уверенный в собственных силах и сознававший свою влиятельность, С. Муравьев склонен был, впрочем, к самообольщению.

Деятельный агитатор, борец не без примеси романтики за идеалы лучшего будущего, воплощение, пожалуй, демократического великодушия, С. Муравьев-Апостол понимал вместе с тем значение взятой им на себя задачи.

Уступая Пестелю в широте политического кругозора, превосходя его зато активностью, умением как организовать, развить и углубить заговор, так и формулировать в посильно доступном для масс виде устремления одного из наиболее крайних современных революционных течений в России, единственно на Юге выступив открыто против царского правительсва, С. Муравьев-Апостол был поставлен в более благоприятные по внешности условия для реализации своих планов, чем, напр., арестованный преждевременно Пестель или же Рылеев, не могший (по формальным причинам) непосредственно руководить восставшими в столице войсками. Крупный в случае переворота политический деятель, фактически же неудачник, предмет как инсинуаций по поводу своего политического поведения, так и суровой за него кары, герой начавшей было твориться легенды, об'ект творчества также песенно-музыкального, поэтического и литературно-художественного, изображений далее, графических и литературных, а также научно-исторического изучения, обладатель, наконец, недостаточно, быть может, понятной рядовому обывателю психики бойца-революционера, он пал одним из пионеров в борьбе за происшедшее лишь на наших глазах радикальное обновление страны.

Л. Добровольский.

Поэт—декабрист К. Ф. Рылеев [1]).

I. Рылеев—участник заговора декабристов.

В заговоре декабристов принимали в той или иной мере участие многие лица, известные тогда в русской литературе. В их рядах мы видим критика-беллетриста А. А. Бестужева, известного позже под именем Марлинского; поэта библейских сюжетов Ф. Н. Глинку; критика-романтика О. М. Сомова; образованного, но мало удачливого поэта критика В. К. Кюхельбекера; поэта князя А. И. Одоевского; автора исторических рассказов А. О. Корниловича. Целый ряд образованных декабристов, как братья Н. и М. Бестужевы, князь Оболенский, И. И. Пущин, барон Штейнгель, князья Трубецкой и Волконский, Фонвизин и другие—оставили после себя интересные в литературном отношении мемуары. Даже сами показания их Верховному Уголовному Суду, те записки, какие подавали они Следственному Комитету и непосредственно государю, также представляют собою интересный литературный материал, ждущий еще своего исследователя.

Близки были декабристам по своим взглядам такие писатели, как А. С. Грибоедов, кн. П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. Но теснее всех связал свое имя и судьбу с делом декабристов поэт „пушкинской плеяды" и вдохновитель Северного Общества К. Ф. Рылеев. Он сыграл крупную роль, как заговорщик; не менее значительна была и его поэтическая деятельность, производившая на современников большое впечатление силой своего гражданского одушевления.

Чтобы обрисовать Рылеева как декабриста, необходимо остановиться на тех обстоятельствах, под влиянием которых складывалось его политическое миросозерцание.

По происхождению Рылеев принадлежал к дворянскому сословию; отец его был военный—полковник. На первых порах—в годы учения в кадетском корпусе—Рылеев выступает, как человек, искренно преданный существующему строю, готовый послужить „обожаемому монарху" „мужеством и храбростью на поле славы".

Заграничные походы и последующая обстановка русской жизни дают другое направление патриотизму Рылеева. Сперва

1] Доклад, прочитанный 27 (14) декабря 1925 г. в заседании Исторического Общества Нестора Летописца в Киеве, посвященном столетию восстания декабристов.

сыновняя привязанность к родине проявляется затем у него в негодовании на злоупотребления и, наконец, разворачивается совершенно в желании свободы для отчизны.

Реакция второй половины царствования Александра I-го вызывает протест в душе Рылеева, и политическая мысль его работает при этом в двух направлениях. С одной стороны, он

Кондратий Федорович Рылеев.

подвергает резкой критике существующий строй, возмущается деятельностью Аракчеева, крючкотворством и взяточничеством провинциальных чиновников, крепостным угнетением крестьянства, условиями военной службы и пр.; с другой—мысль его увлекается идеей свободы, романтическим ее воспеванием. Он интересуется политической структурой и экономической жизнью других государств и в последние годы, как сам признавался

на следствии, занимается „изучением прав и истории разных народов“.

В квартире Рылеева устраивались иногда беседы по политической экономии с проф. университета Плисовым в присутствии нескольких слушателей. Усердное чтение таких писателей, как Бентам, Биньон, Бенжамен Констан и др. сыграло большую роль в развитии политического миросозерцания Рылеева. В показаниях, представленных следственной комиссии по делу декабристов, Рылеев так об‘яснял историю своего вольнодумства. „Свободомыслием первоначально заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оное постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и др., и, наконец, со дня вступления моего в члены общества, в продолжение трех лет почти каждодневные беседы с людьми одинакового образа мыслей и продолжение чтения упомянутых авторов довершили... образ мыслей моих“. Чем же воодушевлен был Рылеев в период своей деятельности в Северном Обществе? Он, как отмечает один из биографов, „не оставил нам письменного изложения своей политической доктрины, высказывался при случае, несистематично, иногда сбивчиво, и потому исчерпывающая оценка его политического учения при наличном материале невозможна. С уверенностью можно наметить лишь самые общие положения“ [1]). Наиболее совершенной формой правления Рылеев признавал республиканскую; в этом смысле высказывался он и Батенькову, отмечая, что „в монархии не может быть ни великих характеров, ни истинных добродетелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что в Европе даже и Англия пребывает в тяжком рабстве от аристократии, что она освободится после всех, а прочие должны ждать всего от России.“ Будучи лично сторонником республики, Рылеев находил однако, что эта форма государственного устройства совершенно не подходит для современного положения России, что для нее необходима конституционная монархия. „Я всегда был того мнения, что Россия еще не созрела для республиканского правления, а потому в то время всегда защищал ограниченную монархию, хотя душевно и предпочитал ей образ правления Сев.-Ам. Соединенных Штатов, предполагая, что образ правления сей республики есть самый удобный для России по обширности ее и разноплеменности населяющих ее народов... Вообще о преобразовании правления в России, как на совещаниях, так и в частных беседах с разными членами с самого вступления моего в Общество по 14-е декабря, я говорил одно: что никакое общество не имеет права вводить насильно в своем отечестве нового об-

---

[1]) Н. Котляревский. Рылеев. Спб. 1908, с. 145.

раза правления, сколько бы оный ни казался превосходным; что это должно предоставить выбранным от народа представителям, решению коих повиноваться безпрекословно есть обязанность каждого. Сим правилом я постоянно руководствовался". В числе других преобразований Рылеев намечал уравнение воинской повинности между всеми сословиями, местное самоуправление, гласность суда, введение присяжных, свободу печати, уничтожение монополий, отмену крепостного права, свободу в выборе занятий, равенство всех граждан перед судом. [1])

Таковы были политические взгляды Рылеева. Активное участие в революционной жизни Рылеев проявил лишь с начала 1823 года, вступив в члены Северного Общества. Этому предшествовала непродолжительная деятельность его в масонской ложе Пламенеющей Звезды № 9.

Рылеев вступил в Северное Общество через Пущина; последний принял его прямо в круг „убежденных" и в этом случае не ошибся в выборе: Рылеев проявил себя энергичным членом, предавшись здесь кипучей деятельности. По словам Оболенского, „он с первого шага ринулся на открытое ему поприще и всего себя отдал той высокой идее, которую себе усвоил". С чрезвычайным рвением старался он об увеличении числа членов; так, им приняты были Н. и А. Бестужевы, Каховский, Кюхельбекер и полковник Булатов.

Рылеев склонен был принимать купцов и мещан, но другие члены не соглашались на это, находя, что „купцы—невежды". Для популяризации идей Общества Рылеев вызывался составить „Катехизис свободного человека", писал песни в народном духе, которые, по отзывам современников, пользовались большой популярностью. В 1825 году он ездил в Кронштадт с целью устроить там отделение Общества.

Чем кончилась эта энергичная деятельность заговорщика Рылеева—известно: в числе пяти он был повешен, при чем судьба и здесь была жестока к нему: он сорвался с виселицы и был вторично повешен. В день смерти Рылеев написал трогательное письмо к жене, которое в большом количестве списков разошлось по России, усердно читалось современниками, вызывая живое сочувствие к его трагической судьбе.

II. Поэтическая деятельность Рылеева.

Переходя к литературной деятельности Рылеева, необходимо отметить, что она на протяжении почти 13-лет имела разнообразный характер. Начавшись еще на школьной скамье кадетского корпуса, она не прерывалась до последних дней жизни поэта.

---

[1]) „Рус. Архив", 1890, кн. II, с. 90.

13 Іюля 1826

Богъ и Государь рѣшили участь мою: Я должень умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу: Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроптал во все время моего заключенія, и за то Духъ Святый дивно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О милый другъ, какъ спасительно быть Христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ Религіи. Я просилъ нашего Священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему помолиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами.

Письмо Рылеева к жене в день казни

В смысле литературного стиля и техники она, особенно в начале, носила подражательный характер и только в последние годы, когда достаточно окреп поэтический талант Рылеева, стихотворения его производили впечатление вполне самостоятельных и вызывали полное одобрение со стороны таких тонких ценителей поэзии, как Пушкин.

Раннее творчество Рылеева, представляя собою патриотические оды и песни, а также произведения интимной лирики в форме любовных стихотворений и дружеских посланий автобиографического характера,—находилось под воздействием отчасти стиля русских неоклассиков; отчасти влияли здесь и меланхолические поэмы Оссиана-Макферсона, а особенно заметно сказывался тот род поэзии, который французские критики конца XVIII-го века называли „poésie legère“, „poésie fugitive“ и который известен был у нас под именем „легкой поэзии“.

Писатели в духе Анакреона и Парни увлекают в это время Рылеева: подражая им, он пытается настроить в один тон и свой еще „нестройной лиры глас“. Вслед за образцами он воспевает молодость, дружбу, любовь и веселье, проповедывая вместе с тем беззаботный, эпикурейский образ жизни. Увлечение Рылеева мотивами любовной лирики относится преимущественно к годам его жизни в Острогожском уезде Воронежской губернии (1816—20 г.). С переездом в Петербург он, хотя и продолжал писать произведения в этом роде и некоторые из них печатал в журналах, но уделял им уже меньше внимания. В это время другие интересы заслоняют собою любовные сюжеты: лирика интимного чувства начинает постепенно вытесняться лирикой гражданского характера. Сильное влияние оказывает при этом на него приподнятое настроение общества и либеральное оживление в литературе. Степень этого влияния еще более увеличивалась от того, что круг близких знакомых поэта составляли лица, увлеченные освободительным движением. Общее возбуждение захватывает Рылеева, „легкая поэзия“ теперь уже не интересует его, и мысль поэта сосредотачивается на более сложных вопросах.

Любовь никак не идет на ум:
Увы! моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

С негодованием отвергает Рылеев предложение одного знакомого поселиться навсегда в деревне и предаться спокойной жизни среди украинских степей:

Чтобы я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!

Нет! нет! тому во век
Со мною не случиться.

Все более или менее значительные стихотворения этой поры носят на себе печать гражданственности и свидетельствуют о высоком патриотическом одушевлении автора.

Первое исполненное гражданского пыла стихотворение, с которым выступил Рылеев в печати, была сатира „К Временщику“ („Невский Зритель“ 1820 г., октябрь). До дерзости смелая и резкая, эта сатира обратила всеобщее внимание на молодого поэта, будучи направлена против могущественного в то время Аракчеева. „Нельзя представить, вспоминает по этому поводу современник, изумления, ужаса, даже можно сказать, оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном“ (Н. Бестужев. Воспоминания о Рылееве[1]).

Так с переездом в Петербург творчество Рылеева принимает иной характер и обращается главным образом к гражданским сюжетам. „Любовь к стране своей родной“ и „общественное благо“ становятся теперь основными мотивами его лирики. После ряда исканий, выразившихся во многих произведениях с пестрым и разнообразным содержанием, Рылеев, наконец, нашел настоящую дорогу для своего таланта и в форме гражданской лирики начал выражать волновавшие его чувства.

В 1821 году Рылеев вполне осознал себя поэтом-гражданином и в послании „К А. А. Бестужеву“ определенно указывал, что гражданское воодушевление является залогом его поэтического успеха.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу!
Мой друг, не даром в юноше горит
Любовь к общественному благу!
В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
На зло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит!

Гражданская муза Рылеева обращается при этом к соответствующим явлениям современной жизни и, бросив вызов Аракчееву, не оставляет без внимания злоупотреблений и других, более мелких представителей русской администрации. Рылеев с живым сочувствием говорит и о борющейся за свою свободу Греции и в оде „Александру I-му“ и в послании „А. П. Ермолову“ приглашает помочь угнетенному народу.

Не удовлетворяясь сюжетами современности, Рылеев обра-

---

[1]) См. их в „Собрании сочинений К. Ф. Рылеева“, изд. „Библиотеки Декабристов“, под ред. Балицкого. т. I, 22–23 стр.

щается к прошлому русского народа и в рамки исторических событий вводит гражданские мотивы. Впервые этот исторический элемент мы видим в его „Думах“, которые, представляя собою небольшие стихотворения на исторические темы, явились вместе с тем новой формой литературного творчества, неизвестной до тех пор в русской поэзии.

Мысль разрабатывать исторические сюжеты в форме „думы“ подсказана была Рылееву „Историческими песнями“ польского патриота Ю. У. Немцевича. По примеру последнего Рылеев обращается к героям русской старины и, выставляя их, как образцы гражданской доблести, стремится пробудить в сердцах подрастающего поколения любовь к родине.

Думы издавались первоначально в журналах и альманахах, а затем, в 1825 году, напечатаны были отдельным сборником. Появление их не прошло бесследно и вызвало заметное оживление в литературной критике; о них высказывались разнообразные мнения. Пушкин, напр., считал думы в художественном отношении слабыми произведениями и среди них выделял только думу „Иван Сусанин“ и последние строфы „Петра Великого в Острогожске“. Но отрицая поэтические достоинства, Пушкин ценил их гражданское направление. Когда Пущин навестил своего друга в Михайловском, последний просил его, „обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические думы“. Другие критики ценили в этих произведениях идейное направление: Греч видел в них „умные, благородные и живые думы“; Булгарин отмечал, что „народность, благородные чувствования, заключающиеся в думах Рылеева, его простой и естественный рассказ заслужили общее одобрение и доставили уважение автору“. „С живым удовольствием читаю я думы“, писал князь П. А. Вяземский в 1823 году Рылееву и Бестужеву: „они носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших“. И Плетнев приветствовал попытку Рылеева воскрешать прошлые страницы русской истории: „чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования, картины природы—вот что удовлетворяет в них любознательному вкусу“. Граждански настроенный Н. Бестужев видел в думах „жаркое желание внушить в других любовь к своей земле, ко всему народу; привязать внимание к деяниям старины; показать, что и Россия богата примерами для подражания, что сии примеры могут равнять ее с великими образцами древности“.

Много внимания уделено было критиками самой форме дум, которая для русской литературы являлась новым и неизвестным еще родом поэтического творчества. Мы не перечисляем здесь всех появлявшихся тогда отзывов о думах Рылеева. Следует однако отметить, что в них все обращало на себя внима-

ние читателей: и оригинальная их форма, и патриотическое воодушевление автора, стремившегося воздействовать на гражданские чувства современников.

На широкую популярность дум указывает и то, что многие из них несколько раз появлялись в печати, переписывались в рукописные сборники на ряду с другими, художественными произведениями русских поэтов. Вышедшее в 1825 году в Москве издание дум быстро разошлось и лет через пять сделалось библиографической редкостью, так что любители платили за него больше 100 руб. ассигнациями. Были попытки подражать думам Рылеева („Георгий" дума Щидловского, „Песнь барда" П. Языкова, „Баян на Куликовом поле" Вл. Розальон-Сошальского, „Украинские мелодии" Маркевича).

Вскоре думы Рылеева сделались известны и за пределами русской литературы. Краткие сведения о них появились в 1825 году во французском журнале „Revue Encyclopédique" (t. XXVI, p. 455); в конце 20-х годов они изданы были в польском переводе („Dumy Historyczne Rossyjskie K. Rylleiewa. Przekład polski". Wilno 1829); второй польский перевод появился значительно позже под заглавием: „Rylejewa Dumy (Śpiewy Historyczne), przełożył, opatrzył przypisami i życiorysem autora Ludomir Siewiński. Kraków. 1885". Некоторые думы Рылеева известны в переводах на чешском, французском и английском языках. В России со смертью Рылеева издание его дум прекратилось; они стали появляться в печати лишь с 70-х годов. Русским изданиям предшествовали заграничные, среди которых обращает на себя внимание издание Герцена, снабженное предисловием Огарева (Лондон, 1860 г.).

Приводя в думах образцы гражданской доблести, Рылеев оставался лояльным в отношении к государственному строю России; но чем дальше шло время, и чем больше революционный пыл овладевал его настроением, эти примеры добродетельных граждан не удовлетворяли уже его. С 1823 года поэтическая мысль Рылеева сосредотачивается на изображении героев протестующих и поднимающих знамя борьбы против угнетателей родины. Подходящие для этого сюжеты он находит в прошлом Украины. С этого времени он обращается и к другой форме творчества — к поэме. В полном и законченном виде он успел написать всего лишь поэму „Войнаровский"; кроме нее сохранилось несколько отрывков из поэм „Наливайко", „Богдан Хмельницкий" и „Мазепа".

Переход к новой форме творчества знаменовал собою значительное развитие поэтического таланта Рылеева. В поэмах он совершенно освободился от дидактизма, который роднил его думы с неоклассическими произведениями. Художественная концепция поэм сравнительно с думами отличается значительной

сложностью. В думах Рылеев берет один какой-либо момент из жизни героев и обрисовывает его часто даже не художественными чертами; в силу этого во многих думах не герои говорят за себя, но автору приходится отмечать их качества—хвалить добродетель и осуждать порок. В поэмах Рылеев не вмешивается в оценку личности героев; он сосредотачивается здесь на обрисовке тех сложных переживаний, какие приходится испытывать его героям. Отсюда в них больше драматизма: душевное состояние Мазепы после Полтавского поражения, чувства Наливайки при виде угнетенной Украины, тревожный сон Жолкевского накануне сражения с казаками—описаны верными штрихами и обнаруживают в авторе тонкого психолога.

Рост поэтического таланта Рылеева в последний период его творчества, при обращении к украинским сюжетам в поэмах, не ускользнул от внимания современников. „Должно заметить“, писал один из них в 1825 году: „что слог господина Рылеева с некоторого времени принял необыкновенную гладкость, которая в соединении с отличительными качествами слога его, т. е. простотой рассказа, пламенными порывами чувств и быстротою действия, образуют стихосложение чрезвычайно приятное, для слуха оригинальное и ему одному свойственное“. Н. Бестужев отмечал в поэмах Рылеева „печать более зрелого таланта“. Пушкин, резко отзывавшийся о думах, отнесся к „Войнаровскому“ с большим уважением. „Войнаровский“ Рылеева,—писал он Бестужеву,—несравненно выше всех его дум: слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет“.

Более талантливо претворяются в поэмах Рылеева и те литературные влияния, которые в думах носят еще следы не вполне удачного подражания. Из этих влияний надо отметить воздействие народной украинской поэзии, поэм Байрона и его русских подражателей. Байрон вдохновлял Рылеева и своей личностью и своим титаническим протестом против зла, царящего в мире, и самой формой лиро-эпических поэм, в которых, как отмечал Рылеев, „живописуются страсти людей, их сокровенные побуждения, вечная борьба страстей с тайным стремлением к чему-то высокому, к чему-то безконечному“.

Поэмы Рылеева также, как и думы, вызвали оживленные и в большинстве восторженные отзывы современников. Очень заинтересовала и разработка в них украинских сюжетов. На Украине поэмы Рылеева читались с большим интересом и возбуждали патриотическое настроение. Показателем этого является письмо Н. А. Маркевича, который от лица своих соотечественников благодарил Рылеева в 1825 г. за прославление национальных героев Украины. „Позвольте мне Вам писать“, обращался Маркевич к Рылееву: „как истинный гражданин своего любезного отечества, как добрый малороссиянин. Итак, могу ли я хлад-

нокровно читать „Войнаровского“ и „Наливайку“?. Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность, будьте уверены, что мы от души чувствуем цену трудов Ваших, которые Вас и наших предков прославляют. Мы не потеряли еще из виду деяний великих мужей малороссиян, во многих сердцах не уменшилась прежняя сила чувств и преданность к отчизне. Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка. Примите нашу общую благодарность: Вы много сделали, очень много. Вы возвышаете целый народ,—горе тому, кто идет на усмирение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы, и они ему платят презрением. Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой, и кому народы целые должны воздавать благодарность. „Исповедь Наливайки“ врезана в сердцах наших и моем также“[1]).

Поэма „Войнаровский“ была переведена на польский, чешский, немецкий и итальянский языки. Отрывки поэмы были переведены и на французский язык.

III. Личность Рылеева.

Рассмотрев кратко революционную и литературную деятельность Рылеева, скажем несколько слов о нем, как о человеке вообще. Присмотримся поближе к его психологии, принимая во внимание все, что он писал и что говорили о нем современники. Сразу же бросается в глаза, что в этом случае мы имеем далеко не заурядную личность, которая помимо поэтического таланта и роли в заговоре декабристов, поражает необычным складом своей психики.

Прямота, честность, благородство, склонность и стремление к добру и общественному благу, готовность жертвовать собой во имя воодушевлявшей его идеи, фанатическая преданность вообще идеям гражданственности и общий возвышенный строй мыслей,—вот отличительные черты этой натуры. Еще с юных лет они стали заметно обнаруживаться в его характере. Выходя со школьной скамьи в жизнь, Рылеев задумывался над нею, представлял ее себе далеко не в радужных красках, а как трудный подвиг, требующий большого душевного напряжения, не исключающий и жертвы. Как видно из его письма к отцу, писанного перед окончанием корпуса, Рылеев готов был следовать не указаниям холодного рассудка, а велениям сердца, диктовавшего ему: „иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и, если оные тебя постигнут, переноси их с истинной твердостию и ты будешь героем, получишь мученический венец“. Эти, может быть, несколько риторические слова оканчивающего учение

---

[1]) „Русская Старина“ 1888 г., декабрь, стр. 599.

кадета вместе с тем выражали основное настроение его психики, что и подтвердила дальнейшая его жизнь и судьба. Во всех других отношениях Рылеев ничем резко не отличался от своих современников; но гражданственность его натуры возвышала его над окружающей средой. В силу этого свойства он пред‘являл повышенные требования к своим соотечественникам и в минуты разочарования и гражданской тоски с горечью восклицал—

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные,
Иль бессмысленных детей. („Стансы“).

Одно из последних его стихотворений „Гражданин“, направленное, как отмечает Н. Бестужев, против „юношества высшего сословия русского“ ярко обрисовывает перед нами мощную натуру автора, отчетливо сознающего свои гражданские обязанности в ответственное для родины время.

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в об‘ятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в об‘ятьях праздной неги,
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

Роковое время наступало. 14-го декабря Рылеев выступил на Сенатской площади. В последние дни настроение его далеко не было оптимистическим. Неудача и гибель учитывались им, но это не останавливало его. „Исповедь Наливайки“, писанная накануне восстания декабристов, представляет собою характерное в этом отношении произведение, рисующее психологию человека, обрекшего себя на смерть за дело родины.

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;

Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю.

С ореолом мученичества запечатлелся образ Рылеева в памяти его современников; таким же перешел он и в сознание потомства. После декабрьской катастрофы имя его сделалось на много лет запретным, но память о нем жила в сознании граждански настроенных русских людей.

Когда спустя четверть века наступила у нас „эпоха великих реформ“, либерально настроенное русское общество не забыло Рылеева, и Огарев, чтя его память, заявлял—

Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый вольный русский день
В виду младого поколенья
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Желания Огарева осуществились, и в настоящее время, в условиях новой русской жизни, личность Рылеева и других декабристов пользуется полным признанием и уважением, что подтверждается чествованием юбилея декабристов, изданием „Дела“ Рылеева и переименованием места родины поэта из „Рождествено“ в „Рылеево“[1]).

1925 г. $^{12}/_{25}$ декабря. **Вас. Маслов.**
г. Прилуки.

---

[1]) О жизни и сочинениях Рылеева подробнее см. в нашей работе: „Литературная деятельность К. Ѳ. Рылеева“. К. 1912 и „Лит. деят. К. Ѳ Рылеева. Дополнения и поправки“ К. 1916. Оттиски из Киевских „Университетских Известий“ за 1911-1912 и 1916 г г.

Декабристы в Сибири.

Приговор Верховного Уголовного Суда был об‘явлен декабристам 12 (24) июля 1826 года.

Согласно приговору, в том окончательном виде, как его утвердил Николай I, пять человек (П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский) были повешены; двадцать семь—приговорены к бессрочным каторжным работам; двадцать два—на каторгу по

20 лет; один—на 15 лет; шестнадцать—по 12 лет; три—по 10 лет; остальные, сорок семь декабристов—на каторгу сроком менее 10 лет, в ссылку на поселение и к отдаче в солдаты. Всего по этому приговору было осуждено 131 чел. Помимо того несколько участников восстания Черниговского полка и члены „Общества военных друзей“ за возмущение Литовского пионерного батальона, по приговору военных судов в Могилеве

на Днепре и Белостоке, были приговорены к разным тяжелым наказаниям, в том числе и к каторжным работам.

Большая часть осужденных отбывала свое наказание в Сибири, связав надолго, а многие и навсегда, свою жизнь и деятельность с этим краем. Некоторые были заключены в крепостях (среди них—Г. С. Батеньков, приговоренный к 15-ти годам каторжных работ, двадцать лет пробыл в крепости, в одиночном заключении). Ряд осужденных, разжалованных в солдаты, был направлен на Кавказ, где шла упорная борьба с горцами, и где многие из декабристов погибли. Позднее на Кавказ были переведены и некоторые декабристы, первоначально сосланные в Сибирь.

Предметом настоящей статьи является краткое повествование о пребывании декабристов в Сибири [1]).

Власти очень спешили с отправкой декабристов в каторгу и ссылку. Уже 21 июля, через неделю после об'явления приговора, была отправлена в Сибирь первая партия в составе Артамона Муравьева, Давыдова, Оболенского и Якубовича. Через несколько дней за ними последовали С. Трубецкой, С. Волконский и вожди „Соединенных Славян“ братья Борисовы.

По приказу Николая, осужденные ехали в кандалах, каждый в сопровождении особого жандарма. При партии состоял фельд-егерь.

Впрочем некоторые, как например, участники восстания Черниговского полка: барон Соловьев, Сухинов, Мозалевский и Быстрицкий, совершили пешком весь длинный путь в Восточную Сибирь. Первые партии осужденных на каторгу, после быстрой езды, очень утомившей декабристов, в конце августа прибыли в Иркутск. За ними, в разные сроки последовали и остальные осужденные. Декабристы, прибывшие с первыми партиями, первоначально были размещены на заводах Иркутска и его окрестностей. Так, Артамон Муравьев, Давыдов, Трубецкой, Волконский и бр. Борисовы—на Александровском и Николаевском винокуренных заводах, Оболенский и Якубович—на солеваренном, в Усольи.

Администрация заводов, особенно горный начальник Крюков, и заводские рабочие участливо относились к арестантам, надзор был слаб, работы—необременительны. Однако, уже 2 октября 1826 г. иркутский губернатор Цейдлер получил приказ перевести осужденных в Нерчинск. Приказ был исполнен неза-

---

[1]] Прекрасный материал об этом дают многочисленные письма и воспоминания декабристов, изданные в значительном количестве. Литература о декабристах в Сибири очень велика. Обзор ее составили М. Азадовский и М, Слободской в сборнике „Сибирь и декабристы“, Иркутск, 1925 г. Обобщающий характер имеют работы А. И. Дмитриева-Мамонова—„Декабристы в Западной Сибири“, Спб. 1905 и Б. Г. Кубалова „Декабристы в Восточной Сибири“, Иркутск, 1925 г.

медлительно, и 8 октября Трубецкой, Волконский и другие были отправлены на Нерчинские заводы. Вслед за ними препровождались и следующие партии „государственных преступников“, по мере прибытия их в Иркутск. Сюда же прибыли М. Волконская, Е. Трубецкая, А. Муравьева, первые из жен декабристов, добившиеся разрешения следовать за своими мужьями.

Благодатский рудник, где работали декабристы, по рассказу М. Н. Волконской, „состоял из одной улицы, и был окружен горами, более или менее изрытыми раскопками; эти раскопки производились для добывания свинца, содержащего серебряную руду. Тюрьма стояла у подошвы высокой горы; то была покинутая казарма, тесная, грязная, отвратительная. Она состояла из двух комнат, разделенных большими холодными сенями. Одна из них была занята уже разбежавшими каторжниками, которые после поимки содержались в кандалах, другая—предназначалась для государственных преступников (декабристов)... Вдоль стен комнаты помещалось нечто в роде досчатых конур или коморок, отведенных арестованным... Эти отделения были маленькими тюрьмами в стенах тюрьмы“.

Декабристы, закованные в кандалы, работали в подземных шахтах от 5 до 11 час. утра. Норма выработки руды была по три пуда на каждого. Все они находились под непрерывным наблюдением, и власти зорко следили не только за их поведением, но и за настроением. „Вели себя добропорядочно“, отмечал один из „Списков о поведении“. Братья Борисовы, по словам „Списка“ „всегда печальны, тихи, молчаливы и с большим терпением переносят свое состояние“, Давыдов—„хотя и бывает весел, но очень редко“, „Сергей Трубецкой и Сергей Волконский с приездом жен сделались приметно веселы“ и т. д.

Пребывание декабристов в Благодатском руднике продолжалось около одиннадцати месяцев, до 13 сентября 1827 г. К этому времени генерал С. Р. Лепарский, которому был поручен надзор за декабристами, согласно указаниям из Петербурга, решил об‘единить их в одном месте. Для этого декабристов направили в с. Читу, в Забайкалье, где и разместили в остроге. Острог был обнесен высоким пятиаршинным частоколом из заостренных бревен; оттуда декабристов выводили только на работы или, летом, купаться в речке. На время купанья с них снимали кандалы.

В остроге находилось более 80-ти декабристов. Многие из них оставили описание своего пребывания здесь.

„Помещение наше было чрезвычайно тесно, рассказывает Н. В. Басаргин... На нарах каждому из нас приходилось по три четверти аршина для постели, так что, перевертываясь ночью на другой бок, надобно было непременно толкнуть одного из своих соседей, особенно имея на ногах цепи, которых на ночь не

снимали... Теснота эта еще была ощутительнее днем. Пространства для движения было так мало, что всем нам не было никакой возможности сходить с нар; притом шум от желез был так силен, что надобно было очень громко говорить, чтобы слышать друг друга... Правительство назначило нам на содержание шесть коп. меди в сутки и в месяц два пуда муки, по общему положению всех ссыльно-рабочих. Разумеется, этого не могло доставать не только на все содержание, но даже и на одну пищу. Но как некоторые из нас привезли с собою деньги, отданные ими коменданту, к тому же дамы (жены декабристов) с своей стороны радушно уделяли часть своих денег, то из всего этого составилась сумма, которая и расходовалась на общие наши потребности".

Декабристам назначены были здесь работы. Однако, они были необременительны—по пяти часов в день. К тому же работать не принуждали. „Свезя несколько тачек земли, мы обыкновенно садились беседовать друг с другом, или читали взятую с собой книгу", вспоминал Басаргин. Позднее декабристов посылали молоть хлеб на ручной мельнице. „Но и там, пишет тот же декабрист, мы почти ничего не делали, толковали, читали, играли в шахматы, и только для виду подходили минут на десять к жерновам и намалывали фунта по три муки, которая ровно ни куда не годилась".

„Все это вместе было каким-то представлением, имеющим целью показать, что государственные преступники употребляются нещадно в каторжную работу", замечал другой декабрист—Якушкин.

В свободное время, а его было не мало, декабристы усердно читали книги и новые журналы, в обилии присылаемые родственниками, изучали, при содействии друг друга, новые и древние языки, занимались математикой, естествознанием, изящной литературой. Два раза в неделю собирались на общие беседы, где читали доклады по истории, географии, философии, политической экономии, или свои собственные литературные произведения. Стихи А. Одоевского нередко пелись хором под звуки музыки декабристов—музыкантов. Здесь же было оглашено и послание в Сибирь А. С. Пушкина.

Некоторые занимались живописью, и Николай Бестужев, учившийся в Академии Художеств, руководил этими занятиями. Лично он зарисовал почти всех своих товарищей по ссылке, и ему, в значительной мере, обязано потомство сохранением внешних обликов многих декабристов.

Наряду с науками и искусствами, процветали ремесла, которые развивались в зависимости от потребностей. Первыми среди декабристов появились портные, затем столяры, слесаря,

переплетчики. Позднее, когда ссыльным разрешили иметь часы, Н. Бестужев сделался и часовщиком.

Во время пребывания в Чите, с декабристов были сняты кандалы, согласно разрешению Николая. При этом, несколько членов „Общества Соединенных Славян“ заявили, что они просят не снимать с них цепей. Начальство сделало вид, что не слышит их заявления, и цепи были сняты со всех.

Пребывание декабристов в Чите было омрачено известием о трагической гибели И. И. Сухинова. Деятельный участник восстания Черниговского полка Сухинов, сосланный в вечную каторгу в Зерентуйские рудники, организовал заговор ссыльно-каторжан, при содействии которых решил освободить своих сотоварищей, заключенных в Чите. Заговор, вследствие предательства одного из ссыльных, был открыт, и Сухинов вместе с пятью другими был приговорен к расстрелу. Попытка Сухинова отравиться не имела успеха, и тогда, накануне казни, 1-го декабря 1828 г., он повесился.

Декабристы пробыли в Чите до лета 1830 г., когда они узнали о предстоящем переводе их в Петровский завод, к югу от Читы, где заканчивалась постройка новой каторжной тюрьмы. Это известие сильно взволновало декабристов. „Хотя читинская тюрьма, писал Басаргин, и не совсем была удобна для нас, особенно зимою, когда наступали жестокие холода, и когда надобно было сидеть целый день в не совсем теплой комнате, с маленькими замерзшими окнами, через которые едва проходил свет, и в которой в три часа по полудни было уже так темно, что надобно было зажигать свечи, хотя шум от хождения и разговора живших в одной комнате 20 человек мало давал покоя и не позволял заниматься ничем серьезным, но мы так привыкли к этой жизни, что с сожалением помышляли о предстоящей перемене“. К тому же, как замечает Д. Завалишин, декабристы знали, что Петровский завод—место неприглядное, что казармы выстроены наспех и при том в болотистой местности и, наконец, что в комнатах, предназначенных для декабристов, нет окон.

Переход в Петровский завод декабристы должны были совершить пешком, делая по 20—30 верст в день и пользуясь в три дня одним днем отдыха. Для более слабых, а также для вещей имелись повозки.

„Поход наш в Петровский завод, рассказывает Басаргин, продолжавшийся слишком месяц в самую прекрасную осеннюю погоду, был для нас скорее приятною прогулкою, нежели утомительным путешествием. Я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Мы сами помирали со смеху, глядя на костюмы наши и наше комическое шествие. Оно открывалось почти всегда Завалишиным в круглой шляпе с величайшими полями, и в каком-то платье черного цвета своего собственного изобре-

тения, похожем на квакерский кафтан. Будучи маленького роста, он держал в одной руке палку выше себя, а в другой книгу, которую читал. За ним Якушкин в курточке à l'enfant (как дитя); Волконский в женской кацавейке; некоторые в долгополых пономарских сюртуках, другие в испанских мантиях, иные в блузах; одним словом, такое разнообразие комического, что если бы мы встретили какого-нибудь европейца, выехавшего только из столицы, то он непременно подумал бы, что тут есть большое заведение для сумашедших, и их вывели гулять. Выходя с места очень рано, часа в три утра, мы к восьми или к девяти часам оканчивали переход наш и располагались на отдых. Останавливались не в деревнях, которых по Бурятской степи очень мало, а в поле, где заранее приготовлялись юрты. Место выбиралось около речки или источника на лугу и всегда почти с живописными окрестностями и местоположением".... Вообще поход оставил у декабристов приятное воспоминание.

Заканчивая его, на последней остановке, декабристы из газет узнали об июльской революции во Франции и встретили это известие радостными восклицаниями и пением марсельезы. „Веселые, с надеждою на лучшую будущность Европы, входили мы в Петровское", писал Басаргин.

Петровский завод с 3.000 жителей, с казенными заводскими строениями, с плавильною, большим прудом и плотиною, деревянною церковью и двумя или тремя стами изб показался декабристам, по сравнению с малолюдной Читой, огромным поселением. Здание тюрьмы было построено покоем: открытые стороны здания были загорожены высоким частоколом, и огромный двор был в свою очередь разделен частоколом на три части. В средней из них было здание, в котором помещались поварня, всякие службы и большая комната для богослужений и для общих занятий. Вдоль всех казематов тянулся коридор с окнами во двор. Он делился перегородками на отделения. В каждое отделение коридора выходили пять—шесть номеров. Казематы были без наружных окон, и каждый из них слабо освещался небольшим окном над дверью в коридор. Позднее, по настоянию декабристов, поддержанному Лепарским, в камерах были проделаны окна.

„Совершенно темные номера, железные запоры, четырехсаженный тын, не допускающий ничего видеть, кроме неба, должны были ужаснуть каждого; но,—таково следствие привычки,—мы были равнодушны ко всему, писал в своем дневнике 23 сентября 1830 г. декабрист В. И. Штейнгель. Я вспомнил Зайцовского ямщика, который в 1819 г., под'езжая к Бронницам,—на вопрос мой: „Начинают ли военно - поселенцы привыкать к новой своей жизни?"—отвечал: „Да, батюшко, барин: велят, так и в аде привыкнем."—Как сильно и как справедливо! Я тогда не воображал, что опытом узнаю истину сей русской остроты"...

„Новые жилье мое было очень темно, но я вступил в него с радостным чувством: тут я имел возможность быть наедине с самим собою, чего не случалось в течение последних трех лет“, вспоминал впоследствии Якушкин.

Таковы были первые впечатления декабристов на новом месте, где им пришлось прожить ряд лет, до выхода на поселение.

По прибытии в Петровский завод декабристам дали несколько дней для отдыха и устройства на новом месте. Женатым разрешили эти дни пробыть у своих жен, которые заблаговременно построили или купили здесь дома, или, как только что прибывшие из-за Урала Розен и Юшневская, наняли для себя помещения.

Затем наступили долгие и однообразные дни тюремной жизни. „Днем мы могли свободно ходить из своего отделения во всякое другое, рассказывает Якушин; но вечером, в 10 часов запирались на замок все номера и коридор по отделениям; потом замыкались и ворота на каждый отдельный двор и окончательно ворота полуказармы... Работать мы ходили на мельницу таким же порядком, как в Чите, и мука нашего изделия была только пригодна на корм заводских быков“. На обширном дворе казармы разбили дорожки, завели козуль, зайцев, журавлей и турманов. Зимой устраивали катанье с гор. Летом, на отдельных дворах декабристы разводили цветы, дыни и огурцы, настойчиво производя опыты с различными овощами и злаками в условиях сибирского климата.

Большинство декабристов было достаточно обезпечены материально. Однако, некоторые постоянно нуждались в деньгах, и поддержка товарищей тяготила их. Недовольные решили обратиться к правительству с просьбой о пособии. Это взволновало остальных. Они убедили недовольных отказаться от своего намерения и решили создать общую артель, которая, по словам одного из ее участников, „так хорошо была придумана, что никто из нас за все это время не нуждался ни в чем и не был ни от кого зависим“.

Александр Поджио, Вадковский и Пущин составили обстоятельный, в 108-ми параграфах, устав артели, едва ли не первой тюремной артели в России. „Цель учреждения артели“ была так определена в первом параграфе устава: „Опыт нескольких лет удостоверил нас в необходимости иметь всегда налицо определенную сумму денег, которая могла бы служить, как для обеспечения общественных издержек, так и для удовлетворения потребностей каждого лица. Положительное назначение суммы на наступающий год, во-первых, доставляет хозяину возможность располагать ею с большею выгодою для артели и сделать годовые и срочные закупки; во-вторых, может некото-

рым образом отвратить затруднительное положение, в каком вся артель и каждый участник иногда находились от замедлительной присылки денег". Для достижения этой цели, из взносов, содержания от казны и выручки от продажи экономической муки составлялась общественная сумма. Она делилась на хозяйственную (продовольствие всех участников артели), частную (удовлетворение частных потребностей отдельных лиц) и экономическую (частью заимообразно на хозяйственные обороты артели, частью для выдачи уезжавшим из тюрьмы). Один из параграфов гласил, что „всякая подписная сумма, поступившая в наличность, ставится безвозвратно-общественною собственностью". Всеми суммами управляли две комиссии—хозяйственная и временная, избираемые закрытым голосованием на год. Временная из пяти членов утверждала смету на год и следила за правильностью расходования сумм. Хозяйственная состояла из хозяина, закупщика и казначея и ведала текущей деятельностью артели. В связи с хозяйственной комиссией работал и выборный огородник. Круг деятельности каждой должности был строго определен, а взаимоотношения членов хозяйственной комиссии определялись следующим, 22-м, параграфом, в котором можно видеть отдаленный отзвук увлечений конституционными проектами: „В хозяйственной комиссии хозяин есть блюститель общественных выгод, закупщик—частных, а казначей—посредник между ими обоими".

В записках декабристов сохранилось немало отзывов об артели, как о „благодетельном учреждении", которое обеспечивало каждого и „нравственно уравнивало тех, которые имели средства, с теми, которые вовсе не имели их".

На ряду с большой артелью, существовала и так называемая маленькая артель, учрежденная с целью дать от‘езжающим на поселение некоторое пособие, необходимое на первое обзаведение. Суммы маленькой артели составлялись из добровольных вкладов и пожертвований. Пособие от‘езжающему на поселение обычно выдавалось в размере 600—800 рублей ассигнациями.

Декабристам удалось наладить и врачебную помощь. Это было возможно вследствие того, что в их среде находился медик Ф. Б. Вольф, питомец Медико-Хирургической Академии, состоявший ко времени восстания штаб-лекарем при главной квартире 2-й армии в Тульчине. За участие в Южном Обществе Вольф был приговорен к каторжным работам и своим пребыванием среди декабристов немало облегчал их положение. Вольфу с успехом помогал Артамон Муравьев. На Петровском заводе жены декабристов снабжали Вольфа необходимыми средствами и выписывали для него медицинские книги и журналы. Искусству Вольфа и заботливости товарищей декабристы были обя-

заны тем, что за годы своего пребывания на каторге они лишились только А. С. Пестова и жены декабриста—А. Г. Муравьевой.

На заводе продолжались и развивались занятия декабристов самообразованием. Число книг непрерывно увеличивалось, выписывалось более двадцати русских и иностранных журналов и газет. „Вообще в Петровском всякий имел много средств при своих занятиях каким бы то ни было предметом", пишет Якушкин...

Со времени отправления в Сибирь, жизнь декабристов, по воле Николая I, проходила в рамках инструкций и правил, специально составленных для них и нередко более стеснительных, чем правила для иных ссыльно-каторжных.

Целью этих правил было с одной стороны стремление, чтобы заговорщики действительно почувствовали наложенное на них наказание, а с другой—не только устранить вредное влияние декабристов на общество, но и заставить всех позабыть об этих „государственных преступниках".

Отсюда предписания местным властям считать осужденных настоящими каторжниками, заковывать их в кандалы, запрещать им иметь денег более установленной очень незначительной суммы, отсюда запрещение им вести переписку даже с родными, запрет делать с них портреты и зарисовки, „дабы они не обращали на себя неуместного внимания" и целый ряд других, часто мелочных, распоряжений, касающихся быта декабристов в далекой ссылке.

Однако, выполнить свои повеления даже Николаю I не удалось в полной мере. Слишком яркий след оставило в памяти выступление декабристов, слишком близки были к правительственным верхам родственники многих „государственных преступников", чтобы можно было забыть о них или до конца, без малейших послаблений, выполнить суровые требования „инструкций" и „правил".

В этом отношении особенно много сделали жены декабристов, с редкой настойчивостью и самоотвержением добивавшиеся от Николая разрешения ехать за своими мужьями в далекую и неведомую Сибирь. Ни угрозы, ни запугивания властей, какие сопровождали их от царского дворца до самых „каторжных нор", ни просьбы и убеждения родных не могли остановить их в этом стремлении.

Гордая и боевая М. Н. Волконская, умная и кроткая Е. И. Трубецкая, самоотверженная, мистически настроенная Н. Д. Фонвизина, Е. П. Нарышкина, А. И. Давыдова, А. В. Розен, М. К. Юшневская, А. В. Ентальцева, А. Г. Муравьева—вот имена этих жен декабристов, различных по своему характеру и настроениям, но об'единившихся в едином порыве следовать за

своими мужьями. Порыв этот тем более знаменателен, что до самого выступления декабристов и до суда над ними жены ничего не знали о замыслах и мечтаниях своих мужей.

К этим именам жен декабристов следует прибавить имена двух француженок Гебль и Ле-Дантю, которые добились разрешения ехать в Сибирь, чтобы, вступив в брак с И. А. Анненковым и В. П. Ивашевым, разделить с ними годы ссылки. Камилла Ле-Дантю (Ивашева) там и окончила свои дни, почти одновременно с супругом.

В нашей исторической литературе уже не раз описывались те трудности. какие преодолевали жены декабристов, добиваясь разрешения ехать в Сибирь, и ту настойчивость, какую проявляли они в ссылке, в борьбе за права свои и своих мужей, а Н. А. Некрасов в поэтической форме в „Русских Женщинах“ дал их незабываемые облики, тем более ценные, что нарисованы они очень близко к действительности...

„Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, сделается, естественно, причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, т.-е. будет уже признаваема, не иначе, как женою ссыльно-каторжного, и с тем вместе принимает на себя переносить все, что такое состояние может иметь тягостного... Дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне... Ни денежных сумм, ни вещей многоценных с собой взять не дозволено“... Так, например, гласила подписка, данная в Иркутске М. Н. Волконской.

Однако, эти бесправные „жены ссыльно-каторжных“ сумели так поставить себя по отношению к тюремной администрации, что ей приходилось то и дело смягчать строгий режим, предписанный высшими властями ,и итти навстречу многим стремлениям настойчивых жен декабристов. Конечно, родственные связи в столице и личное обаяние облегчали женам декабристов возможность поставить на своем. Жены декабристов не ограничились, однако, заботой только о своих мужьях. Они свои заботы и свое внимание распространили на всех декабристов. Они сроднились с ними и жили общими интересами всех заключенных. Достаточно прочитать воспоминания и письма жен декабристов из ссылки, чтобы видеть, как искренно и глубоко переживали они радости и горести сотоварищей по заключению их мужей.

Они все время пребывания декабристов на каторге, когда тем запрещено было лично писать письма, вели их переписку с родными, точно передавая все, что поручали декабристы и с своей стороны приписывая несколько строк о них, сообщая об их нуждах и положении. Каждая из них имела на своем попечении несколько человек, от имени которых и вела переписку. Помимо того, они, до учреждения артели, постоянно помогали

нуждающимся, да и позднее продолжали заботиться об удовлетворении по возможности всех нужд заключенных. Они обшивали и снабжали всем необходимым выходящих на поселение одиноких, не имевших связей с Европейской Россией, декабристов. Всегда и всюду они вносили успокоение и бодрость, и понятно то чувство признательности к этим самоотверженным женщинам, с каким вспоминают о них декабристы на страницах своих воспоминаний, писем и стихотворений...

После ряда томительных лет заключения в Благодатском руднике, Читинском остроге и Петровском заводе начался постепенный, в зависимости от срока каторги, не раз уменьшавшегося различными манифестами, переход декабристов на поселение. С грустью провожали товарищей остававшиеся еще в тюрьме декабристы. „Каждый раз, писала в своем письме М. К. Юшневская, прощанья сии бывают очень трогательными. Родные братья не могут расставаться с большею нежностью, так несчастье и одинаковость положения сближают. Представь себе, что все в слезах и все огорчены душевно".

С грустью и уходившие на поселение покидали суровые казематы Петровского завода, где привыкли жить в дружной и тесной среде. Впереди была полная неизвестность, впереди было почти полное одиночество, так как декабристов селили обыкновенно по одному, по два на поселение. Предстояло устройство на новом месте, что при недостатке средств создавало много забот и затруднений. Даже некоторая свобода, связанная с переходом на поселение, даже возможность лично писать письма близким мало радовала их.

Впрочем эта свобода была очень ограничена. Правда, декабристам было разрешено приобретать и строить дома, но в то же время предписывалось „избрать занятия, приличествующие поселянам". А один из параграфов инструкции для надзора за поселенцами предлагал властям „внушать преступникам, чтобы вели себя тихо и смирно, двухсмысленных речей и разговоров не имели, также никаких связей и знакомств ни с кем не заводили, у себя или в другом месте сборищ или собраний не имели, из мест пребывания не отлучались и непременно каждую ночь ночевали в квартире, в случае отступления от него, подвергнутся взысканиям и даже суду".

После перевода на поселение декабристам после долгих стараний удалось добиться разрешения на получение земельного надела в 15 десятин на поселенца. Землю должны были предоставлять крестьянские общества, которые во многих случаях охотно наделяли их землею, сохраняя наделы даже за вдовами декабристов. Однако, в нескольких местах крестьяне, особенно богатеи, возражали против выдела земельных участков ссыльным, и самое наделение проходило с большими трудностями.

Несмотря на приведенные правила, стремившиеся отделить декабристов от населения, они сблизились с ним, жили его нуждами и посильно приносили ему пользу. И прав был декабрист М. С. Лунин, когда писал: „Настоящее житейское поприще началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили“.

Автор новейшей работы о декабристах в восточной Сибири, Б. Г. Кубалов, дает обильные примеры подобного служения декабристов.

Так, многие из них приходили на помощь крестьянам, улучшая или вводя новые сельско-хозяйственные орудия. В частности, Спиридов под Красноярском усовершенствовал местные земледельческие орудия и приготовлял новые, „здесь неупотребительные, но необходимые для разрыхления почвы“; Торсон в Селенгинске устроил небольшую мастерскую для приготовления земледельческих орудий и устроил молотилку; Андреев первый построил мукомольную мельницу.

Длительная практика в огородничестве в Чите и в Петровском создала из многих декабристов опытных огородников. Свой опыт они принесли в поселения, где жили, и охотно делились им с крестьянами. Они выписывали из родных мест семена, уделяли часть их крестьянам, устраивали парники, делали опыты с различными овощами и следили за сельско-хозяйственной литературой. Не только декабристы, но и жены их часто с увлечением отдавались огородничеству. М. К. Юшневская, уже немолодой вдовой, продолжала лично заниматься огородом и садом и, например, писала из М. Разводной, вблизи Иркутска, брату своего мужа (20-VI-1853 г.): „маленький парник доставил нам много удовольствия, все в нем хорошо выросло, а теперь уже из гряд имеем щавель, шпинат, а горох цветет. Пожалуйста, добрый мой брат, пришли мне осенью еще семян редису, салату, непременно петрушки, сельдерей, порей, и, ежели есть хорошие, арбузов и дынь. Я на будущую весну думаю сделать еще другой парник“.

Наряду с этим декабристы старались привить местному крестьянству интерес к новым для них промыслам. Так, в неурожайные годы декабристы В. Ф. Раевский и А. В. Поджио нанимали рабочих на золотые прииски и сами работали с ними.

Декабристы охотно делились своими познаниями с окружающими их. Они давали различные практические советы, оказывали медицинскую помощь, наконец, заботились об их просвещении.

Матвей Муравьев-Апостол, братья Беляевы, В. Ф. Раевский, Александр Поджио, А. П. Юшневский, И. Д. Якушкин и

многие другие создавали школы, нередко с совместным обучением и по т. наз. ланкастерской системе, или имели отдельных учеников. Воспоминания их питомцев, особенно любопытные записки Н. А. Белоголового, рисуют декабристов, как незаурядных воспитателей, с вниманием и любовью относившихся к этому делу. В свою очередь и декабристы тепло вспоминали о своих учениках и часто поддерживали с ними отношения. Так например, И. И. Горбачевский, уже после амнистии, писал из Сибири своему другу Е. Оболенскому—„Я все еще держусь, чего-то надеюсь, все еще люблю детей, делюсь с ними последним, желаю им добра и всего лучшего".

Помимо сельской молодежи декабристы устраивали научно-популярные беседы и для взрослых, знакомя их с начатками природоведения, химии, физики.

Усть-Кудинские крестьяне, вспоминая декабристов, говорили о них: „декабристы как соберут, разговаривают, угощают, наукой кормят, завещая держаться за грамоту крепко".

Многие декабристы шли еще далее в деле сближения с крестьянами: Фролов, Иванов, братья Крюковы, В. Раевский, бр. Кюхельбекеры, Фаленберг, Е. Оболенский, Шимков и другие женились на крестьянках, казачках, инородках.

Декабрист Евгений Оболенский писал приятелю по поводу своей женитьбы на бывшей крепостной, В. С. Барановой: „моя жена не из высшего круга, но простая, безграмотная девица; честно и бескорыстно я искал ее руки, она мне отдала себя также честно и бескорыстно"...

„Большою ошибкой было бы, конечно, рисовать взаимоотношения крестьян Восточной Сибири и живших среди них декабристов в тонах мирной сельской идиллии, пишет Б. Г. Кубалов, ошибочно было бы и утверждение, что в течение тридцатилетнего пребывания декабристов в деревенской глуши они имели столкновения лишь с представителями сельской старшины, притеснявшей крестьян, да с кулаками—мироедами. Были у декабристов столкновения и с рядовым крестьянством". Однако, эти столкновения были единичны и „не могли изменить тех взаимоотношений, которые установились между крестьянами и декабристами с первых же дней поселения последних..... и укрепились в течение долгих лет совместной жизни с крестьянством".

Еще заметнее, чем в сельских поселениях, влияние декабристов сказывалось в городах. Появление здесь „государственных преступников, находящихся на поселении", как официально именовались в ту пору декабристы, пробуждало у горожан

культурные запросы, интерес к политике и литературе. В Березове под влиянием декабристов выписывались несколько столичных газет и оживленно обсуждались их сообщения. В пограничной Кяхте, наряду с легальными изданиями, появилась и „потаенная литература“, а в 1850-х г.г. жители Кяхты зачитывались „Полярной Звездой“ и „Колоколом“. То же, по наблюдению Б. Г. Кубалова, было и в других городах. И здесь, как и в селах, и деревнях, декабристы вели борьбу с злоупотреблениями местных властей.

Наряду с этим декабристы занимались и научным изучением края, давая возможность автору любопытной статьи о них, М. К. Азадовскому, говорить об „краеведческой деятельности“ декабристов. Эти занятия начались еще в Чите и Петровском заводе и непрерывно продолжались и на поселении. Братья Борисовы собирали коллекции сибирской флоры и фауны, причем старший из них не только собрал обширную коллекцию насекомых, но и „придумал сам новую классификацию, совершенно тождественную с той, которая гораздо спустя уже была предложена в Парижской Академии и принята ею“. Природоведами были Якушкин, Вольф, Бестужев, Завалишин и др. М. Н. Волконская также составляла гербарий и собирала образцы минералов.

Декабристы вели коллективно метеорологические наблюдения, переданные затем ими в Берлинскую Академию Наук. Некоторые из них занимались вопросами экономики и хозяйства Сибири (И. И. Пущин, М. Муравьев-Апостол, В. И. Штейнгель, Н. В. Басаргин, А. Е. Розен, Д. И. Завалишин и некоторые другие). Занимались изучением края, в частности этнографией, и бр. Бестужевы. Устное народное творчество привлекало также В. Кюхельбекера, бр. Беляевых, Чижова и некоторых других. Отдельные декабристы принимали участие и в различных научных экспедициях, посетивших Сибирь.

Однако, все эти и многие другие культурные занятия, нередко увлекшие декабристов наряду с их неустанными хозяйственными заботами и трудами, не могли заглушить в них мысли о возвращении на родину. Но это казалось им несбыточной мечтой.

„Первое время нашего изгнания я думала, писала М. Н. Волконская, что оно, наверное, кончится через 5 лет, потом я уверяла себя, что это произойдет через 10 лет, потом—через 15 лет, но после 25 лет я перестала ждать. Я просила у бога только одного: чтобы он вывел из Сибири моих детей“.

Одни декабристы, примирившись с судьбой, постепенно впадали в безразличное состояние, другие доходили до сума-

сшествия (А. Борисов, Ентальцев), иные, как Веденяпин, просили властей снять с них „имя государственного преступника, это клеймо отвержения, это проклятие Каиново“, и только один из них продолжал бороться до конца своих дней. То был М. С. Лунин, „один из тончайших умов и деликатнейших“, по отзыву редактора „Колокола“ и при том, по своему складу твердый и боевой человек.

„Заключенный в казематах, не переставал я размышлять о выгодах родины.... В ссылке я опять начал действия поступательные“, писал Лунин.

Убежденный в том, что его „единственное оружие—мысль“, что его „политические противники были вынуждены употребить силу, потому что не имели иного средства для опровержения... мыслей“, Лунин в письмах из Сибири к своей сестре, Е. С. Уваровой, с большим талантом критиковал современный ему строй, и повторял те мысли, какие, по его словам, привели „на место казни, в темницы и ссылку“.

Письма Лунина становились предметом гласности, их переписывали, их усердно читали. Сибирский генерал-губернатор на год запретил декабристу переписку за „дерзкие мысли и суждения, несоответственные его положению“, но это, конечно, не изменило Лунина. Он попрежнему продолжал свои обличения. Обыск, сделанный у него в Урике, где он находился на поселении, дал в руки властей несколько его обличительных произведений. Тогда Лунина поместили в Акатуйскую тюрьму и держали здесь „под строгим заключением“. Каково жилось там декабристу показывают, например, следующие строки его письма С. Г. Волконскому, недавно опубликованного Б. Л. Модзалевским: „Архитектор Акатуйского замка без сомнения унаследовал воображение Данта. Мои предыдущие тюрьмы были будуарами по сравнению с тем казематом, который я занимаю. Меня стерегут, не спуская с меня глаз. Часовые у дверей, у окон—везде“... В Акатуе Лунин и окончил свои дни в 1845 г.

Лунин был далеко не первым, кого сломили годы каторги и ссылки. Ряды декабристов непрерывно редели, и когда, 26 августа 1856 г., манифест Александра II об‘явил, наконец, амнистию декабристам, он мог назвать только тридцать фамилий „государственных преступников“, доживших до этого времени.

Тогда уцелевшие декабристы поспешили обратно на родину. Здесь они и даже вдовы их все время находились под секретным надзором правительства, опасливо продолжавшего следить и за стариками-мятежниками 1825 года.

Тогда и Киевщина, с которой крепко были связаны воспоминаниями многие декабристы, вновь увидела их. Трубецкой, Волконский с женой, Крюков, Быстрицкий, Александр Поджио,

Басаргин, Фаленберг и некоторые другие посетили наш край. Прибыли сюда и вдовы декабристов: одинокая М. К. Юшневская и А. И. Давыдова с несколькими детьми, которым амнистия вернула их отцовскую фамилию, так как рожденные в ссылке они, по воле Николая I, именовались „Васильевыми".

Однако не все декабристы воспользовались правом вернуться обратно на родину.

Некоторые из них, в том числе автор воспоминаний о восстании Черниговского полка И. И. Горбачевский, остались доживать свой век в Сибири, в той „стране, где они пережили столько невзгод и лишений и где честно выполнили свое служение „словом и примером... делу, которому себя посвятили".

В. Базилевич.

Поиски сношений декабристов с Западом.

В тяжелом и мрачном быту государственных преступников на Благодатском заводе, где был редок и неожидан всякий луч радости и постоянным и упорным непрошенным гостем водворилась унылая беспросветная тоска, вероятно, естественным казалось ждать всегда новой беды. Надо думать, что поэтому все или почти все преступники бывали по временам подвержены чувству страха, живому и действенному ожиданию новых бед. Можно догадываться, что у некоторых из них такое ожидание бед стало даже довольно обычным, постоянным настроением. И, вероятно, лишь очень редко их сознание прорезывал дерзкий луч почти безумной надежды. И страх и надежда — иногда у одних надежда и страх у других—конечно, проявлялись с особенною силой, когда случалось какое-нибудь выходящее из ряда ставших привычными происшествий. И одним из таких был и неожиданный увоз В. Л. Давыдова, ничем ни для него самого, ни для его товарищей необ'яснимый.

19 ноября начальник Нерчинских заводов Бурнашов получил отношение иркутского гражданского губернатора за № 164, которым тот „просил“ его „по получении сего тотчас осужденного верховным уголовным судом и находящегося в работах преступника Давыдова, вызвав из местопребывания, отправить без всякой огласки в Верхнеудинск, снабдив его в дорогу теплой одеждой“. Давыдов вместе с семью товарищами (Борисовым, Волконским, Арт. Муравьевым, Оболенским, Трубецким и Якубовичем) отбывал каторжные работы в подведомственных Бурнашеву Благодатских рудниках. Поэтому, получив отношение, Бурнашов немедленно же предписал начальнику Благодатского рудника Черниговцеву „тотчас отправить на Благодатский рудник одного офицера с надежным рядовым, с таким наставлением, чтобы он, по прибытии туда, отдав прилагаемый при сем конверт г. Козлову [1]) и вместе с ним вызвал преступника Давыдова, как бы для некоторого дела в горную контору, позволив ему взять для него теплую его одежду, офицер же, посланный Вами, должен доставить его немедленно к Вам; по привозе же его сдать под росписку сему нарочно посланному чиновнику, как его Давыдова, так и все хранящиеся у вас при горной конторе принадлежащие ему вещи

[1]) Состоящий при преступниках полицейский чиновник.

и деньги [1]), и потом тотчас на сих же лошадях отправить их ко мне в Нерчинский завод, с придачею вооруженного унтер-офицера, отнюдь не заезжая на Благодатский рудник; те-же вещи, кои у него останутся в казарме, после его отправки, взять в хранение". Как видно, отношение предписывало в операции с Давыдовым большую осторожность, как в смысле соблюдения абсолютной тайны с его увозом, так и в смысле снабжения его при поездке в неизвестность теплою одеждою, деньгами и вещами, исключая во имя тайны тех, которые были с Давыдовым в казарме,—предосторожность, казалось бы, совершенно излишняя, ибо об его от'езде или переводе или даже о какой-нибудь беде с ним в казарме все равно вскоре после увода должен был зайти разговор, раз он в казарму не вернулся. Но Бурнашов точно выполнял предписание высшего начальства, которое, конечно, сквозило ему через официальные строки губернатора... Впрочем, Бурнашову показалось, что еще не все предосторожности по части избежания огласки соблюдены, и он вложил в конверт приписку собственной руки „на отдельном клочке бумаги". В ней он предписывал Черниговцеву принять предосторожности, чтобы „и из-за отданнаго... приказания" поезд Давыдова из горной конторы не заехал на Благодатский рудник, рекомендовалось „послать их проводить за благодатское расстани",—в надежде, очевидно, что они, уехав за „расстани" уже не вернутся в Благодатск, из боязни потерять время и встретить сзади поджидающий их на всякий случай надзор Бурнашова. Следующее предписание тоже, повидимому, продиктовано боязнью огласки: „По взятии же Давыдова, следственно и по отдаче Козлову куверта, велеть сказать посланному офицеру, что он, Козлов, может с ними же к вам явиться". Повидимому, Бурнашов боялся болтливости не подчиненного ему в порядке ведомства Козлова. Однако, он не дает ему распоряжения, ограничиваясь лишь предложением, которого в условиях Козлова, ему при всей его ведомственной неподчиненности Бурнашеву, было трудно не принять. Никакого указания, что Козлову делать или что делать с ним в горной конторе, нет. Третий пункт приписки гласит: „Впрочем, чтоб тот посланный пробыл на Благодатском не более 5 или 10 минут, а по привозе к вам Давыдова отправить его чрез столько же времени". А кончается приписка словами: „Затем и вы приезжайте сюда с хозяюшкой". Что это обычное приглашение, призыв на совет или деликатное

---

[1]) На обороте приложенной к официальному отношению частной записки Бурнашова был расчет денег Давыдова.

„ Денег Давыдова было	200 р. — к.
Из того взято	6 „ 25 „
	203 р. 75 к.

действие на предмет уменьшения толков в районе горной конторы?

Давыдов, действительно, того-же 19 ноября, был увезен из Благодатска и в тот же день в горной конторе „принят для доставления в Верхнеудинск“ квартальным 10-го кл. Кашкаровым. Следует отметить, что незадолго до увоза он был „одержим... чесоткою“. Старший лекарский ученик Чесноков доносил об этом и о начатом лечении болезни 12 ноября Черниговцеву. Едва ли однако за время до 19 ноября Давыдов успел поправиться, и вероятно был увезен в далекий путь еще больным. Лишь 25 декабря, в самый день Рождества Христова, Давыдов с тем же Кашкаровым вернулся к товарищам [1]).

Что означал этот таинственный увоз?

Таинственный увоз Давыдова из Благодатска в Иркутск проясняется делом канц. деж. ген. глав. шт. „О преступнике Никите Муравьеве и бывшем в России иллюминате профессоре Раунахе“ [2]). Оказывается, как это [3]) явствует из бумаги нач. глав. штаба бар. Ив. Ив. Дибича к военному министру гр. Ал. Ив. Татищеву от 6 августа 1826 г. за № 1348, что „дошло до сведения государя императора“ об уроках прагматической истории“, которые „Никита Муравьев брал... у бывшего в России профессора Раунаха, известного иллюмината, с которым он был в тесной связи“. Та же бумага рассказывает далее, что государь счел нужным подвергнуть Н. Муравьева секретному допросу „не от Раунаха ли заимствовал он первые мысли либеральные противные существующему порядку вещей, не в прагматической ли истории сего профессора почерпнул он правила, клонящие к ниспровержению правительства, престола и к водворению безначалия, восстановлением так называемых прав народа и, наконец, не принял ли его сам Раунах в общество иллюминатов или не возбудил ли в нем желания быть приняту в оное или не дал ли ему к тому способы“. Бар. Дибич указывает, что „в сем последнем случае Никита Муравьев может оказать большую услугу, открыв все замыслы, намерения, силы сего общества, средства оного к достижению своей цели, правила его образования, главные лица, оное составляющие, правителей, место, где оное в большей силе существует и действует, связи его с Россиею, время открытия оных, лица в оной к иллюминатам принадлежащие, тайны их, действия и влияние, которое имет вообще на государственные сословия“. Как видно,

---

[1]) „Ист. Вест.“, 1897 г., № 8, стр. 500, 501, 505 и 508; 1891 г., № 7, стр. 226—227. О болезни Давыдова см. и рапорты Козлова в прил. к ч. 5, д. № 61, 1826 г., 1 эксп., III отд. (е. и. в. к.).

[2]) Раунах—профессор Петербургского университета.

[3]) См. св. 21, № 384 за 1826 г. фонда канцелярии деж. ген. по секр. части в Московском военном Лефортовском архиве.

бар. Дибич охватил своим розыскным вниманием обширные планы. Важность предстоящих возможных открытий приводила его и государя к широким обещаниям Н. Муравьеву. „Дабы поощрить Муравьева“, писал бар. Дибич, „к совершенно-искреннему и точному признанию, можно обещать ему от имени государя императора всемилостивейшего уменьшения наказания и даже прощения в воздаяние важной услуги, которую он государству своим чистосердечием оказать может“. И вслед за тем бар. Дибич переходил к конкретному поручению гр. Татищеву от имени государя: „Его императорское величество, возлагая на „Вас“ сие исследование, остается в совершенной надежде, что оное будет произведено со всевозможною осторожностью, точностью, основательностью и тайною“, и к этому делая важное знаключение: „буде для сего нужно оставить Никиту Муравьева в С.-Петербурге, то вместо его может быть отправлен в Роченсальм преступник Тютчев, когда устройство форта Славы будет приведено к окончанию“.

Таким образом, председатель следственной комиссии о злоумышленных обществах военный министр гр. Татищев по отдельному и особому поводу вновь обращался к производству следствия. Как видно, он был снабжен для его успеха обширными полномочиями, которые давали ему полную возможность располагать временем в организации допроса и всеми средствами соблазна в склонении Н. Муравьева к открытию истины.

Получив 13 августа отношение бар. Дибича, гр. Татищев „в самый тот день“ „отправлялся в крепость“, а 27 авг. сообщил начальнику главного штаба результаты своего допроса. Он передал Н. Муравьеву обещания государя смягчить участь и даже простить и вернуть к семейству и „истощил все возможные средства растрогать сердце Муравьева, возбудить его к чистосердечию и, так сказать, проникнуть в его душу и „не мог не убедиться в том, что он не принадлежал к иллюминатам“ и не имеет об иллюминатах в России почти никаких сведений. Муравьев только мог припомнить, что „Василий Давыдов принял в свое общество князя Броглио, имеющего поместья во Франции и России, с намерением установить посредством него сношения с иностранными обществами“. Повидимому, гр. Татищев произвел некоторые дополнительные розыскания в делопроизводстве следственной комиссии, потому что меж его посещением крепости и бумагою к Дибичу прошло целых две недели. Во всяком случае эти розыски не дали чего-нибудь значительного. Гр. Татищев только „сообразил“ показание Муравьева о Давыдове и Броглио „с тем, что Давыдов давал графу Полиньяку, отправлявшемуся во Францию, выписки из конституции Пестеля под названием Русской Правды, чтобы узнать об оной мнения тамошних публицистов“, и склонился признать

это показание Н. Муравьева „правдоподобным“. Из этого гр. Татищев сделал правильный вывод: „Если государю императору благоугодно повелеть продолжать разыскание о иллюминатах, то необходимо спросить Василия Давыдова“, и уведомляя, что „для могущей встретиться надобности в улике... оставил Никиту Муравьева в С.-Петербургской крепости“.

Что касается Никиты Муравьева, то он не дождался в Петербургской крепости разрешения вопросов, связанных с допросом Давыдова. Еще 7 декабря или днем ранее состоялось высочайшее повеление немедленно отправить его с братом Александром, Анненковым и Торсоном в Сибирь, „заковав, при одном фельд‘егере и четырех жандармах“. Это была первая партия по возобновлении отправок в Сибирь на каторгу. Не мудрено, что запись высочайшаго повеления сопровождается припискою: „сие должно быть исполнено секретнейше“. Впрочем, эта приписка может быть об‘яснена и подбором лиц в партии, где блистал теоретик севера, богатый средствами, роднею и связями Никита Муравьев и был молодой красавец Анненков, пленитель сердец, несчастные обладательницы которых доставляли власти не мало беспокойств,—особенно, повидимому, Полина Гебль, которая вскоре и стала его женою[1]). А 10-го декабря партия была отправлена из крепости в Сибирь[2]). Так Никита Муравьев и не попал в Роченсальм...

Предложенное гр. Татищевым решение было принято государем 1 сентября, а 3 сентября бар. Дибич уведомил гр. Татищева, что государь поручает ему дальнейшее „исследование посредством спроса Давыдова“ через „иркутского гражданского губернатора о всех подробностях сделанного им князю Броглио приглашения и последствия оного“. Равномерно государь повелел приостановить отправление Никиты Муравьева.

Только через несколько месяцев гр. Татищев смог донести государю через Начальника Главного Штаба об исполнении порученного ему „исследования“. Он рассказал в своем донесении, что „с препровождением вопросных пунктов относился к иркутскому гражданскому губернатору, о исполнении сей высочайшей воли секретным образом и с употреблением возможных убеждений, могущих растрогать и расположить его Давыдова к полному и чистосердечному в сем случае показанию“, и, дав резюме показаний Давыдова, препроводил вопросные

---

[1]] Об одном из разбитых им сердец—дело III отд., 1826 г., № 61, ч. 263—„О следовавшей в Иркутск креп. дев. Апраксовых М. М. Сухиной“ etc...

[2]] Дело канцел. дежурного генерала по секр. части за 1826 г., № 544, [св. 26] „об отправлении государственных преступников, сужденных Верховным Уголовным Судом, по назначению и об инструкции для фельд‘егерей, препровождающих сих преступников“, нач. 7 дек. 1826 г., конч. 27 июля 1829 г., на 256 л.

пункты, самые показания и то отношение иркутского гражданского губернатора, при котором тот их ему прислал, бар. Дибичу, конечно, для того, чтобы барон при докладе представил их государю.

Отношение иркутского гражданского губернатора от 11 дек. 26 г. [1]), сообщало с некоторою неясностию по части хронологии и довольно не вразумительным синтаксисом, что „преступник Давыдов, быв истребован от Горного начальства и доставлен под строгим присмотром в Иркутск,... содержится“ там „отдельно в особом отделении тюремного замка“, что он был самим губернатором „секретно допрошен, при чем сделаны ему всевозможные убеждения к чистосердечному признанию, при чем он показал совершенное раскаяние, обливаясь слезами, обещаясь ни в чем не отступить от истины, и на сделанные ему вопросы своеручно написал ответ“, что он, преступник Давыдов, дал обещание никому о сделанных ему вопросах не открывать“ и что в день, когда это донесение составлялось, он отправится... под присмотром чиновника и конвоя обратно в Нерчинский большой завод для употребления по прежнему в работу“.

Надо думать, что Цейдлер сделал все, чтобы выведать от Давыдова признание. Его поведение с княгинями Волконской и особенно Трубецкой, конечно, может быть в этом ручательством.

Я не переписываю вопросных пунктов Давыдову, ибо его ответы так подробны, что вопросы ясны из них. Отмечу только, что они оканчивались увещанием Давыдова быть откровенным и обещаниями, даваемыми ему от „священного имени государя императора“. Вот это место „вопросных пунктов“.

7) Вообще об‘ясни [2]) все, что знаешь относительно вышеизложеннаго по сущей истине со всем чистосердечием. Естьли еще в душе твоей не истребилась любовь к отечеству, то тебе предстоит теперь случай оказать оному важную услугу и загладить тем преступление, подвергшее тебя осуждению; преклонить монарха к милосердию и, заслужив облегчение в своем положении или даже и прощение, возвратиться в недра сетующего семейства твоего. Священным именем государя императора сие обещается тебе, ежели сведения, тобою доставленные, будут достойны того, как по достоверности, так и важности. Впрочем, дальнейшее запирательство ни тебе, ни соучастникам не принесет ни какой пользы, ибо чего не скажешь ты, то

---

[1]) Цейдлер получил „повеление“ Татищева касательно Давыдова лишь 5 ноября. В это время „свободнаи коммуникация“ с Нерчинским краем „по наступившему холодному времени, и опасного от того по Байкалу судоходства“ была прервана. Поэтому Цейдлер распорядился вызвать Давыдова в Верхнеудинск, куда и сам отправился. См. канц. деж ген. по секр. части, 1826 г., № 50 -св. 51-, ч. I, л. 491.

[2]) Обращение на „ты“, как каторжнику, т. е. человеку, лишенному прав и преимуществ прежнего состояния.

скажут другие". Как умело сплетены мотивы к откровенности— интересы отечества и семьи с самым языком увещания, немного напыщенным и как бы в самой торжественности своей содержащим залог даваемых обещаний и подтверждение важности ожидаемых признаний. Граф Татищев, как видно, сумел за время следствия хорошо узнать душевный мир своих невольных собеседников, где с личным благородством уживалась у многих неразборчивость в средствах спасения себя. Он и окончил вопросные пункты тяжелым последним заключительным аргументом к откровенности: „чего не скажешь ты, то скажут другие". Только здесь положение было такое, что говорить уже было некому. Впрочем, отклонение от истины было присуще руководимой гр. Татищевым следственной комиссии на всех ступенях и во все этапы ее деятельности.

Вот показания Давыдова, снятые с соблюдением его орфографии [1]) и пунктуации:

„Еслибы я столь былъ безразсуденъ, еслибы я столь упорствовалъ въ заблужденияхъ своихъ чтобы утаить до самого конца произведенного следствія надъ открытыми политическими обществами, что нибудь до нихъ касающееся мне известное; то теперь наученный постигшимъ меня несчастіем, наученный нестерпимыми страданіями всякого рода, потерявъ жену, шестерыхъ малолетнихъ детей, все на свете кроме плачевной и скорбной жизни моей, съ какимъ бы восторгом воспользовался теперешнимъ случаемъ, чтобы чисто сердечнымъ и окончательнымъ открытіемъ всего что я знаю доказать живейшее мое раскаяние, глубочайшую и истинную преданность Государю и Отечеству, и тем заслужить отъ милосердаго Монарха хотя облегнение (sic!) ужасной судьбы моей! Но я лишёнъ къ несчастію средствъ сихъ къ собственному спасенію, и одною покорностью и крепкимъ повиновеніемъ воле Государя моего и Закона, могу доказать чувства наполняющія сердце мое. Призывая въ свидетели всемогущаго Бога, единую надежду несчастнаго, отвечать буду на вопросныя пункты съ совершеннымъ чистосердечіем и кроме истины, ничего не скажу здесь.

1) Не только я никогда не принималъ въ общество князя Брогліо и порученій никакихъ ему не давалъ, но ни князя ни графа [2]) Брогліо я вовсе и никогда не зналъ, и не думаю что бы даже где съ ними и встречался. Никита Муравьев, показывалъ сіе иа меня, вероятно смешал графа Полиньяка съ князем Брогліо.—Графъ Полиньякъ имеетъ такъ же поместье в

---

[1]] По техническим услсвиям нельзя было ставить букву ять, и ее пришлось заменить буквою е. *Ред.*

[2]] Колебания Давыдова в титуле Броглио, а иногда и двоение единого титулованнаго Броглио на „князя" и „графа" Броглио, связаны с вопросом 1 пункта о титуле Броглио.

Россiи, и по жене надежду получить нечто и во Францiи, онъ такъ же готовился къ отъезду въ свое отечество, и верно я открылъ Муравьеву, принятiе его и цель онаго, что и причиною ошибочнаго сего его показанiя.—Ни отъ одного члена южного общества не слыхивалъ я чтобы какой нибудь Броглiо принадлежалъ къ оному, и можетъ служить тому доказательствомъ то, что Братья Поджiо, Лихаревъ, Ентальцовъ съ коими я почти жилъ въ месте и былъ связанъ дружбою и родствомъ никогда сего отъ меня не слыхали какъ и о простом знакомстве моимъ съ Броглiо. Где могъ я принять его? со времени вступления моего въ общество, ездилъ я въ Петербургъ только два раза на самое короткое время и кроме Никиты и Матвея Муравьевыхъ, Тургенева и Трубецкаго никого из членовъ общества не видалъ, не выезжал въ светъ и нигде князя Броглiо встретить не могъ. Въ оба же раза я пробылъ въ столице менее трехъ недель.—въ Москве же я мало имею знакомства кроме родствениковъ, былъ два же раза по собственнымъ делам, и для свидания съ братомъ безъ коего никуда не выезжалъ кроме одного раза что я былъ у Ивана Фонъ-Визина и виделъ тамъ Якушкина но обоихъ какъ людей не принадлежащихъ уже къ обществу. Въ деревню ко мне никто не можетъ сказать что бы прiезжалъ когда князь Броглiо; въ Кiеве где я всякой годъ бывалъ, разъ много два, все которыя меня знаютъ, могутъ подтвердить что у меня никакого Броглiо никогда не видали и даже о знакомстве моемъ съ нимъ не слыхивали. Мне даже не известно былъ ли онъ когда въ Кiеве, въ другихъ же местахъ где находились отрасли Южнаго Общества, я знаю что онъ не бывалъ, по крайней мере клятвенно могу уверить что я сего ни когда не слыхалъ ни отъ кого. Я въ состоянiи на очныхъ ставкахъ, всемъ темъ кои сiе показываютъ доказать несправедливость ихъ показанiй, и если бы свести меня съ княземъ или графомъ Броглiо, то верно ни одинъ не скажетъ кто я таковъ.—Из Пунктов 2) 3) и 4) я могу заключить на верное что Никита Муравьевъ смешал Полиньяка съ Броглио. Я не помнилъ даже говорилъ ли я когда о Полиньяке Муравьеву, но теперешнее его показанiе меня въ томъ удостоверяетъ.—Я сказалъ здесь всю сущую правду и не опасаюсь чтобы кто либо могъ доказать противное [1]).

5) Общество Иллюминатовъ известно мне только по книгамъ, и то единственно по сочиненiю Аббата Борюеля (mémoires sur le Iacobinisme). Вероятно что общество сiе имело большое влiянiе на мненiя и политическiя понятiя въ Германiи а оттуда и на другiя народы Европейскiя; но не на Россiю, сколько мне известно.—Революцiи Америки, Францiи, политическiя

1] В этих пунктах главнейше говорится о сношении через Броглио с французским политическим обществом.

творенія Англинскихъ и Французских писателей, последнія мятяжи въ некоторыхъ странахъ Европы, вотъ что разпространить могло у насъ политическія правила, подъ именемъ либеральныхъ известных.—Профессора Раунаха я лично совсем не знаю и никогда не видал, лекцій его не слушал и сочиненій его никакихъ не читалъ. Я не зналъ даже чтобы онъ былъ иллюминатъ, а слышалъ объ немъ въ скользь что онъ человекъ глубокой учености и принужденъ выехать изъ Россіи по причинѣ весьма свободныхъ и вредных его мненій. Никто ни когда не предлагал ни мне, ни человеку мне знакому войти въ связь съ иллюминатами.

6) Читавши уже тому несколько летъ вышеупомянутую книгу, въ которой я почерпнулъ все мои сведенія объ иллюминатахъ, я не могу изложить здесь все замыслы ихъ и намеренія. Сколько я помню то цель ихъ не была сообразная съ целью южнаго и северного общества; она была гораздо обширнее и обнимала все страны просвещеннаго света, требовала медленныхъ и постепенныхъ мероприятій и клонилась не только къ ниспроверженію и совершенному разрушенію всехъ существующихъ правительствъ; но даже къ истребленію и самой веры Христіанской. Сіе последнее намереніе было совершенно противно правиламъ Россійскихъ Обществъ. Когда же Южное Общество, предполагая по однимъ догадкамъ, и по известнымъ последнимъ революціоннымъ покушеніямъ въ некоторыхъ Европейскихъ государствахъ, что существуютъ тамъ тайныя общества, возымело намереніе войти съ ними въ сношеніе, то не помышляло объ иллюминатахъ, а о таковыхъ которыя бы намереніями, правилами и образомъ действія сходствовали съ Россійскими. Южное Общество надеялось достигнуть сей цели двумя средствами. 1) Чрезъ графа Полиньяка сойтись съ французкимъ тайнымъ Обществомъ. 2) съ немецкими, чрезъ польское, которое, не входя однако ни въ какія подробности уверяло Пестеля черезъ своихъ Агентов, что имеетъ сношенія съ обществами въ Германіи.—Покушеніе сделанное чрезъ графа Полиньяка осталось безъ всякого успеха, какъ уже известно Правительству: понятія данные мною Высочайше Учрежденному Следственному Комитету по сему предмету совершенно справедливы: со времени отъезда графа Полиньяка, одинъ я изъ всехъ членовъ Общества получилъ отъ него письма,—и то два только по почте, единственно дружескія и ни мало о сделанныхъ ему порученіяхъ не упоминающія въ томъ могутъ ещё удостоверить Поджіо старшій и Лихаревъ, коротко съ нимъ знакомыя, и тесно связанныя со мною родствомъ и дружбою. и отъ которыхъ я бы верно не утаилъ еже либы что получилъ удовлетворительнаго отъ Полиньяка.—что же касается до Поляковъ то сношенія съ ними ослабевъ въ последнія времена,

они обещанія своего не выполнили, сколько мне известно; потому ли что не имели довольно доверенности къ Россійскому Обществу, или не имели времени отъ скораго открытія Правительствомъ сего последняго, или даже и потому что и сами не имели сношеній о которыхъ говорили. Известно Правительству что они хвалились даже тайнымъ вспомоществованіемъ Англійскаго Кабинета; что и подавало поводъ Южному Обществу не доверять ихъ словамъ.

Здесь долженъ я сказать, что Польскія Агенты, говоря о Немецкихъ Обществахъ, более выставляли находящееся будто бы въ Пруссіи, какъ остатокъ, отрасль или преобразованіе Тугенбунда, и вмещающее въ себя много важныхъ лицъ. Но никогда никого не именовали говоря что безъ предварительнаго согласія онаго Общества сделать сего не могутъ и не въ праве. они такъ же не открыли настоящей цели сего общества, ни сил его, ни способовъ и времени действія. Само собою разумелось однако, что главная цель его была совершенная перемена образа Правленія. все сіе я самъ не слыхалъ а знаю отъ Пестеля: ибо никогда, подтверждаю здесь торжественно, самъ ни съ однимъ полякомъ сношеній не имелъ и всегда былъ противного мненія на счётъ всякой связи съ ними.

Вотъ совершенно все что я знаю, о иностранныхъ тайныхъ обществахъ и о сношеніяхъ россійскихъ съ ними, и могу уверить что все сведенія объ оныхъ, въ южномъ обществе были ничто иное какъ предположенія. Я не думаю чтобы Пестель скрылъ отъ меня или отъ другихъ членовъ что нибудь на сей счётъ, ежели бы зналъ что положительнейшаго; ибо сіе могло бы утвердить в преданности къ Обществу, увеличивая важность и силу онаго. Все члены обеихъ обществъ въ рукахъ правительства; пусть хоть одинъ докажетъ противное тому что я говорю здесь. Ежели же что крылось или можетъ еще крытся сверхъ показаній моихъ, то я смело утверждать могу что мне никогда не было известно. Никакой очной ставки и никакихъ противъ себя доказательствъ я не опасаюсь.—Действія Севернаго Общества, какъ и изъ следствія явствуетъ мало мне известны—естли они имели какія связи съ иностранцами то я знать ихъ не могу; но долженъ здесь по совести сказать что я совершенно убежденъ что оно таковыхъ не имело, и даже связей съ поляками, сколько я слышалъ не одобряло.

Вторично призывая въ свидетели Бога, что ни одного слова въ ответе семъ не сказалъ я противнаго истине, принимаю смелость сказать, что никакой причины, никакой выгоды не могу иметь въ ложномъ показаніи.—Въ чистосердечіи я вижу одно средство къ спасенію, или облегченію ужаснейшей участи моей, единственный путь къ Милосердію Монарха;—въ запирательстве продолженіе несчастія моего и страданій неизъясни-

мыхъ—и зачемъ запиратся мне? Мне одному поверитъ ли правительство? а ежелибы и поверило, какая мне то сего польза быть можетъ? Кого спасать мне? родственники, друзья мои, кои малейшее участие имели въ намеренiяхъ общества, все открыты, все наказаны, все—въместе со мною погибли.—Если и не чистое раскаянiе, не удаленiе отъ прежнихъ заблужденiй, то одинъ простой, здравый разсудокъ доказывающiй что все замыслы и намеренiя общества рушились не возвратно, удержалъ бы меня отъ безполезного и для меня вредного запирательства. О раскаянiи моемъ, о обращенiи на путь съ котораго бы совращатся я не долженъ былъ, осмелюсь ли говорить? Кто поверитъ несчастному? Мне запиратся! когда въ откровенности я вижу не токмо облегченiе бедственной участи моей, но можетъ бы и возвращенiе въ обожаемое семейство мое! одна мысль о такомъ благополучiи приводитъ меня въ неизъяснимое положенiе; и я бы сталъ безразсудно отклонять единственное средство къ достиженiю столь величайшаго для меня счастiя.—нетъ—я сказалъ всю правду, ничего ни скрывая, и долженъ скорбеть что провиденiе лишило меня сего средства ясно доказать истинное обращенiе мое и непритворное разкаянiе, оказать важную услугу Государю моему и Отечеству, и заслужить перемену въ тяжкой участи моей.—Съ покорностью къ Воле Божiей, съ повиновенiемъ моему Государю, безъ ропота несу тяжкiй крестъ свой и моего Всевышняго чтобы ставясь подъ ужаснымъ страданiями моими, и простя прежнiя грехи и заблужденiя, отозвалъ бы скорее меня в лучшiй миръ и принялъ бы съ милосердiемъ несчастнаго и кающагося. *Василiй Давыдовъ.*

Трудно, читая эти показания Давыдова, не верить словам Цейдлера об его слезах, которыми он „обливался“. Действительно, ведь предоставлялась завидная и редкая возможность облегчить свою участь показаниями, которые в сущности никому в России повредить не могли, да и вообще по своему свойству могли бы быть довольно безвредны. И эта возможность проходила мимо Давыдова.... Повидимому, слабый луч надежды на милость государя у него все-таки оставался, и он стремился заверениями в своем полном раскаянии и в полной своей перемене поймать кусочек этой высочайшей милости. К его несчастию, все это было бесполезно, ни он, ни Н. Муравьев, такой же, как он, несчастный, не получили себе облегчения, как ни старались—особенно Давыдов—в из‘явлениях своего раскаяния и готовности все рассказать, что знают. И раскаяние и готовность их были для власти фактически бесплодны, а они поэтому—бесполезны. И милосердие власти не коснулось их. Никаких новых сведений о связях с Западом расследование, оборвавшись на показаниях Давыдова, так и не дало.

С. Чернов.

Накануне 1905 г.

1905 год не только хронологическое, но и свое революционное летоисчисление, естественно, начинал не с 1905 г., а значительно ранее.

Первая российская революция была последствием многих и многих причин нароставшего противоречия между капиталом и трудом, крестьянского земельного голода, бессмысленной японской войны, наконец, многолетней деятельности революционных партий. Я останавливаюсь на последнем—деятельности революционных партий и притом П. С.-Р. Наибольший расцвет деятельности П. С.-Р. приходился в Киеве на 1899-1902 г., при чем наиболее полно были охвачены учащаяся молодежь, отчасти военные. Успехи массовых забастовок рабочих юга России не могли не отразиться на настроении учащихся, заражая их и подводя фундамент под их движение.

Один за другим последовательно приводимые в исполнение смертные приговоры царским министрам Боголепову, Сипягину и ряд других террористических актов привлекли внимание находящихся в состоянии брожения масс на сторону революции. К этому надо прибавить, что в указанный период в Киеве работали Гр. Гершуни, исключительный организатор и пропагандист, а в среде студенчества Ст. Балмашев, создавший кружек, из которого вышли Покотилов (убитый впоследствии при взрыве в Северной гостинице в Петербурге), Николай Блинов (зверски убитый в 1905 г. в Житомире при защите еврейского населения во время погрома.), М. Я. Гендельман (осужденный по делу Ц. К. с.-ров) и др.

Нарастание организации в Киеве, сосредоточение в ней крупных фигур не могло, конечно, не привлекать внимания Киевской охранки, которой руководил Спиридович, известный не столько розыскными способностями, сколько постановкой провокации. И действительно, с 1902 г. начинаются безпрерывные провалы Киевской организации, закончившиеся арестом в Киеве Гр. Гершуни, преданного Григорьевым. Чрезвычайно чувствительным для нелегальной организации был провал типографии, поставленной в Киеве Гр. Гершуни.

В начале 1904 г. Киевской судебной палатой были осуждены арестованные в этой типографии профессионалы: Цицилия Каменецкая, Абрам Криницкий и Борис Шапиро.

Но при помощи техников из Бунда Киевскому Комитету

удалось приобрести и поставить новую типографию и в течении 1904 г. К. К. были выпущены следующие издания:

1/1—„1 Января 1904 г.“, 5/1—Н. В. Фон-Клейгельс [1]),

10/1—„К рабочим“. 15/1 — „Кому нужна война“, 1/2 — 2 годовщины; 1/V — Ко всем рабочим Киева; Июнь и Война и ея жертвы“. — 15/VII — „Они этого хотели, они этого дождались“. 27/VII — „В память прошлогодних июльских событий“.

16/VII — „Новая мобилизация“.

В сентябре и октябре выпущены по номеру журнала „Рабочее слово“. 18/IX —„Ко всем. 25/IX—„К новобранцам“, 15/X— „К солдатам“. 25/X—„10 лет.“. В ноябре и декабре 9 номеров „Отголоски“. В декабре—Письмо из Мукдена, 10/XII — „30-го Ноября“. 20/XII — Ко всем запасным. 7 Окт. 24 г. „К учащейся молодежи“. 19/II — „19 февраля“. Кроме того были перепечатаны издания Ц. К.

Большинство изданной литературы было, конечно, связано с японской войной, ея неудачами и полно было призывов к бойкоту этой войны, противодействию мобилизации, неплатежу налогов и проч. В связи с военными событиями внимание Комитета, конечно, было обращено на военную среду, и работа там развивалась довольно успешно, связи налаживались. Подорвана отчасти работа была арестом в январе 1905 г. сходки солдат в квартире Книпер на углу Нестеровской и Святославской улиц, где были арестованы также пропагандисты — студент Евгений Писаревский и Соломон Черняк.

Учитывая затруднения, имевшие место при мобилизации, и придавая особое значение пропаганде в войсках—власти для ареста указанной военной сходки командировали Киевских знаменитостей—Спиридовича, Кулябко, прославившегося впоследствии Толмачева, тогда командира Бендерского полка с сильным отрядом.

Как указано было выше, до 1905 г. в Киеве были сильны с.-ровские студенческие организации, как в университете, так и в политехникуме. Перед 1905 г. работу в этих организациях вели студенты А. Павлов, Вехов, Конст. Суховых. В начале января 1905 г. эта группа была в значительной части арестована, при чем при аресте ея центральной квартиры на Павловской улице было оказано вооруженное сопротивление, благодаря чему находившемуся там нелегальному т. Герману удалось скрыться. А в связи с этим была ликвидирована и имевшая тесную связь со студенческой организацией—местная боевая организация в лице руководителей ея: студентов К. Скляренко, Г. П. Ратнера и Сигизмунда Верцинского, как раз накануне покушений на Киевского генерал-губернатора Клейгельса и начальника охранки Спиридовича.

---

[1]) Это был вновь назначенный Киевский генерал-губернатор.

Конец 1904 г. и начало 1905 г. были моментами усиления вообще террористического настроения в с.-ровской организации, что об'яснялось с одной стороны расцветом реакции царского правительства, а с другой крушением авторитета царя и его прихлебателей, проигравших непопулярную в народе японскую войну. Добивать падающего было непосредственною задачею террора. Этим об'ясняется и убийство тов. Добровольским Лубенского исправника Семенова, прославившегося инсценировкою патриотических манифестаций при мобилизациях запасных крестьян.

Но, конечно, деятельность организации не сводилась только к учинению террористических актов. Накануне 1905 г. вся Россия, а в том числе и Киевский район были охвачены сильным рабочим движением. Вот почему организации в Киеве рабочей группы придавалось особое значение. Из интеллигентов в ней работала нелегальная Ольга Малицкая, Валентина и студент Сергей Максимовский. Из рабочих наиболее активны были—слесарь С. Шапиро, папиросница Ципа Розенбаум (Цеся), слесарь Михаил Имперович и заготовщик Григорий Позин.

Группа, состоящая из 30 приблизительно товарищей, несколько расходилась с К. К., почему обзавелась собственными гектографами, на которых и печатала свои воззвания. Группа эта имела несколько максималистский уклон, расширяла рамки террора, чуть ли не до фабричного, противопоставляла себя интеллигенции в партии.

Хотя в первой половине 1905 г. в Киевском районе были последовательно арестованы 2 нелегальных типографии, в Чернигове и в Киеве на Скоболевской улице, но все таки К. К. за 1905 г. до 17 октября удалось выпустить: 1) Несколько номеров летучего листка для рабочих „Отголоски". 2) Прокламацию—„С новым годом". 3) Прокламацию „Ко всем трудящимся". 4) В ответ на январьские события 1905 г.—Воззвания: а) „Вставай, подымайся рабочий народ", б) „К обществу"—заключавшее в себе анализ 9-го января 1905 г., критику либерализма, необходимость вооруженной борьбы с самодержавием. 5) По поводу стачки служащих службы сборов Юза и фармацевтов (7 и 8 февраля)—было выпущено сначала литографированное „Ко всем рабочим Киева", а затем 12/II уже печатанное „Ко всем трудящимся". Лозунг был такой: „Бросайте работу!" Киев, шедший во главе рабочего движения юга России в 1903 г., теперь еще не сказал своего слова!" 6) Когда после января 1905 г. прошел слух, что Николай предполагает созвать „Земский Собор", в феврале 1905 г. было выпущено воззвание „О предполагаемом Земском Соборе", заключавшее в себе критику собора, который будет состоять из предводителей дворянства, городских голов и чиновников. Это будет представительство буржуазии

за счет трудового крестьянства и рабочих. „Требуйте вооруженною силою созыва народного представительства по всеобщему избирательному праву. Лишь всеобщее восстание приведет к победе“—так заканчивалось воззвание.

В К. К. и организации этого периода наиболее активны были Николай Соколов, Гавр. Моралевич, М. П. Рейнбот, Ив. Тютюнников (Николай Иванович), Григорий Патынский (Гриць), Николай Блинов, Ив. Прилежаев, С. Верцинский, Транцевич. Среди ж. д. создали организацию и вели роботу Ив. Юльевич Старынкевич, Тютюнников, Моралевич. В начале 1905 г. в Киеве с‘организовалось отделение Всероссийского Крестьянского Союза П. С.-Р.

Так как К. К. включил в программу действия Союза—активные восстания,—то на этой почве создалось некоторое расхождение с Ц. К. Последний находил, что крестьянские восстания без поддержки городов обречены на неудачу. Киевское отделение В. К. С. действовало несколько сепаратно. Свою литературу для распространения оно получало из Либавы от Северо-Западного Областного Комитета С.-ров.

Таким образом приходится признать, что Киевская организация с.-р. за период нелегального существования к моменту выхода на открытую работу в 1905 г., имела связи как в среде учащихся, интеллигенции, так и рабочих, крестьянства, военных и железнодорожников. И, если связи эти не были массовыми и глубокими, то кадр опытных, испытанных в условиях нелегальной жизни активных работников был на лицо. Было с кем переходить в открытый бой в 1905 г. Натиск ослабился только разногласиями, бывшими внутри организации. Крестьянские работники придавали самодовлеющее значение крестьянскому движению, возлагали особые надежды на крестьянские восстания, скептически относились к городу. Рабочая группа была за самый активный террор—вплоть до фабричного, склонняясь к максимализму. Эти два течения в с.-ровстве—основное и максималистское уже тогда вступали между собою в борьбу, но особенно усилились расхождения в моменты открытого существования в 1905 г. Первым камнем раздора был вопрос о терроре. Террор никогда не был органической частью тактики п. с.-р. Это было лишь одно из средств борьбы.

А тактика в противоположность программе всегда должна была принаравливаться к изменяющимся формам борьбы.

В 1890 г., с ростом промышленности возникшее в городах рабочее движение было даже первоначально исключительно экономическое, но царское правительство, преследовавшее за одно только изучение политической экономии в кружке ссылкой, с‘умело скоро превратить его в политическое. Чтобы укротить движение учащейся молодежи, правительство не остано-

вилось перед созданием „временных правил“, отдачей в солдаты бастующих студентов. Так, снова после некоторого перерыва, созрел террор.

Выстрел студента Карповича в творца „временных правил“, министра Боголепова, обратил только внимание на этот произвол. Лепетания либералов, конечно, никто кроме их самих не слушал. „Вместе с Боголеповым были похоронены эти мудрые „временные правила“. Так, на этом примере мы видим, что за террор партия взялась снова только после того, как годами убедилась, что никакие способы нормальной агитации и пропаганды в царской России не применимы. Гр. Гершуни в своем последнем слове перед военным судом так характеризовал происхождение террора: „когда правительство ставит страну в условия, при которых становится невозможной никакая нормальная общественная деятельность; когда оно превращает жизнь в какой-то хаос, в котором неистовствуют дикие, необузданные причуды власть имущих,—эта жизнь становится нестерпимой для всякого мало-мальски сознательного человека“....

1905 г. поставил в порядке дня вопрос о терроре.

Возможность издавать легальную прессу (Сын Отечества. Революц. Россия и т. д.), открыто выступать на митингах, существование рабочего парламента (Совета Рабочих Депутатов), казалось, делало террор не только не нужным, но и вредным. Вокруг вопроса о терроре разгоралась острая борьба. „Легалисты“ рассуждали так:—террор в партии лишь случайное, временное средство, за невозможностью других способов борьбы. Легальные возможности делают ненужным террор; террор был применим, когда партия была в подпольи, но теперь, когда она непосредственно подходит к массам, террор оттолкнет их. Боевики не склонны были складывать оружие, справедливо замечая, что доверять правительству не приходится, что „весна“ Святополк-Мирского будет кратковременная, и „конституция“ Николая—лишь провокация и оттяжка времени для того, чтобы прийти в себя после забастовочных ударов и крестьянских восстаний и, собравшись с силой, снова удариться в реакцию.

В результате этой борьбы, как известно, партия постановила—террор не прекратить, а приостановить. Боевые организации, свернувшись, своего конспиративного существования не прекращали.

Последние дни перед 17 Октября в г. Киеве.

Первыми забастовками политического характера октября 1905 года надо считать забастовку 11 октября железнодорожников на ст. Киев II и в главных мастерских Юза. Первыми стали токаря. Союз ж. д. являлся вообще одним из наиболее активных Союзов. Комитет Союза об‘явил на 13-ое октября забастовку

Юго-Зап. ж. д. Чтобы не допустить таковую, 12 октября Управление Юза было закрыто.

Но к этому времени революционные события в городе начали вообще разростаться. По согласию местных революционных организаций, 13-го октярбя решено было в университете и политехникуме организовать открытые политические митинги и постараться привлечь на них не только студентов, но и посторонних. Потребность услышать живое революционное слово, предчувствие бури было так сильно, что, минуя полицейские рогатки, уже с утра 13-го октября огромные массы валили в университет. К 1 часу дня собралось несколько тысяч. Часам к двум присоединились политехники. Собрание открыл А. Г. Шлихтер. Это, можно сказать, был первый в Киеве открытый политический массовый митинг. Лед был тронут, страх перед властью пал. Любопытен один факт. Когда в аудиторию, где происходил митинг, зашел ректор университета Цитович, к нему подошел наряду с другими один студент с шапкой и предложил пожертвовать на активную оборону, организуемую с.-р. Ректор, конечно, скрылся, так и не успев произнести заготовленную речь. До 9 часов вечера толпы оставались в университете, беспрерывным потоком меняясь в своем составе. Помимо А. Г. Шлихтера, являвшегося почти бессменным председателем на таких открытых митингах, вели таковые и главными ораторами были от с.-р. К. А. Суховых и от Бунда А. Золотарев.

Жандармы, почуяв беду, в ночь с 13-го на 14-ое решили произвести массовые аресты наиболее активных членов организаций, чтобы обезглавить их, но безуспешно, так как были приняты меры, и публика перестала ночевать дома.

Забастовка разгоралась — движение принимало массовый характер. 13-го Главные мастерские Юго-Западных ж. д. снова забастовали. Стал Южно-Русский машинно-строительный завод. Движение перекинулось из города на деревню: 13-го на митинге в университете появились уже и крестьяне. Такое явление было впервые в Киеве. Стены университета еще не видали на своих сходках доподлинных крестьян. Крестьянская организация К. К. с.-ров прилагала все усилия, чтобы расширить это явление, стараясь оповестить деревни о происходящем в Киеве. Работа Комитета и вообще организации приняла исключительно интенсивный характер. Необходимо было вовлечь в забастовочно-революционное движение побольше предприятий. Агитаторы и пропагандисты переходили з завода в учреждения, из магазина в средне-учебные заведения. Революция делала такие успехи в столицах, что особенного труда уговорить присоединиться к забастовке уже не нужно было. Таковые вспыхивали сплошь и рядом совершенно стихийно. Партийным организациям оставалась лишь техническая часть организации забастовок, и

9

главное направление их, придание им политической физиономии. Изготовление листовок, распространение их, организации массовок и митингов на предприятиях, выступление на них—вот была главная задача дня.

13-го октября организовался для совместных действий Коалиционный Совет из представителей с.-д. (б-ов), меньшевиков, с.-р. Центром революционной жизни, штабом ея стал университет. Туда стекались массы, туда поступали сведения, оттуда отправлялись группы для снятия работающих. События вышли за пределы партийных организаций. Активными солдатами революции стали беспартийные посетители массовых митингов университета. На митинге решали остановить трамваи, и тут же группы лиц отправлялись для остановки вагонов. Раздавались крики—закрыть магазины, и уже бегом из аудитории шли разных категорий лица, чтобы выполнить эту работу. Безымянные, никому неведомые творцы революционного дела!

Но массы уже имели в городе такое влияние, что, напр. по требованию рабочих и студентов-политехников 14-го был освобожден из тюрьмы популярный в то время в Киеве с.-р. К. А. Суховых, арестованный в ночь на 13-ое октября. На улицах уже начали происходить столкновения масс с казаками и полицией, уже не останавливались перед тем, чтобы бросать в казаков камни. Случались и отдельные выстрелы. Газеты об‘явили, что не будут печатать ничего, кроме телеграмм, касающихся „освободительного“ движения. Слово „Революция“ еще боялись открыто произнести.

А охранка работала. Несмотря на урок, полученный от рабочих и политехников, потребовавших освобождения К. А. Суховых, 14-го был предложен генерал-губернатору список 26 с.-д-ов и 37 с.-р-ов, подлежащих снова аресту. Из с.-р-ов, как видно ныне из списка, наряду с действительно активными К. и А. Суховых, И. Прилежаевым, П. Блонской, С. Верцинским, Дорою Рабинович, М. Б. Ратнером и т. д., были указаны абсолютно никакого отношения к революции не имевшие. Жандармами составлялись списки, производились аресты, а между тем события шли своим чередом: бастовали даже гимназии, закрывались магазины. Из одного предприятия забастовщики переходили в другое для снятия не бастовавших с работы. Каждый день приносил сведения о новых останавливающихся предприятиях.

А власти принимали „особые меры“. Город был разбит на районы, подчиненные отдельным войсковым командирам. Войска к университету и политехникуму пропускали только студентов, а все таки аудтории были полны посторонней публикой. На митинге в университете 14-го под председательством А. Г. Шлихтера был выставлен красный флаг п. с.-р.

18-го появился в городе манифест. Немедленно стали организовываться стихийные митинги у университета и думы. Первый крик был—освободить арестованных!

Толпы окружили городскую полицию и под натиском толпы политические из Старокиевского и других участков были освобождены. И со всех районов часам к 3-м к думе сошлись демонстрации. Революционные партии в речах своих представителей старались внушить собравшимся, что доверяться царскому акту не приходится, что при первой возможности он сторицей будет взят обратно, что надо не останавливаться и взять власть в свои руки. Наиболее яркие речи были произнесены А. Г. Шлихтером и М. Б. Ратнером.

А в тот же день начальник Киевского охранного отделения уже телеграфировал департаменту полиции,—что „допущенные вчера анти-правительственные демонстрации, надругание над царскими портретами,—оскорбили национальное чувство патриотов,—каковые восстановили в думе царские портреты, ходили по городу с пением национальнаго гимна. Те же причины и открытая агитация вызвали со стороны черни еврейский погром. Войска за малочисленностью (?!) уже не в силах препятствовать, так как погром распространился повсеместно и подавляется лишь местами“.

Из этой телеграммы меня интересует особенно признание охранки, что была погромная агитация.

Я помню, как возмущались правые газеты, когда на судебном процессе о еврейском погроме в Киеве адвокаты старались установить наличность этой несомненной агитации. Жаль, что в распоряжении защиты не было тогда этой телеграммы Еремина. И в ту же ночь тот же Еремин старается использовать создавшееся в городе погромное положение в своих интересах и телеграфирует тому же департаменту полиции: „С.-революционеры готовят покушение на чинов местной администрации и представителей военного ведомства, обвиняемых в попустительстве еврейского погрома. Между тем прокурор палаты освободил из тюрьмы революционеров, привлеченных к дознанию, в числе коих Скляренко, у которого в апреле арестовали лабораторию бомб, М. Б. Ратнера, известного своими связями с боевиками“. Так телеграммами, протоколами охранки царское правительство отступало на заранее подготовленные позиции, обрабатывая общественное мнение России и Европы в том смысле, что погром устроили чуть ли не сами евреи, во всяком случае вызвав его.

По секретным же донесениям полиции и охранки, с которыми (документами) мне то же удалось ознакомиться, дело обстояло несколько иначе. 18-го октяаря у еврейского училища на Кузнечной улнце патриотическая манифестация взяла пор-

трет императора Николая и с ним пошла к думе. Оттуда для разжигания[1]) были внесены разорванные портреты царя. Оттуда манифестация направилась к Софийскому собору. Там ее уже ожидал „высокопреосвященный митрополит Флавиан с духовенством, хором Москалева и толпой верующих“[2]). С оркестром музыки, хором Москалева, духовенством, хоругвями направились далее к „Киевлянину“—там отслужен был молебен. Далее полиция говорит, что от Киевлянина манифестанты разбились на группы по всему городу, где уже происходил погром. Эта мол братия в погроме не виновна, она лишь ходила, пела „боже царя храни“, носила портреты. Когда в комиссии сенатора Турау и на судебном процессе защита старалась установить, что погром был учинен с благословения его высокопреосвященства и киевского духовенства под торжественные звуки „боже царя храни“, исполняемые, как оркестром, так и хором Москалева—защите замыкали рты, утверждали, что это ложь. Полиция также старается установить, что войска в Киеве для противодействия погрому не хватало. Это при нескольких тысячах полиции, жандармов, 4-х пехотных полках, нескольких батареях артиллерии, целом уральском казачьем полку, саперных, понтонных батальонах и нескольких юнкерских училищах?! Интересно, что этот же погром при тех же войсках в один момент был прекращен, как только сверху было скомандовано „довольно“.

А в Лукьяновской тюрьме было в это время тяжело и неспокойно. Трудно было заключенным понять, что происходило на воле: „Свобода“, революционные митинги, манифест, новый тон даже легальной печати,—тут же политические аресты, погром. В 11 часов вечера из камеры политических один попросился в уборную. Когда открыли дверь, все выбежали и набросились на дежурного жандарма. Он выстрелил. Подоспели другие жандармы и начали стрелять по камерам.

Был тяжело ранен студент Петр Сайдах. Все это было, конечно, безсмысленно: без оружия, без плана и подготовки побега, но легко теперь анализировать; тогда было просто немыслимо далее так жить сидящим в тюрьме, нечем было дышать. Конец 1905 года памятен, вероятно, всем. Воспользовавшись раздроблением сил, отвлекающим внимание еврейским погромом, натравив солдат на рабочих:—реакция в потоках крови затопила первую российскую революцию.

Но и в черные дни торжествующей реакции отдельными вспышками еще давал себя знать народный гнев. Так, 18 ноября 1905 года в Киеве взбунтовались 2 роты 4-го и 5-го понтонных батальонов. Военная с.-р-овская организация все усилия

---

[1]] Это пишет сама полиция.

[2]) Что так написано прошу посмотреть дело Киевск. охран. отдел. № 73—1905 г., „О беспорядках и забастовках в Киеве“.

прилагала к тому, чтобы остальные части гарнизона поддержали понтонеров, но в виду слабости связей, восстание оказалось изолированным и, конечно, задавленным. Но психологически для Киева, уже начинавшего свыкаться с реакцией, начинавшего снова верить в силу царского самодержавия—восстание даже 2-х рот имело тогда огромное значение. Еще бы. Штыки, на которые опиралось правительство, заколебались. Не удивительно, что немедленно Киев был об'явлен на военном положении.

Создавшаяся новая обстановка борьбы (с одной стороны—манифест, с другой—начавшаяся реакция) поставила перед п. с.-р. необходимость срочного созыва украинского областного с'езда п. с.-р. для срочной разработки плана и методов дальнейшей работы. Конечно, с'езд этот был снова нелегальный.

1-го декабря 1905 г. он и состоялся в Киеве.

Присутствовали на нем 24 делегата от Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Курской, Ровненской организаций.

По докладам с мест выяснилось:

в Киеве после 17-го октября организация вышла из рамок легальной работы. Были с'организованы и успешно действовали: рабочая, крестьянская, профессиональная, заводская и студенческая организации. Читались открытые лекции по с.-р-овск. программе в университетских и политехнических аудиториях.

Полтавская губ. Наиболее охвачены с.-р-ами были в г. Полтаве водочный завод, типография и служащие земства. В губернии наиболее сильные организации были там, где раньше имели место крестьянские восстания: Карловка, Искровка, Кочубеевка.

Харьковская губ. Под с.-р-овским влиянием находился паровозостроительный завод Гельферих-Аде.

Екатеринослав. Характер работы по преимуществу митинговый.

Воронежская и Курская губ. Значительные крестьянские организации.

Ровненская. По преимуществу городская работа.

На 4-м заседании, еще до разрешения главных поставленных вопросов, областной с'езд в полном его составе был арестован, при чем захвачены были протоколы с'езда и ряд других документов; как телеграфировала охранка департаменту полиции, из 24 участников с'езда—12 отказались указать свои квартиры и назвать свои фамилии. При 6-ти оказались револьверы.

После провала с'езда почти весь Киевский Комитет был также взят. Осталась лишь Елизавета Ящуржинская и Лев Суховых. К сожалению, на с'езде были захвачены наиболее ак-

тивные и ценные работники Украины, что значительно в дальнейшем отразилось на работе организаций Украины.

На С‘есде были взяты:

1) Беляев В. А.—пом. прис. пов. Привлекался еще в 1902 г. по делу нелегальных типографий в Томске. В 1905 г. привлекался по делу Черниговской типографии.

2) Исаак Берлин—соучастник покушения в 1903 г. Фрумы Фрумкиной на начальника Киевского губернского жандармского управления, генерала Новицкого.

3) Всеволод Родзейовский—старый партийный нелегальный работник, соучастник вместе с П. Добровольским убийства Лубенского исправника.

4) Ратнер Гр. Павл.—На квартире его была обнаружена лаборатория бомб.

5) Селюк Мария Фроловна—представительница Ц. К. на с‘езде.

Кроме того были арестованы на с‘езде: С. И. Лагунов, Б. Плесский, И. Прилежаев, Г. Раввич, К. Суховых, Вера Фалькнер, А. Бачинский, Р. Бонч-Осмоловский, Браславская; крестьянин С. Забелин; крестьянки: Пивна Кудрявцева, Зоя Семикова и Андриян Тимофеев, Григ. и Исаак Галкины. Председательствовавший на с‘езде П. А. Лазаркевич скрылся заграницу.

С одной стороны из обращения из‘имали головки организаций, с другой—массы еще продолжали свой наступительный революционный ход. 2 декабря 1905 г. Киевской с.-р-овской организацией было выпущено воззвание с призывом ко всеобщей забастовке в Киеве. Воззвание составлял, если я не ошибаюсь, М. Я. Гендельман. С.-д. организациями были выпущены такие же воззвания, но волна уже начала спадать, реакция побеждать, и забастовка носила лишь частичный характер.

Но не надо себе представлять, что после дней „Свобод“ 17 октября немедленно же в стране все затихло. Разбушевавшееся море народного негодования даже и вооруженной царской власти ввести в берега было не так легко. Борьба продолжалась, и революционные партии, не взирая на аресты,—оружия еще не складывали.

Вот маленький пример тогдашнего настроения: толпой были убиты в Киеве в начале декабря 1905 г. два филера охранки—Славин и Галясевич. В ночь на 9 декабря был арестован по подозрению в этом убийстве с.-р. Федор Алексеев, но по дороге был отбит толпой рабочих.

1905 г. был годом открытого существования партии, и не удивительно, что вскоре после ареста областного с‘езда были арестованы и другие активные работники, выявившиеся во время полулегального существования организации.

Так, 12 декабря 1905 г. были арестованы:

1) Крестьянин Василий Бойко—боевик.

2) Р. З. Балабан—работала в Киевском гарнизоне.

3) Студент П. Блонский—участник покушения на начальника Киевской охранки Спиридовича.

4) М. Я. Гендельман—член К. К. из кружка Балмашева, проходил по циркулярам департамента полиции еще в 1902 г. под № 3767 и в 1904 г. под № 5500.

5) Алекс. Зарубин—член партии с 1902 г.

6) Студент Конст. Скляренко.

7) Мария Заднева—хозяйка конспиративной квартиры.

8) Анна Свет и ряд других лиц, в общем до 25 человек.

Большим уроном было не только арест активных работников, но и взятие 13 декабря 1905 г. нелегальной типографии по Андреевскому спуску в д. № 28, в квартире Алексея Пастушенко и Василия Раковца, где, кроме типографии, взято было 15 готовых цилиндровых бомб и 3 заряженных. Это задержало выпуск разных изданий, не дало выполнить намеченный по Киеву ряд террористических актов. А к этому моменту, убедившись в обмане „Конституции“ 1905 г., организации с.-р. снова законспирировались и переходили на боевую работу.

В связи с арестом этой лаборатории и типографии не излишне напомнить про не безизвестного в Киеве пристава Старокиевского участка Цветковича, который, по словам охранки, „весьма охотно выполнял все поручения местного охранного отделения, не в пример прочим сам вызывается на все обыски, сопряженные с явной опасностью для жизни“... почему охранка „просит поощрить его полезную деятельность“—орденом Владимира 4 степени.

Хотя на обыск пришел он не один, а с ним между прочим было 20 солдат Селенгинского полка, наряд полиции, пожарные охранники, но Владимира 4-й степени ему дали. Так, за простой факт обыска лаборатории пристав превратился в дворянина. К сожаленію, жившие в лаборатории спали во время прихода полиции; дверь уже была выломана пожарными, и те не успели пустить в ход бомбы, иначе приставу Цветковичу не носить дворянского мундира.

Интересна также просьба генер. губернатора Сухомлинова (впоследствии воен. министр) к прокурору Киевского окружного суда „не отказать дело о лицах, арестованных в этой лаборатории препроводить в Военно-окр. суд“, что, конечно, было и выполнено, и Алек. Шуршалкин, Соломон Глуз и Анатолий Рутковский были приговорены к 10 годам каторги каждый. Начальник Киевской охранки, ротмистр Еременко, не удовольствовался одним лишь фактом ареста типографщиков и представлением пристава к Владимиру 4-й степени. Ему хотелось изобразить из себя в этом деле героя, и вот 23 апреля

1905 г. за № 1343 он спешно доносит департаменту полиции заведомую ложь, будто „Местный центральный с.-р. комитет возмущенный арестом бомб, предполагавшихся на какое-то вполне организованное покушение как раз в день их ареста,— организовал теперь покушение на него“.

Последним ликвидационным арестом Киевской организации был арест 18/XI—1906 г. на М. Васильковской улице рабочей с.-р. группы, выданной провокатором. Арестованы были на собрании в квартире портнихи В. Фейгельман: портной—Д. Пономаренко, приказчик Л. Чуйко, слесарь С. Липский, дворник В. Укрымский, переплетчик К. Тюлюков, сапожники И. Кибицкий, П. Лаврусенко, работница Р. Гурецкая, 2 нелегальных работника С. Ф. Зильберман и А. Павленко и выдавший всех провокатор, конечно, немедленно освобожденный.

В заключении не могу не коснуться, хотя-бы вкратце, действовавшего в то время Крестьянского Союза.

В марте в Москве состоялось совещание Всероссийского Крестьянского Союза, в большинстве своем фактически тогда бывшего с.-р-овским. На с‘езде было констатировано „что репрессиями организационная работа задавлена. А между тем сознательные крестьяне считают Государственную Думу бесполезным учрежденiем. Таким образом, наличность революционнаго настроения в части крестьянства еще имелась. При создавшихся политических условiях, репрессиях—работа должна итти не в ширь, а в глубь. Для поддержания революционнаго настроения с‘езд рекомендовал захват помещичьих посевов, отказ от покупки и аренды земель у помещиков“.

В Киеве в 1906 г. после этого с‘езда сьорганизовано было бюро этого крестьянского Союза. Сьорганизовал его т. Анатолий Иванович, который, уезжая из Киева, передал эту работу т. Нине. Выпущенный Бюро „Весенний листок“ пользовался у крестьян большим успехом—он просто излагал историю разгрома 1905 года, Дубасовщину в Москве, кровавые экспедиции полковников Мина и Римана, Алиханова на Кавказе, Рененкамфа в Сибири, Орлова в Прибалтике, Сандецкого в Екатеринославе, Лужановского в Тамбовской губернии, Филонова в Полтавской губ. и т. д. Воззвание подчеркивало, что при таких экспедициях настоящей Думы не выберешь. Ясно, что это будет Г. Дума— из дворян, помещиков, духовенства, купцов, фабрикантов, а от крестьян—от кулаков, волостных старшин, писарей. Не надо забывать, продолжал листок, что, кроме Думы есть еще Государственный Совет, а в нем не будет ни одного крестьянина, ни одного рабочего. Правительству Г. Дума нужна на короткий срок для нового займа. Ваша задача—это передача земли трудовому народу. Государственная Дума не даст Вам земли. Если

Вы успокоитесь и дадите передохнуть правительству и помещикам—все пропало!“.

Наиболее распропагандированными были Каневский, Чигиринский и Черкасский уезды.

22 мая 1906 г. в Каневе состоялся с‘езд представителей братств этого Крестьянского Союза, который постановил:

1) Повести немедленную пропаганду отказа взноса податей.

2) Организовывать тайные, нелегальные братства.

Был составлен образец приговора, вкратце говорившего:

—Нет исхода мирным надеждам, ищите, граждане, правду не просьбами и милостынями у сильных и богатых, ищите ее собственными руками. Государственная Дума—это панская Дума—нам нужно Учредительное Собрание.

Земля должна быть отдана народу.

Амнистия.—

На с‘езде этом также обсуждена была присланная из Москвы следующая инструкция:

Задачи крестьянской группы.

а) Организовать крестьян на почве непосредственной борьбы крестьян с помещиками и властями.

б) Проведение революционнаго самоуправления народа во всех ступенях снизу до верху.

в) Устройство митингов, с‘ездов выборщиков.

План агитации.

Что делается в настоящее время в городе и селах. Крушение самодержавия. Борьба за власть помещиков и капиталистов.

Цели и задачи различных партий. Солидарность интересов рабочих и крестьян.

Подчеркивать, что этот год—год решительный для народного дела.

Старая власть рухнула, новая еще не окрепла.

Необходимо крестьянству воспользоваться таким моментом.

Девиз „земли и воли“.

Необходимость немедленного осуществления революционного самоуправления снизу до верху.

Захват земли. Государственная Дума не даст санкции захвата—нужно Учредительное Собрание.

План действий.

а) Союзы образовывать из всех крестьян, кроме кулаков и др. врагов передового народа и затем присоединяться к п. с.-р.

б) Преобразование сельского схода по четырехвостке.

б) Не признавать никакого начальства, кроме своего выборного.

Не платить податей.

г) Организация боевых дружин.

д) Средства для этого добывать путем захвата винных лавок и др. казенных учреждений.

Но осуществить эти планы в создавшихся тогда условиях политической жизни России не удалось.

И. Скловский.

А. Н. Галаева-Степанова.

Нет Настеньки, прекрасной Настеньки, чей образ даже на расстоянии напоминал, что в жизни, кроме теней и черных пятен, имеются солнечные лучи, чистые источники красивой души.

До последнего часа жизни, почти агонируя, Настенька не порывала интереса и живой связи с миром внешним и нашей печальной действительностью. За день до смерти, после приступа мучительных страданий, обессиленная, едва дышащая, Настенька просит прочесть ей газету, которую каждый день я ей обязательно прочитывала.

Только за два дня до ея смерти мы еще продолжали обычное по вечерам чтение, прерываемое часто почти обморочным ее состоянием. Угасла жизнь, лучами которой грелись все знавшие ее, жизнь, служившая примером и ближним и дальним.

Настеньки не стало... Подготовляемая к этой страшной минуте годами, я все же оказалась не готовой к ней, и смерти Настеньки не приемлю. Вот почему так мучительно трудно мне сейчас предаваться воспоминаньям о ней—бывшей, а не сущей. Сугубо тяжело и трудно: вспоминая о Настеньке, периода послереволюционной ея деятельности по независящим причинам коснуться не могу. Ограничусь поэтому пока беглым очерком. Со временем, при более благоприятных условиях, сумею дать более подробный материал для увековечения светлой памяти Настеньки, как человека и борца за Анархические Идеалы.

Родилась Настенька с сестрой близнецами в 1885 году в городе Симферополе в рабочей семье. Отец, Николай Галаев, рабочий-пекарь, мать—бывшая домашняя прислуга. В поисках лучших условий труда семья перекочевывала с места на место по всей Екатеринославской губернии, всюду преследуемая нуждой и заботами. Отчаявшись выбраться когда-либо из тупика материальных невзгод, Николай Галаев решает обосноваться на Амуре (поселок Екатериносл. губ.) и открыть свое собственное „дело“—хлебопечение. В вырытой им самим землянке соорудил печь и с помощью двух десятилетних ребят по ночам выпекает хлеб, который утром мать разносит по поселку.

Вот в этой то землянке под влиянием отца зарождаются первые проблески сознания у девочки Настеньки.

Николай Галаев сам в рабочем движении не участвовал, но, работая много лет по чужим мастерским совместно с другими рабочими, он не мало наслушался от последних о рабо-

чем движении на Западе и в России. В беседах случайных, осторожно коротких, он обрел некоторые смутные представления о существующем социально-общественном строе. Все элементарно, смутно им воспринятое когда-то, Галаев теперь, во время ночных работ, вспоминает и передает своим девочкам. Говорил он им о борьбе за лучший строй и порядок жизни, о борцах и славной смерти их. Говорил, что знал о декабристах и народниках, называл славные имена Желябова, Перовской и других борцов, отдавших жизнь за волю и счастье народа.

А. Н. Степанова-Галаева.

Затаив дыхание, широко открыв большие мерцающие глаза, слушала безсистемное повествование девочка Настенька. Во время необходимых в работе перерывов, читали вместе Некрасова, Шевченко, Надсона, Гаршина. Настенька жадно поглощала читанное; как губка, впитывала душа ребенка слышанное, не по летам интенсивно работала светлая головка.

Случалось порой, в разгаре работы, зашуршит что-то подозрительно у забора. Слышны чьи-ти торопливо удаляющиеся шаги, выскочит отец во двор и возвращается скоро, таинствен-

но хмурый со свеже-отпечатанной прокламацией в руках. Неведомая рука просунула ее в трещину забора. На время работа приостанавливается, отец читает прокламацию, девочка чутко внимает. Торжественно-суровым тоном вычитывает отец воззвания к рабочим бороться за свое экономическое и политическое раскрепощение, вычитывает угрозу врагам угнетенных и порабощенных...

Звездами играют глазки девочки Настеньки, жертвенной радостью озарено личико. Ах, вырасти бы только!.. какое то будет дивное время, когда, как равная с равными, она станет в ряды борцов против врагов угнетенного класса. Как гордо, врагов презирая, она отдаст свою жизнь за торжество правды и справедливости на земле!

Замкнуто, изолированно от окружающих жила семья Галаева, и потому подруг у Настеньки было мало. Приблизительно на 16 году впервые знакомится и тесно сближается с анархистами—братом и сестрой Кравцовых. В семье Кравцовых встречает других анархистов—рабочих, двух-трех интеллигентов. Туда же приходит молодежь других убеждений, с которой ведутся споры, дискуссии. Настенька чутко прислушивается, зреет, формируется, крепнет.

Почувствовав себя окрепшей достаточно, чтоб перестать, по ея словом, „гостевать“ в революционном движении, Настенька стремится к практической работе. Тянет ее попытать свои силы в деревне.

Будучи малограмотной, Настенька со своей любимой подругой Ульяной Кравцовой решают принасесть на грамоту и сдать экзамен на звание народной учительницы. Настенька учится, сдает экзамен, проваливается. Через несколько месяцев снова экземенуется, экзамен сдан; еще несколько месяцев в поисках кондиции, и цель достигнута. Настенька едет в Петроградскую губ. в качестве народной учительницы.

Первые письма друзьям носят характер смущенно-тревожный. Ей кажется, что она неумело подходит к крестьянам, оттого последние ее плохо понимают. Но чем дальше, тем письма бодрее, жизнерадостнее. Обладая исключительными душевными качествами, подкупающей прямотой, задушевной искренностью, Настенька быстро завоевывает себе доверие и симпатию крестьян. Ну, а „там уж поприще широко“. Настенька целиком отдается работе анархической со взрослыми и школьно-воспитательной с ребятами. Два года Настенька деятельно и плодотворно провела в Петроградской губ. Приближался 1905 г. Настеньку отзывают товарищи в Екатеринославскую губ. Там она вновь окунается в водоворот боевой анархо-революционной работы: организации и ведения анархических кружков, распространения литературы, организации побегов товарищей-смерт

ников из тюрьмы и увоз одного из них (известного анархиста Петра Аришнова) из пределов России и т. д., т. д. Наконец, первый арест Настеньки в декабре 1908 г. Инкриминируется ей принадлежность к организации анархистов-коммунистов, связь с заграничными анархистами и участие ея на совещании анархистов по вопросу о взрыве в гостинице „Франция". Кажется, после $1^1/_2$ г. заключения Настеньку до окончания следствия выпускают на поруки отца. Приблизительно через год проваливается в Москве группа анархистов. У одного из арестованных находят письмо Настеньки к приехавшему к тому времени в Россию и нелегально живущему в Москве Петру Аришнову. Настенька вновь арестовывается и после года заключения под следствием приобщается к большому процессу анархистов-коммунистов 152-х. Судится в 1911 г. в Екатеринославе в числе других военно-окружным судом по 102 статье и приговаривается к 4-м годам каторги.

Все, кому приходилось бывать в одной тюрьме с Настенькой, никогда не забудут обаятельной фигуры „Лапши", „Журавля", высокой тонкой, подвижной Настеньки, которая всегда говорила „слетаю" вместо схожу или пойду. „Летала" она от прозурки к прозурке, из камеры в камеру: записку ли „перетырет" товарищу, махорку ли „постреляет" для сокамерников, или сговорится с товарищами из соседней камеры относительно совместной борьбы с администрацией. „Летает" гибкая фигура Настеньки, светится всегда одухотворенное лицо, сияют огромные звезды-глаза.

Не обладала Настенька тем, что называется даром слова, и не любила выступать, но с мнением ея, высказанным коротко, всегда товарищи считались.

Подняв „волынку" с администрацией по какому-нибудь случаю, Настенька не мирилась ни с какими компромиссами, чего бы это ей ни стоило.

Перевели однажды в камеру, где сидела Настенька, уголовную каторжанку Орлову, злостную предательницу. Предательством она травила всех заключенных, особенно своих сокамерниц. Жизнь в камере стала невыносимой. Решили товарищи Орлову выкурить. Потребовали от администрации убрать из камеры Орлову. Ответом на требование был карцер. По возвращении из карцера требование возобновляется. В ответ снова карцер. Пошла война: „вновь и вновь карцер". Некоторые товарищи уже готовы итти на уступку. Настенька непримирима. Поддерживает боевое настроение у слабых. В продолжении нескольких месяцев длится борьба. Наконец, измученная физически, но бодрая духом Настенька победила... Только Настеньку и Евгению Татарскую (лучший тов. Настеньки в этой неравной борьбе) переводят от всех товарищей в изолированную камеру.

Расшатала, в конец надломила свое здоровье Настенька в этой полугодовой борьбе и сидении в карцерах, но она была безмерно счастлива победой.

Своеобразная манера была у Настеньки выражать радость или горе:—на воле, бывало, если случится какая-либо особая удача: побег товарища из тюрьмы, удачно проведенная массовка, прибытие транспорта литературы или оружия, срывает Настенька со стены гитару, ударяет по струнам, симпатичный грудной голос звучит радостью: „Ах, вы сени, мои сени, сени новые мои"! Весело глядит на друзей и пляшет, пляшет. Если горе какое, неудача—та же гитара, усядется Настенька где-нибудь в уголку, сгорбится как-то и, перебирая пальцами струны, тихо, печально поет: „Сижу за решеткой темницы сырой"...

Переведенная с Татарской в отдельную камеру, Настенька в радости хватает метлу, перебирает воображаемые струны, поет: „Ах, вы сени, мои сени"... и вместе с Татарской пляшет. Увы... пляска и песни быстро обрываются отдышкой и мучительным кашлем. „Тю!"—восклицает Настенька в перерывах кашля в недоумении. Правда, давно уже Настенька покашливать стала, побаливал сильно и бок иногда, но прислушиваться не было ни настроения, ни времени. В этот раз кашель уж очень назойлив, а боль в боку особенно остра. „Тю"!—повторяет Настенька обычное свое восклицание при неожиданности, все еще не придавая серьезного значения надвигающемуся несчастию. Прихварывать однако стала все чаще. Врач тюремный нашел активный процесс в правом легком и по тюремному стал „полечивать". Появилась раз кровь горлом... „Тю"!—шепчет Настенька уже тревожно, но все еще думает, что заболевание это случайное, временное, и надеется на скорое выздоровление.

В Екатеринославской тюрьме Настенька просидела, кажется, до 1914 года. В хронологии последних лет заключения Настеньки буду не точна, так как плохо осведомлена об этой поре ее жизни. Приблизительно в 1913-14 г.г. Настенька была переведена в Московские Бутырки; знаю, что большую часть своего заключения в Москве она пребывала в больнице, что ко времени окончания срока каторги у Настеньки было поражено и левое легкое. В 1915 г. кончился срок каторги, и Настенька была отправлена в ссылку на поселение в Иркутскую губ., в деревню Осиновку, Киренского уезда.

В Осиновке Настеньку встретили товарищи поселенцы очень радушно, приняв ее в члены своей коммуны. Организована была коммуна задолго до приезда Настеньки известным анархистом Павлом Арсентьевым, окончившим срок каторги и находящимся на поселении [1]).

---

[1]) Во дни январьского восстания против Центральной Рады Павел Арсентьев, в то время муж Насти, организует в клубе Анархистов на М.-

С удовольствием и признательностью к товарищам вспоминала Настенька время своей жизни в коммуне. Члены коммуны, принадлежавшие к разным партиям, жили спаянной, дружной трудовой семьей. Под влиянием здорового сибирского климата и братски-заботливого отношения Настенька быстро стала поправляться, через несколько месяцев уже без особого труда могла взять на себя ведение домашнего хозяйства. За несколько месяцев до революции Настенька с Арсентьевым переехали в Иркутск; после мартовского переворота они приехали в Киев.

Жизнерадостная, полная бодрости и надежд, Настенька „ныряет“ в общественную работу. Часть времени отдает комитету помощи амнистированным политическим; весь остальной досуг запоенно проводит в Ассоциации Анархистов-Коммунистов. Тут она не знает ни устали, ни передышки, без остатка отдавая себя анархической работе. Чрезмерная трата душевных и физических сил быстро сказывается на слабых легких, процесс возобновился... Настенька стала хворать. Пропорционально разрушению физических сил росла сила духовная. Словно предчувствуя, что времени ей отпущено немного, Настенька каждый миг своей жизни скупо урывала для любимого дела, для работы во имя торжества Анархического Идеала. Смерть горячо любимого друга и товарища Павла Арсентьева будто еще усилила в ней жажду деятельности. Горе не согнуло, а словно ещё выравнило Настеньку. Никто из близких не слыхал от нее в ту пору тяжкую ни жалобы, ни вздоха. Настенька только суровее стала, да вечером поздно, оставаясь одна, перебирая струны гитары, тихо, печально певала: „Сижу за решеткой темницы сырой“...

Время шло... время бурное, требующее максимума сил и активности от анархиста-революционера. Настенька работала в подполье при всех сменах власти на Украине. Жизнь проводила напряженно-тревожную и без передышки. И... Настенька надорвалась. С 1922 года она уже почти не покидает постели. 26-го октября 1925 г. утром Настеньки не стало.

О. Таратута.

Житомирской, в Киеве, боевую базу для сопротивления гайдамакам. 18 января, во время вылазки, он был смертельно ранен. Будучи подобран санитарами, он был отправлен в госпиталь На дороге он был вновь схвачен гайдамаками, которые, узнав в нем анархиста, зверски добили его.

Краткое воспоминание о Е. А. Дубровине.

Декабря 26-го 1920 г. (ст. стиля) скончался после тяжелой и продолжительной болезни (гнойный нефрит) врач—бактериолог, Евгений Александрович Дубровин. Родился Е. А. 13 ноября 1856 г. в Пензе, откуда вскоре родители его переехали в Саратов. Пятилетним мальчиком он потерял мать. Евгений и его старший брат остались на попечении отца и старушки-бабушки. Бабушка в их памяти оставила теплое воспоминание. Юношей Е. А. не был чужд общественным вопросам и состоял членом кружка молодежи, из которого вышло не мало политических деятелей. Особенно любил он своего товарища по гимназии, С. Г. Ширяева. По окончании гимназии в Саратове, Е. А. уехал в Петербург и поступил в военно-медицинскую академию; окончить ее не пришлось: студентом 5-го курса он был арестован зимою 1882 года за сношение с заключенными Алексеевского равелина Петропавловской крепости. 19 человек солдат внутренней стражи крепости были на стороне заключенных. Через одного из этих солдат С. Г. Ширяев посылал свои письма к Е. А. Дубровину. Последний должен был передавать их членам Исполнительного Комитета. Когда была арестована Перовская, при обыске в ее квартире была найдена зашифрованная записка—это было письмо одного из заключенных равелина. Правительству удалось ее расшифровать. В ней было названо имя и фамилия того солдата, который передавал письма заключенных Е. А. Дубровину. Это был прямой повод к аресту. [1]) Просидев

---

[1]] Хотя при арестах Желябова 27 февраля и Перовской 10 марта 1881 года были найдены зашифрованные собственноручные письма Нечаева из Алексеевского равелина Петропавловской крепости, но эти письма не послужили поводом к аресту посредников в сношениях Нечаева с Исполнительным Комитетом партии „Народная Воля“. Несколько названных фамилий в записке, найденной у Перовской, возбудили смутное подозрение; у некоторых унтер-офицеров из Алексеевского равелина были произведены обыски. Но обыски и допросы ничего не обнаружили. Мысль о возможности сношений заключенного в Алексеевском равелине с революционерами на воле была так чужда следователям, что они так и не догадались о происхождении этих писем. Раскрыл все дело Мирский [ст. П. Е. Щеголева в V т. „Красн. Арх“.], осужденный в 1879 году за покушение на шефа жандармов Дрентельна и посаженный в равелин.

Сергей Геннадиевич Нечаев принимал участие в революционном движении с 1868 года. Выданный Швейцарией, он был осужден в 1873 г. на 20 лет каторги, заключен в Алексеевский равелин, где и умер в 1883 году.

полтора года в Петропавловской крепости, все арестованные по делу организации побега должны были быть судимы. В 1884 [2]) году состоялся суд. Е. А. был приговорен к 20-тилетней каторге, без всякой просьбы со стороны подсудимого, замененной 4-хлетней. Приговоренным пришлось сидеть еще несколько месяцев до отправки на Кару. Длинен и труден был путь, длившийся несколько месяцев. Через $2^1/_2$ года Е. А. Дубровин был освобожден с каторги и был поселен в маленьком городке Баргузине на Байкале. В Баргузине Е. А. занимался врачебной практикой и имел впоследствии место приискового врача, разумеется, не самостоятельного. Выписал он микроскоп, кое—какие реактивы, краски, книги и начал заниматься своим любимым делом—бактериологией. Не весело жилось ему там, в глухой Сибири. Одиннадцать лет Е. А. провел в этой однообразной безцветной обстановке. Лишь иногда монотонная жизнь разнообразилась каким—нибудь эпизодом в роде следующего: один из местных священников вел агитацию против политиков, Е. А. также не был им забыт. В городке случился тиф. Е. А,, насколько мог, подавал помощь больным. Заболел и священник. Покойный пришел к нему и посещал его, пока он не поправился. Священник после выздоровления пришел к Е. А. просить прощения, обещая больше не вредить политикам. В 1898 г. Е. А. было разрешено сдать экзамен на врача, такое же разрешение получили еще 6 политиков. Трудно было этой группе сдавать экзамены: им не давали ни клиник, ни больниц; все, что нужно, они могли узнавать через сторожей и студентов. После полу-

---

После нескольких лет заключения в действительно ужасных условиях, он сумел распропагандировать и привлечь на свою сторону значительный контингент охраны равелина и начал стремиться к сношениям с волей и устройству побега. Мирский никаких связей с волей не указал ему. В ноябре 1880 года в равелин был посажен Ширяев. Он дал Нечаеву адрес своего товарища по гимназии, Е. А Дубровина, чернопередельца. В начале декабря рядовой Андрей Орехов доставил Дубровину первое письмо Нечаева, которое тот передал члену Исп. Ком. Г. П. Исаеву. Кроме лиц, служивших в Алексеевском равелине, посредниками между Нечаевым и Ис. Ком. были обер-фейерверкеры Охтенского порохового завода Филиппов и Иванов. *Ред.*

[2]] Суд происходил в 1882 году. Было собственно два процесса: по первому судились 19 рядовых, 3 жандармских унтер-офицера, смотритель равелина полковник Филимонов и его помощник, поручик Андреев, за несоблюдение особых обязанностей караульной службы. По второму—3 декабря 1882 года г. судились по обвинению в государственном преступлении и приговорены: студент Дубровин к 4 годам каторжных работ, оберфейерверкер Филиппов к 5 годам каторжных работ, нижние чины: Штырлов, Бызов, Кузнецов, Колыбин, Юшманов, Тонышев, Колодкин, Орехов, Борисов, Дементьев, Терентьев, Петров, Архипов и Вишняков на поселение в Сибирь, обер-фейерверкер Иванов—к тюремному заключению на 6 месяцев. *Ред.*

чения диплома врача, Е. А. уехал в Петербург, где работал несколько месяцев в Еленинском Институте. Пробыв затем некоторое время временным врачем в большом торговом селе Бекове, Петровского уезда Саратовской губ., Е. А. получил место земского врача в г. Сердобске Саратовской губ. Месяца через 3 он был уволен по приказу департамента полиции с запрещением занимать земскую службу. В 1901 г. Е. А. был вызван в Александров-Гай Самарской губ. и привлечен к участию по борьбе с чумой, а затем назначен старшим врачем чумных отрядов в Киргизских степях. С Е. А. был снят запрет занимать общественные должности. По вопросам о прививках Е. А. работал в Киеве у проф. Высоковича и в Кронштадте, в форте Александра II. Из его заграничной поездки в Будапешт (в Венгрии) на с'езд врачей отмечу 2 курьеза—где его смешали с известным черносотенцем, доктором А. И. Дубровиным. Мы зашли в „Ферейн" русских и латышских студентов. Когда пришли, Е. А., пред'явив свою визитную карточку, сел в 1-й комнате, а я пошла в соседнюю послушать реферат. Через несколько минут произнесенная вполголоса фамилия „Дубровин" заставила меня оглянуться; я увидела нескольких студентов, которые указывали на ту комнату, где сидел Е. А. Моментально сообразив, в чем дело, я подошла к ним и сказала:—Вы шокированы появлением у Вас гостя, доктора Дубровина. Напрасно, он не тот, за которого Вы его приняли, он только однофамилец, того зовут А. И., а этого Е. А. Чтобы не быть голословной, укажу Вам на статью его товарища, шлиссельбуржца П. Поливанова, помещенную в „Минувших Годах" за такой то год. Из этой статьи Вы узнаете разницу между А. И. и Е. А. Дубровиным.—Студенческая библиотеки помещалась тут же, скоро была розыскана указанная книга, один из студентов громко читал статью, публика слушала. Как резко изменилось отношение! Перед нами начали извиняться, распрашивать, прося дополнить кое-что из прочитанного, угощали чаем, пивом. В 11 часов вечера проводили до пансиона, где мы жили. На другой день утром пришло трое студентов, предлагая показать Вену и помочь в других затруднениях. До самого от'езда мы имели в студенческой семье друзей. Другой курьез.—На ст. Вержболово в таможне вещи подлежали осмотру. Жандарм громко называл фамилию владельца, а служащие таможни приступали к осмотру. Когда дошла очередь до нашего чемодана, за обычным возгласом жандарма последовал ответ чиновника: „Осматривать не надо, пропускай вперед, т. е. на платформу". Однофамильность с А. И. Дубровиным ставила не раз Е. А. в затруднительное и тяжелое положение: приходилось раз'яснять, об'яснять и т. д. Осенью 1912 г. покойный перенес воспаление легких и выпотной плеврит. Не дождавшись полного выздоровления, начал работать и заболел

воспалением почек, которое и вызвало в конце концов роковой исход. Е. А. принял приглашение своего товарища по Каре Г. Ф. Осмоловского и в 1913 году переехал на службу в Николаев. До весны 1920 г. он работал в городской больнице в должности прозектора и бактериолога. Когда не стало трамвая, покойному было очень трудно ходить до больницы, извозчиком нельзя было ему пользоваться—тряска обостряла боли, и с марта 1920 г. с болью в сердце Е. А. взял место заведующего Санитарно-анатомической станцией. Но там приходилось работать в неотапливаемом холодном помещении, это тоже сыграло роль в его болезни. Преданный науке, своим опытам, он вообще мало заботился о своем здоровье. Больше того, производя разные опыты прежде всего на себе, он не раз подвергал себя серьезной опасности. Так по окончании борьбы с чумой, ему захотелось испытать на себе действие сыворотки Шерсена. Молодой врач Ш. делал вспрыскивание в течении нескольких дней. После 4-го или 5-го вспрыскивания Е. А. слег в постель. Температура поднялась свыше 40, начался сильный, потрясающий озноб, появился пот, красная мелкая сыпь покрыла все тело. Озноб и жар продолжались несколько дней. Больному стало трудно глотать даже воду, особенно была тяжела ночь на 7-й день после болезни. На разсвете больной уснул. Проспав несколько часов, он проснулся, попросил пить и спросил, давно ли болен. Отличительной чертой характера Е. А. было незлобие, отсутствие зависти и скромность, нежелание выдвигаться. Среди товарищей он не имел недругов. Младшие служащие в большинстве своем любили покойного, о чем свидетельствуют адреса, сердечно написанные, особенно интересен адрес жителей г. Баргузина. Мир и вечная память тебе, мой незабвенный муж и товарищ.

А. Дубровина.

Дело Израиля Покотилова.

(По данным Одесского Истпарта).

Больше 25 дней тянулась забастовка, об'явленная рабочими типографии Южно-Русского Общества печатного дела, требовавшими улучшения экономических условий. Стоявший во главе типографии директор-распорядитель Л. В. Кирхнер, ярый черносотенец, упорно не шел на уступки, но и рабочие были непоколебимы. Между борющимися сторонами несколько раз велись переговоры. В дело вмешался профессиональный союз рабочих печатного дела, но соглашения не было. Кирхнер не хотел удовлетворять законных требований рабочих. Наконец, он как будто пошел на некоторые уступки рабочим, заявив в то же время, что рабочих-евреев он обратно на работу не примет, в последний же момент он вновь отказался даже от тех минимальных уступок рабочим, на которые пошел было в начале.

Трудно предвидеть, чем бы кончилась эта затяжная борьба, если бы в дело не вмешался рабочий-анархист Покотилов.

Портной по профессии, Израиль Покотилов выступил в качестве мстителя за рабочих, и 31 мая 1906 г., днем, на улице четырьмя выстрелами из револьвера убил эксплоататора. Спасаясь от погони, Покотилов отстреливался, но был задержан городовыми и доставлен в участок.

Из отношения начальника Одесского охранного отделения на имя товарища прокурора Одесского окружного суда—видно, что Покотилов в момент убийства директора Кирхнера уже имел определенный революционный стаж и даже привлекался по политическому делу, но был освобожден за недостатком улик.

НАЧАЛЬНИК
Одесского
Охранного Отделения.

Секретно.

24 июня 1905 года
№ 3415.
г. Одесса.

Г. Товарищу Прокурора Одесского
Окружного Суда I-го участка г. Одессы.

Сообщаю вашему высокородию, что убивший 31 минувшего мая директора Южно-Русского общества печатного дела Леонида Викентьева Кирхнера, Бугский мещанин Азриель Шмуль-Хаимов Покотилов, по имеющимся во вверенном мне отделении сведениям в минувшем году входил в состав боевой дружины местного комитета партии социалистов-революционеров, по по-

становлению которого в мае минувшего года был приговорен к смерти пристав Бульварного полицейского участка г. Одессы Панасюк за производимые, будто бы, избиения арестованных и грубое обращение с публикой. Исполнение сего было, возложено на члена боевой дружины названного Покотилова, Деражнянского мещанина Арона Давидова Дуба, мещанина Волынской губ., Симху Фроима Фишелева Столярского (он же Столяр) и Коростышевского мещанина Герша Исаакова Абрамова Манина, которые и занялись выслеживанием пристава Панасюка, в виду чего 21 мая и были задержаны на улице Дуб, Покотилов, шедший с последним Тираспольский мещанин Мордко Гамшеев Безпальцев и Манин, при чем у последнего в кармане пиджака оказался револьвер „Браунинг" и финский нож, обыски же остальных лиц существенных результатов не дали. За недостаточностью данных Покотилов к формальному дознанию по сему делу привлечен не был и по освобождении из-под стражи выбыл неизвестно куда из Одессы. По возвращении в Одессу в настоящем году, Покотилов вошел в сношения и сначала предполагал с неустановленным портным Израилем с'организовать вторую группу анархистов-коммунистов, но затем оба они вошли в состав уже существующей группы, которая снабдила их 30 мая револьверами для совершения ими намеченного террористического акта, но какого именно, известно не было. В виду сего за Покотиловым и „Израилем" было учреждено 30 мая наблюдение, которое их вскоре же утеряло в еврейских кварталах, а с утра 31 мая они встречены не были и, таким образом, перед совершением этого убийства не наблюдались. Подполковник (Бобров).

30 июня 1906 г. № 231. Секретно,
Исх. 1315.

Настоящее отношение имею честь препроводить для сведения г. судебному следователю 12 уч. г. Одессы. Тов. прокурора (Абрашкин).

С каким самообладанием и революционным достоинством держал себя Покотилов при допросе 4 июля 1905 года, видно из протокола его допроса. После ответов на обычные вопросы об имени, возрасте, звании и т. п. он показал, что по административному распоряжению за политическую неблагонадежность был сослан на три года в Архангельскую губ., но в силу высочайшего манифеста в октябре месяце 1905 г. был освобожден, и затем продолжает:

Я признаю то обстоятельство, что заранее решил лишить жизни директора-распорядителя Южно-Русского Общества печатного дела Леонида Кирхнера, я 31 мая с. г. в 5 часов пополудни на углу Дерибасовской и Пушкинской ул. в г. Одессе подстерег его и произвел в него четыре револьверных выстрела,

от коих он вскоре умер, но виновным себя в этом я себя не признаю вот по каким основаниям: как выборный от цеха портных г. Одессы в профессиональный союз депутатов рабочих, я был осведомлен, что директор Кирхнер угнетает рабочих на фабрике Общества печатного дела, уже 25 дней продолжалась забастовка рабочих и несмотря на то, что другие капиталисты пошли на уступки и дали льготы рабочим, Кирхнер особым письмом сообщил в профессиональный союз рабочих об уступках, на которые согласен, он сокращал между прочим рабочий день до 8-ми часов, но когда рабочие из'явили согласие принять эти условия, Кирхнер отказался, при чем заявил, что он согласен принять рабочих на старых условиях с ограничением, что никого из рабочих-евреев он не принимает. Лично против Кирхнера я ничего не имел, никогда между нами никаких отношений не было, и знал я его только как человека, стоящего во главе фабрики. Не принадлежа ни к какой организационной партии, я по убеждению анархист и уверен был, что насильственными действиями против Кирхнера улучшу положение рабочих этой фабрики; каких-либо личных выгод—я не имел в виду. Я имел в виду только насильственным действием против Кирхнера добиться улучшения положения рабочих фабрики печатного дела. Я знал, что Кирхнер пользовался авторитетом среди местных капиталистов, и что если он откажется от дачи каких-либо льгот рабочим, то от дачи таковых откажутся и те капиталисты, которые успели таковые предоставить рабочим. Фактические данные (к этому) так думать у меня есть, но открыть их я не нахожу возможным, впрочем, у меня этих данных нет. Когда 29 или 30 истекшего мая стало известным, что Кирхнер отказывается от дачи каких-либо льгот рабочим и от улучшения их материального положения, я решил убить этого угнетателя рабочих. Узнал я об этом отказе как в союзе рабочих депутатов, так и не в союзе, но от каких именно лиц, я сказать не могу, так как фамилий не знаю, притом я узнал от рабочих союза и от рабочих вообще, но не от отдельных лиц, почему назвать их не могу. Задумав убить Кирхнера, я с этой целью 30 мая сего года на толчке у неизвестного мне человека купил револьвер Браунинг и вчера в 3 часа дня сел на скамейке у какого-то дома по Пушкинской ул. между Дерибасовской и Греческой улицам с той стороны, где помещается правление, и стал ожидать Кирхнера в преположении, что он в то время находится в правлении общества и вскоре будет возвращаться домой мимо меня. Когда Кирхнер прошел мимо меня, я пошел рядом с ним и, пройдя около полуквартала, забежал несколько вперед и в упор в него выстрелил. Сколько выстрелов я произвел—не знаю и не могу дать себе отчета. После выстрелов в Кирхнера я побежал и, чтобы прекратить как-нибудь погоню

за собой, произвел выстрелы вверх. На предлагаемые мне вопросы отвечаю: я поджидал Кирхнера один, дорогу ему не пересекал. Содеянное я задумал и привел в исполнение один без всяких участников. Не сообщал я о задуманном мною никому, так как боялся, что среди лиц, коим я сообщу, могут найтись такие, которые, не сочувствуя моему решению, могут мне помешать в исполнении его. Варновицкого, рабочего фабрики печатного дела, я не знаю. Я не нахожу возможным ответить на вопросы: писал ли я письма Кирхнеру, предупреждающие его, что если он не пойдет на уступки, то будет лишен жизни, и не сообщал ему об этом по телефону. Могу лишь об‘яснить, что Кирхнер знал, что если он не пойдет на уступки, то ему грозит смерть. Знал он об этом в день своей смерти, накануне и раньше, когда именно раньше, я этого не скажу. Восемь лет тому назад я был учеником типографии в течении около двух месяцев в г. Одессе, но где именно, я не знаю и не хочу сказать, чтобы не было никаких оснований предполагать, что содеянное совершил из каких-либо счетов. Я опять повторяю, что Кирхнера я убил не из личных видов, а из-за идеи. Более показать ничего не имею. Израиль Шмулев Покотилов.

На следующий день, 5 июля 1906 года, судебный следователь Вердин вновь допрашивал Покотилова. Его дополнительные показания отличаются той же выдержанностью, смелостью и благородством. Не щадя себя, не говоря ни одного слова в свое оправдание, Покотилов в то же время старается отвлечь даже малейшее подозрение от других лиц, на кого готовы наброситься жандармы.

„На предлагаемый мне вопрос и пред‘являемое мне обвинение отвечаю: я признаю себя виновным в том, что принадлежу к сообществу, заведомо поставившему целью своей деятельности ниспровержение существующего общественного строя, и что убийство Кирхнера совершено мною с целью показать рабочим, как следует бороться с эксплоататорами. На предлагаемый мне вопрос отвечаю: указать членов сообщества этого я отказываюсь. Более ничего показать не имею. Я прошу добавить, что убийство Кирхнера совершено мною также с целью воздействовать на эксплоататоров, чтобы они удовлетворяли требования рабочих и не притесняли бы. Более ничего показать не имею“. Израиль Покотилов. И. д. судебного следователя (Вердин).

ПРОТОКОЛ.

„1906 г. июля 5 дня г. Одесса. Судебный следователь 12 участка г. Одессы пред‘являл настоящее следственное производство согласно 476 ст. У. У. С. обвиняемому Израилю Шмулеву Покотилову, который по выслушании следственных актов об‘яснил: дополнить следствие чем-либо я не ходатайствую, и про-

шу отметить, во-первых, что препровожденная полицией к дознанию по настоящему делу фотографическая карточка с изображением двух молодых людей мне не принадлежит и в моей квартире найдена быть не могла, и, во-вторых, показание, данное мной 4 июля с. г.,—потому ли, что я неправильно был понят, или потому, что я машинально ответил утвердительно на предложенный мне вопрос, не вникнув в его смысл,—не соответствует моим мыслям и тому, что я мог бы сказать: в протоколе этом изложено между прочим, будто одной из побудительных причин убийства Кирхнера был отказ его принять на работу рабочих-евреев; в действительности побудительной причиной служила не какая-либо национальная, узкая цель, а более широкая—убить Кирхнера побудил меня отказ его принять всех вообще рабочих, а не одних только евреев". Израиль Шмулев Покотилов.

Обвиняемому об'явлено, что на основании 478 ст. У. У. С. и приказа временного генерал-губернатора г. Одессы от 24 декабря 1905 г. настоящее следственное производство препровождается прокурору Одесского военно-окружного суда. Израиль Покотилов.

Под следствием Израиль Покотилов сидел недолго. Всего около 3 месяцев, прокуратура торопила с судом. Ей хотелось насладиться скорее зрелищем виселицы, и следственные власти гнали дело „на курьерских".

18-го августа ему была вручена копия обвинительного акта следующего содержания.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

по делу о мещанине Израиле Шмулевиче Покотилове, преданном Одесскому военно-окружному суду временным генерал-губернатором г. Одессы и Одесского градоначальства, на основании п. 6 ст. 10 правил о местностях, об'являемых состоящими на военном положении, для суждения по законам военного времени. 31-го мая 1906 года около $5^1/_2$ часов вечера был убит в г. Одессе на Пушкинской ул., около дома № 4, директор-распорядитель Южно-Русского Общества печатного дела, Леонид Викентьевич Кирхнер; за убийцей его была тут же учреждена погоня, и он был тогда же задержан вблизи места происшествия; по доставлении в участок, задержанный, не отрицая того, что он есть убийца Кирхнера, назвался мещанином Израилем Покотиловым. Произведенным по сему поводу предварительным следствием выяснены следующие обстоятельства настоящего дела.

Около 10 мая рабочие типографии Южно-Русского Общества печатного дела забастовали, пред'явив некоторые требования экономического характера. Правление Общества, не находя возможным принять эти требования во всей целости, согласи-

лось однако сделать некоторые уступки и вступило с рабочими в переговоры; сначала переговоры велись с выборными от рабочих типографии Общества, а затем через посредство правления профессионального союза работников печатного дела. К 31 мая соглашение между сторонами еще не состоялось, хотя обе стороны сделали некоторые уступки, и работы типографии Общества возобновлены не были.—Этого числа около 5 часов дня Л. В. Кирхнер вышел из правления вместе с служащей там же госпожей Негребецкой; дойдя до угла Дерибасовской и Пушкинской, они расстались; Негребецкая пошла по Дерибасовской, а Кирхнер продолжал путь по Пушкинской. Едва Негребецкая прошла от угла шагов 15—20, как услышала выстрел; вернувшись на угол Пушкинской, она услышала другой выстрел и в то же время увидела, что Кирхнер зашатался и упал на землю. Подбежав к нему, Негребецкая услышала, как он сказал: „вот конец этой комедии"; затем Кирхнер впал в безсознательное состояние и вскоре скончался на руках Негребецкой, не приходя в себя. По об'яснению свидетельницы Негребецкой, в то время, когда они с Кирхнером проходили около „Парижской гостиницы" (около квартала до места убийства), им пересекли дорогу трое каких-то людей, из коих двое шли впереди, разговаривая, а третий немного позади; все трое направились к углу Дерибасовской и Пушкинской, после чего свидетельница потеряла их из виду; принадлежали ли все трое к одной компании или шедший сзади шел самостоятельно, свидетельница утверждать не может. По об'яснению свидетеля Сидорова, он был очевидцем убийства Кирхнера, и произошло оно при следующих обстоятельствах: свидетель шел по Пушкинской улице к Думской пл.; по той же улице и тому же направлению, но по другому тротуару, шел Кирхнер; сперва он шел в толпе, но когда покойный миновал Дерибасовскую улицу, то около дома Маразли остался один на тротуаре; в это время на встречу ему показались три человека, из коих один в черном платье шел впереди, а двое сзади; подойдя к Кирхнеру шага на два, передний что-то произнес, и вслед затем раздались два выстрела, а немного погодя еще два; после последнего выстрела Кирхнер упал, а стрелявший человек в черном платье выстрелил еще раз и бросился бежать к Ланжероновскому спуску; два человека, шедшие сзади стрелявшего, при первых выстрелах разбежались в стороны. Какое отношение они имели к происшедшему, свидетель Сидоров определить не может. Кроме Негребецкой и Сидорова, на следствии были опрошены еще следующие очевидцы убийства Кирхнера: поселянин Федор Кирен, мещанин Петр Ледяха, городовые Александр Писарчук и Никита Асютин.—Первые двое шли навстречу Кирхнеру—Кирен по тому же тротуару, а Ледяха по противоположному; как произошло

убийство, Кирен не видел; будучи отделен от Кирхнера колоннами дома Маразли, видел лишь убегавшего от места убийства по направлению к Ланжероновскому спуску человека; пройдя вперед, он увидел лежавшего на земле человека, оказавшегося Кирхнером, и стал оказывать ему посильную помощь; Ледяха, находясь возле банка для Внешней торговли, услышал выстрелы и, оглянувшись, увидел падавшего на землю Кирхнера, от которого бежал человек с длинными волосами, без шапки; последний произвел несколько выстрелов и скрылся за угол; кого-либо еще в то время около Кирхнера—Ледяха не видел; немного погодя к нему подошли фельдшер Кирен и какая-то дама (Негребецкая), на руках их и его, свидетеля, Кирхнер вскоре умер. Свидетель, городовой Писарчук, стоял в момент происшествия на посту на углу Пушкинской и Дерибасовской и вдруг услышал выстрел: обернувшись, свидетель увидел, что возле дома Маразли какой-то еврей стреляет в упор в господина, оказавшегося Кирхнером; сделав 4 выстрела, еврей побежал вниз по Пушкинской, а свидетель, давая свистки, погнался за ним; убегавший, вероятно, видя погоню, пустил несколько выстрелов сзади себя и направился к Ланжероновской, к таможенной площади, где и был задержан выскочившими навстречу ему городовым и солдатами. Будучи опрошен, за что он убил человека, задержанный сказал: „пусть бы он дал то, что у него требовали. Теперь пусть знает“. Свидетель городовой Асютин, стоявший на посту возле русского для Внешней торговли банка, подтвердил в общем показание Писарчука и других свидетелей—очевидцев; и по его об‘яснению, стрелявший был один, и сообщников его Асютин не заметил; Асютин принимал участие в погоне за убийцей и, по его задержании, доставил его в участок, где тот назвался Покотиловым.

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, мещанин Израиль Покотилов, об‘яснил, что он, действительно, произвел 31 мая в директора Южно-Русского Общества печатного дела—несколько выстрелов из револьвера, от коих тот вскоре скончался; сделал он это по заранее обдуманному намерению по следующим основаниям: лично против Кирхнера он, Покотилов, ничего не имел, знал его лишь как человека, стоявшего во главе фабрики; будучи выборным цехом портных в профессиональный союз депутатов рабочих г. Одессы, он, обвиняемый, был осведомлен о том, что директор Кирхнер угнетает рабочих фабрики Общества печатного дела и не желает сделать забастовавшим рабочим этой фабрики требуемые ими уступки; в последнее же время Кирхнер даже заявил, что согласен принять на фабрику рабочих лишь на старых условиях и при том никого из евреев-рабочих обратно не будет принимать. Будучи по убеждениям своим анархистом, он, Покотилов, пришел к за-

ключению, что лишь насильственные действия против Кирхнера могут улучшить положение рабочих фабрики Южно-Русского Общества.

Узнав 29 или 30 мая об отказе Кирхнера дать льготу рабочим и улучшить их материальное положение, он, обвиняемый, решил убить этого угнетателя рабочих. С этой целью он 30 мая купил на толчке у неизвестного ему лица револьвер „Браунинг", а 31 мая, около 3-х часов дня, вышел на Пушкинскую улицу и стал ждать Кирхнера, который по его предположению должен был около этого времени возвращаться домой из правления Южно-Русского-Общества; так и случилось; увидя Кирхнера, он сперва пропустил его впереди себя, а потом догнал, выстрелив в него из револьвера несколько раз в упор, после чего бросился бежать. Сделал все это он один без всяких участников. Он, Покотилов, знал, что Кирхнеру было известно о том, что если он не пойдет на уступки, то ему грозит смерть.

В виду циркулировавших в городе слухов, будто Кирхнер был убит при ближайшем участии бастовавших рабочих фабрики Южно-Русского Общества печатного дела из мести за его неуступчивость и что он перед смертью получил предостережение письмом и по телефону о том, что если он не пойдет на уступки забастовавшим рабочим, то будет убит, на следствии были приняты все меры для выяснения этих обстоятельств, однако, никаких данных, кои бы подтвердили эти слухи, следствием не обнаружено; по поводу предупреждения якобы Кирхнера о готовящемся на него покушении были опрошены жена покойного—Лидия Кирхнер, брат его, Владимир Кирхнер, сослуживцы его Чудновский, Хакаловский и другие, но никто из них не слыхал от покойного, чтобы он получал какие—либо предостережения; что же касается до участия в убийстве рабочих фабрики Общества, где покойный был директором, то свидетельница Негребецкая в первоначальном показании своем указала, что лица, перешедшие ей с Кирхнером дорогу не задолго до убийства,—показались ей рабочими из типографии: один—Варновицким, фамилии же другого она не помнит, однако впоследствии, при пред'явлении свидетельнице Негребецкой—Покотилова, она заявила, что Покотилов так похож на Варновицкого, что она легко могла принять первого за второго, а потому не может утвердительно сказать, был ли пересекший дорогу Варновицкий или Покотилов.

Будучи опрошен на следствии, указанный свидетельницей Негребецкой—мещанин Наум Варновицкий об'яснил, что он совершенно не причастен к убийству Кирхнера и в момент такового находился в другой части города, что отчасти и подтвердилось. Что же касается до Покотилова, то по об'яснению свидетеля Хакаловского, наводившего по этому вопросу справку в

книгах и документах Общества, он никогда на фабрике Южно-Русского Общества печатного дела не работал. Имел ли он какие-либо сношения и знакомства с рабочим этой фабрики, следствием не установлено.—Также не установлено, чтобы Покотилов имел какое-либо прямое отношение к лицам, стоящим во главе правления профессионального союза работников печатного дела, через которых велись переговоры правлением Южно-Русского Общества по поводу забастовки фабрики Общества. Произведенный на следствии осмотр трупа Кирхнера установил, что покойному при жизни были нанесены четыре огнестрельных раны в грудь, правое плечо и правую щеку, три первых сквозные; рана в груди, сопровождавшаяся поранением левого легкого, вызвала обильное кровоизлияние в грудную полость, по мнению врача—эксперта, повлекла почти моментальную смерть.

При задержании Покотилова, у него найдена была лишь обойма (магазинка) от револьвера Браунинга с четырьмя патронами, самого же револьвера при нем не оказалось; он выбросил таковой во время бегства (показание Асютина); револьвер этот был найден преследовавшими обвиняемого лицами и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства; осмотр его на следствии установил, что неподдержанный, вполне исправный револьвер системы Браунинг номер 203166. Обыск, произведенный в квартире обвиняемого, не обнаружил ничего, имеющего прямое отношение к убийству Кирхнера, но при обыске этом была найдена рукопись, принадлежащая Покотилову и представляющая воззвание от имени Одесской группы анархистов-коммунистов ко всем рабочим и работницам. Содержание этого воззвания сводится к убеждению рабочих в необходимости к уничтожению капиталистического строя. „Итак, товарищи, говорится в воззвании, борьба об‘явлена за хлеб и волю: борьба серьезная, опасная, но верная, полная разрушения и ужасов для господ капиталистов, которые довольно насытились нашею кровью... Пускай наш боевой клич раздастся: смерть буржуазному капиталистическому строю. Да здравствует всеобщая экономическая забастовка. Да здравствует коммуна. Да здравствует анархизм-коммунизм.

На следствии было осмотрено анархическое воззвание, выпущенное по поводу убийства Кирхнера, препровожденное судебному следователю товарищем прокурора Абрашкевичем, наблюдавшим за следствием; в этом воззвании восхваляется поступок „рабочего-анархиста“, убившего „смелой и сильной рукой“ директора Южно-Русского Общества печатного дела Кирхнера, „типичного кровожадного эксплоататора рабочих“, далее русским рабочим предлагается не следовать примеру их западных товарищей, а вступить на новый путь—„нужно разрушать частную собственность“.

На основании изложенного мещанин Израиль Шмулевич Покотилов обвиняется в том, что, проникшись учением так называемых анархистов-коммунистов о необходимости уничтожения существующего экономического строя вообще и представителей капиталистических предприятий в частности, считая директора—распорядителя Южно-Русского Общества печатного дела, Леонида Кирхнера, угнетателем рабочих фабрики этого общества; он решил лишить жизни названного Кирхнера, с каковой целью 31 мая 1906 г. в гор. Одессе, состоявшем тогда на военном положении, вооруженный револьвером, подстерег Кирхнера близ дома Маразли на Пушкинской ул. и произвел в него почти в упор четыре выстрела,—каковыми причинил Кирхнеру столь тяжелые поранения, от коих тот тут же скончался. Деяние это, составляя преступление, предусмотренное ст. 1454 Улож. о нак. угол. и испр., в виду предания Покотилова военному суду для суждения по законам военного времени предусмотрено ст. 279 Воин. Уст. о нак. кн. XXII Св. В. П. 1869 г. изд. 3. Обвинительный акт составлен в г. Одессе, августа 14 дня 1906 г. помощник военного прокурора Одесского военно-окруж ного суда, подполковник Абрамов.

Согласно вышеизложенным выводам сего обвинительного акта мещанин Израиль Покотилов—предается мною в порядке п. 6 ст. 19 правил о военном положении Одесскому военно-окружному суду для осуждения за указанные в акте преступления по законам военного времени. Временный Одесский генерал-губернатор, генерал-майор Глаголин.

№ 896. Правитель канцелярии генерального
18 августа 1906 г. штаба (Подпись).

13 Сентября 1906 г. Израиль Покотилов предстал пред Одесским военно-окружным судом. Держался пред судом с редким мужеством, отказался от всякой защиты и открыто признал свою принадлежность к анархистам-коммунистам.

В виду того, что правительством были получены сведения о намерении Одесских анархистов напасть на суд с целью освобождения подсудимого,—были приняты предохранительные меры: с улиц, по которым следовал подсудимый, была удалена вся публика, и усилена охрана из шпионов и жандармов.

Суд после разбирательства дела приговорил Покотилова к смертной казни через повешение. Молодость, искренность и благородство порывов подсудимого, повидимому, произвели настолько сильное впечатление на судей, что они решили ходатайствовать перед правительством о смягчении участи Покотилова и замене ему смертной казни 20 годами каторги и в своем постановлении, очевидно, желая разжалобить „верхи“, не постеснялись пустить в ход заведомую ложь, будто бы подсудимый раскаялся в своем преступлении и т. д., чего на самом деле не было.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Одесского военно-окружного суда 13 сентября 1906 года, по делу о мещанине Израиле Шмулеве Покотилове 20 лет. Председательствовавший военный судья генерал-майор Казначеев и временные члены: полковники 275 пехотного резервного батальона Иваницкий, и 22 драгунского Астраханского полка Зубов, и подполковники: 205 пехотного Измальского полка Яковлев и Зеневич, при рассмотрении дела о мещанине Покотилове нашли, что он учинил с раскаянием полное признание в своей вине, что самое преступление учинено было им по легкомыслию, которым воспользовались другие для вовлечения его в преступление, совершенное им 31 мая 1906 года. Из его рассказа и показаний свидетелей обнаружилось, что сам он, будучи портным, не имел никакого отношения к печатному делу, и что его не только склонили на взятие на себя обязанности убить Кирхнера, но даже следили за ним до момента первого выстрела в Кирхнера, чтобы он не отступил от принятого решения. Осмотр револьвера убедил, что он был новый и дорогой по цене; очевидно, оружие это было ему дано другими, так как приобрести его не имел ни средств, ни возможности. Из дела его следует, что подсудимый Покотилов был первоначально развращен разрушительными учениями, а потом ему дано было в руки смертоносное орудие и указано средство.

На суде Покотилов держал себя почтительно.

Принимая все изложенное во внимание и имея в виду 2 и 4 пункты 134 ст. Улож. о нак., а также ст. 135 того же Уложения, дающие право на смягчение наказания даже на две степени положенного по закону наказания, Суд ходатайствует перед командующим войсками Одесского военного округа о смягчении Покотилову наказания, определенного ему судом, на одну степень, т. е. об избрании ему по 1 степени 19 ст. Уложения каторги без срока, каковое наказание, по силе ст. 139 Уложения, как несовершеннолетнему суд просит заменить двадцатилетней каторгой с последствиями, указанными в ст. 22-25 и 27-29 Улож. о нак.

Тщетно, однако, суд ходатайствовал о смягчении участи юного анархиста, тщетно он приводил целый ряд смягчающих, хотя вымышленных мотивов,—участь Покотилова была решена.

ПРИГОВОР

„по указу его императорского величества 1906 года сентября тринадцатого дня Одесский военно-окружной суд, под председательством военного судьи генерал-майора Казначеева, в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали: временные члены: полковники: 275 пехотного резервного батальона Иваницкий, 22 драгунского Астраханского полка Зубов, и под-

полковники 205 пехотного Измальского полка: Яковлев и Зеневич, при помощнике военного прокурора кандидате Королькове и при помощнике секретаря коллежском регистраторе Кобзарове, слушал дело о мещанине Израиле Шмулевиче Покотилове, преданном Одесскому военно-окружному суду временным генерал-губернатором г. Одессы и Одесского градоначальства, на основании п. 6 ст. 19 прилож. к 23 ст. 11 тома св. зак., по обвинению в деянии, предусмотренном ст. 1454 Улож. о наказ. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 изд. 3.

По письменным на подсудимого сведениям значится, что он мещанин г. Умани, родился 20 октября 1885 года от Шмуля Хаиме Покутило; под судом не был.

По соображении всех обстоятельств дела, Суд признал подсудимого мещанина Израиля Покотилова, он же Покутило, виновным в том, что, проникшись учением так называемых анархистов-коммунистов о необходимости уничтожения существующего экономического строя вообще и представителей капиталистических предприятий в частности, и считая директора-распорядителя Южно-Русского Общества печатного дела Леонида Кирхнера угнетателем рабочих фабрики этого Общества, решил лишить жизни названного Кирхнера, с каковой целью 31 мая 1906 года в гор. Одессе, вооруженный револьвером, подстерег Кирхнера близ дома Маразли на Пушкинской ул. и произвел в него, почти в упор, четыре выстрела, каковыми причинил Кирхнеру столь тяжкие поранения, от коих тот там же и скончался. Настоящее дело Покотилова есть предусмотренное убийство, что предусмотрено ст. 1454 Улож. о нак. уголовных и исправительных и влечет, в виду состояния г. Одессы на военном положении и предания Покотилова суду с применением к нему законов, установленных для военного времени, смертную казнь, на основании ст. 279 XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3. На основании всего изложенного и руководствуясь ст. 1454 Уложения о нак. уголовных и исправительных, ст. 10, 16 и 279 XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, и 6 п. 19 ст. приложения к 23 ст. II тома Св. Зак. Одесский военно-окружной суд, постановил: 1) подсудимого Израиля Покотилова, он же Покутило, как признанного виновным в предумышленном убийстве, по лишении всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение с последствиями, указанными в ст. 22-24 и 27-28 Улож. о нак. 2) Судебные и по делу издержки, буде таковые скажутся, взыскать с имущества осужденного, а при несостоятельности принять на счет казны; 3) вещественные доказательства и приложения, по вступлении приговора в законную силу,—револьвер, обойма с четырьмя боевыми патронами и пулю конфисковать в пользу казны и представить начальнику артиллерии Одесского военного округа, воззвание к одесским ра-

бочим препроводить в департамент полиции, рукопись, фотографическую карточку и квитанционную книжку, как неизвестно кому принадлежащую и не имеющую никакой стоимости, уничтожить; 4) приговор сей по вступлени его в законную силу, но прежде обращения к исполнению, на основании ст. 1409 В. С. У. представить на усмотрение командующего войсками Одесского военного округа. Председательствующий (подпись). Приговор вошел в законную силу 16 сентября 1906 года.

В 5 часов ночи 22 сентября Израиль Покотилов был повешен в Александровском парке. О подробностях казни передают следующее: В 3 часа приговоренного разбудили и предложили одеться. Израиль быстро сообразил, в чем дело, и спросил спокойно у тюремщиков: „Повесят или расстреляют?“. Ему не ответили.

Для напутствования осужденного и для сопровождения его на казнь был приглашен еврейский раввин, который согласился напутствовать обреченного, но просил уволить его от вида казни. Встретившись с раввином, Израиль сказал: „Я отказываюсь от Вас, как от раввина, ибо ни во что не верю, но, как с единоверцем, рад побеседовать с Вами в последние минуты жизни“. Беседа продолжалась с полчаса. Раввин и революционер беседовали на еврейском жаргоне. Покотилов просил передать его родным привет и сказать им, что встречает смерть стойко, без страха и сожаления.

Но вот в окно раздался стук: „Пора выходить“.

Раввин три раза поцеловался с Израилем и быстро вышел. Ему предложили подписать протокол, но он в виду праздника отказался.

Было 5 часов утра. Прочли смертный приговор, и пока его читали, пока в воздухе гасли жуткие слова, несущие смерть, Израиль не дрогнул и не сказал ни слова. К нему подошел палач среднего роста в черном домино с капюшоном на голове. Покотилов сам подошел к эшафоту и несмотря на то, что на голове был мешок, он сам поймал руками петлю. и сам набросил ее на шею. Через 10 минут он уже был бездыханным трупом. Тело его было снято и тут же засыпано землей.

По другим сведениям Израиль перед уходом на казнь принял яд, и повесили его уже трупом.

Так геройски погиб юный революционер, выступивший мстителем за права рабочего класса.

Жуковский-Жук.

